ISSN 0131—0097

ОГОНЁК

№ 12 МАРТ 1991

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ

ОГОНЁК

Выходит с 1 апреля 1923 года

УЧРЕДИТЕЛЬ — ТРУДОВОЙ КОЛЛЕКТИВ РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА «ОГОНЕК»

№ 12 (3322)

16 — 23 марта

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:

Плакат Василия Чекашова

Оформление Н. П. КАЛУГИНА при участии Г. Н. СИДОРОВОЙ.

ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ.
Цена подписки на год — 46 руб. 80 коп.,
на полгода — 23 руб. 40 коп.,
на квартал — 11 руб. 70 коп.
Цена одного номера в розницу — 1 рубль.

Сдано в набор 22.02.91. Подписано к печати 12.03.91. Формат 70×108⅛. Бумага для глубокой печати. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,00. Усл. кр.-отт. 17,50. Уч.-изд. л. 12,05. Тираж 1 790 000 экз. Заказ № 210. Цена 1 рубль.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Телефоны редакции: Для справок: 212-22-69; Отделы: Публицистики — 250-46-90; Литературы — 212-63-69 и искусства — 212-22-19; Морали и писем — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Литературных приложений — 212-22-13, 251-90-55; Справки по рекламе — 212-12-00.

Телефакс (095) 943-00-70
Телетайп 112349 «Огонек»

Рукописи объемом более двух авторских листов не рассматриваются.

Издательство ЦК КПСС «Правда». Типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». Москва, А-137, улица «Правды», 24.

А может, эта страна все-таки поднимаема?

Вы вглядитесь в эти лица — они добрые. Дикость какая-то по нынешним временам, верно? Толпа, очередь — и незлая. Да еще ладно бы состоявшая из лиц одной национальности или единых политических убеждений. А то рядом грузин с узбеком и улыбаются еще друг другу — прямо как на лубочных плакатах из серии «Дружба народов». А уж кто тут коммунист, а кто анархист, и вовсе не разберешь.

Люди пришли на футбол и на хоккей. Их здесь почти сто тысяч — население доброго города. Им бы сейчас самое время где-нибудь за колбасой потолкаться или на худой конец помитинговать. Разделиться на сытых и голодных, левых и правых и начать выяснять, кто во всем виноват. Не выяснить и пойти стенка на стенку. Но они вот идут на футбол.

И значит, есть еще у нас надежда на что-то.

И нельзя дать ей погаснуть.

«Спорт вне политики» — любили мы твердить многие годы. И тащили в него все приемы политической борьбы, причем худшие. Но он вот от этого не стал хуже, если в ватно-промозглый вечер, не поймешь — зимой или по весне, мы поднимаемся городом и идем. Так мы, пожалуй, можем пойти еще сегодня поучаствовать в политике, но это будут уже немножко не те добрые лица, ведь то — борьба, а это — жизнь, которую мы выбираем. Просто жизнь.

Не знаю, хорошо это или плохо, что для счастья в ней нам нужно, если разобраться, не так уж много. Почувствовали себя на один вечер добрыми людьми — спасибо жизни, что оставила нам еще хоть такие радости. Нам — людям, которые вполне способны, оказывается, собравшись вот так вместе, не кричать, не толкаться, не лезть ко всем со своей правотой и не рвать на груди соседа последнюю теплую рубаху. Мы можем жить вместе, представляете?

Митингов — pro и contra — за по-

Фото Анатолия БОЧИНИНА и ТАСС

ЧЕСТНАЯ ИГРА

следние годы в Лужниках было не счесть. В основном, надо признать, мало способствовавших объединению, ибо консолидация на словах и на деле — немножко разные все-таки вещи. Футболов таких — единицы, ибо на просто жизнь от нашей жизни часто ныне не отвлечешься, даже для борьбы нам сплотиться, получается, попроще. А в жизни — жуткая разобщенность.

Последний такой футбол был в ноябре. Мы прощались тогда с игрой, уходя в тревожную зиму, как в неизвестность, не зная, какими мы из нее выйдем. И чтобы посмотреть на себя, выживших, нам тоже нужен был этот мартовский футбол. Мы бросились в него, как тяжелобольные, каждый из которых надеется найти в глазах другого надежду на собственное выздоровление. И — дать ему взамен такой же шанс.

Стотысячная сверка совпадающих диагнозов. И миллионы у телевизоров — одной с нами крови. Весна, футбол, надежда, жизнь...

Сергей МИКУЛИК

Ярославль. Февраль 1991 года. Фото Юрия ФЕКЛИСТОВА.

БОРИС ЕЛЬЦИН: „ГРАЖДАНСКОЙ НЕ БУДЕТ“

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Итоги февральского опроса Службы изучения общественного мнения VP (руководитель — проф. Б. А. Грушин)

1. Процедура опроса

Исследование ставило своей задачей выяснить, кто из людей, оказавшихся в минувшем месяце в центре событий политической, экономической, культурной жизни страны, оставил (с тем или иным знаком) наиболее сильный след в сознании широких масс населения. Список претендентов на звание «Человека месяца» был составлен на основании редакционной почты «Огонька» и предлагался опрашиваемым в алфавитном порядке.

Опрос проводился среди тех, кто принимает активное участие в формировании и выражении взглядов народных масс и кого с полным основанием можно назвать лидерами общественного мнения. Это действующие на уровне Союза, России и Москвы народные депутаты, члены Советов, представители исполнительной власти, лидеры политических партий, общественных движений и организаций, руководители средств массовой информации, ведущие публицисты, деятели науки, культуры.

Важной особенностью исследования было то, что в нем выяснялась не личная позиция респондентов, а оценка ими преобладающих среди населения страны мнений и взглядов. Опрос проводился по телефону с 15 по 26 февраля. Всего было опрошено 486 человек (из 500 предусмотренных выборкой).

2. Результаты опроса

Ответы на первый вопрос — «Кто именно из названных людей привлек к себе наибольшее внимание населения?» (в % к общему числу опрошенных, по мере убывания величин):

1. Ельцин Б. Н.— 28
2. Невзоров А. Г.— 22
3. Павлов В. С.— 16
4. Кравченко Л. П.— 10
5. Фильшин Г. И.— 6
6. Алкснис В. И.— 4
7. Ландсбергис В.— 4
8. Пуго Б. К.— 1
9. Тарасов А. М.— 1
10. Гамсахурдиа З. К.— 0,6

Другие ответы — 1
Затруднились ответить — 4
Отказались отвечать — 2

В приведенных данных, по нашей оценке, главное внимание к себе привлекает не столько первое место Б. Н. Ельцина, сколько второе, весьма близкое к нему,— А. Г. Невзорова. Ведь политическая позиция лидера россиян, нашедшая выражение в его участии в литовских событиях, а также особенно в его нашумевшем выступлении по ЦТВ (заметим, кстати, что после 19 февраля он назывался в качестве "героя месяца" значительно чаще, нежели в первые дни опроса), кажется весьма далекой от откровенно скандальной миссии ведущего «600 секунд», бросившего в народные массы боевой лозунг «Наших бьют!». Это ли не свидетельство глубинных, заслуживающих пристального анализа противоречий в массовом сознании советского общества образца 1991 г.?

Чаще всего имя Б. Н. Ельцина произносили, разумеется, народные депутаты и представители исполнительной власти России (соответственно 46 и 50 процентов от объема этих групп опрошенных), реже других — представители исполнительной власти Союза ССР (16%). Среди тех, кто отдал предпочтение (с точки зрения силы воздействия на население) А. Г. Невзорову, наиболее активными были лидеры политических партий и общественных организаций России и Москвы (34 и 32 процента от объема этих групп опрошенных), а наименее активными — парламентарии РСФСР (10%).

Второй примечательный момент в приведенных данных — довольно скромная позиция нового премьера В. С. Павлова. Начав свою деятельность с пресловутого обмена банкнот, он, казалось, сделал все возможное, чтобы стать в феврале истинной притчей во языцех. Поначалу так оно в сущности и было. Однако затем собственно политические акценты явно возобладали над акцентами экономическими, связанными с тяжкими буднями бытия. Вот и результат...

Ответы на второй вопрос — «Как сказались минувшие события на авторитете Б. Н. Ельцина (А. Г. Невзорова, В. С. Павлова) — он значительно повысился, несколько повысился, не изменился, понизился или значительно понизился?» (в % к числу отвечавших на вопрос):

	Б. Н. Ельцин	А. Г. Невзоров	В. С. Павлов
отвечали на вопрос:	136	109	78
значительно повысился	18	16	10
несколько повысился	27	17	19
не изменился	13	9	13
понизился	27	23	26
значительно понизился	8	25	28
затруднились ответить	7	10	4

Из этих данных можно видеть, что влияние Б. Н. Ельцина на публику оценивалось преимущественно со знаком «плюс» (45% против 35%), в то время как А. Г. Невзорова, напротив, преимущественно со знаком «минус» (33% против 48%). При этом наиболее часто о большем или меньшем повышении авторитета Председателя ВС РСФСР в народе говорили лидеры партий и общественных организаций в целом (68% от числа опрошенных этой категории), а о том или ином понижении его авторитета — лидеры мнений, действующие на уровне Союза ССР (50%). В случае же с А. Г. Невзоровым аналогичные позиции занимали, с одной стороны, лидеры мнений, действующие на уровне Союза ССР (45%), а с другой — представители собственно московских учреждений и организаций (68%).

Пресс-служба VP

Понятно, что к опросам общественного мнения о рейтинге популярности, о доверии тому или иному политическому деятелю, о лидерстве нужно подходить с известной долей осторожности. По крайней мере не стоит впадать в излишнюю эйфорию, когда становишься, как в данном случае, героем рубрики «Человек месяца». Во-первых, общественное мнение переменчиво, к тому же нельзя, да и просто неприлично пытаться быть хорошим для всех.

И все же, чего скрывать, конечно, приятно, когда твои дела, поступки не остаются незамеченными. Для меня февраль был сложным, напряженным, изматывающим месяцем, и то, что социологическая служба профессора Грушина назвала меня «человеком февраля», позволяет сделать утешительный вывод: этот месяц я прожил не зря. К тому же я рад возможности обратиться к читателям «Огонька». В период информационной блокады, в которой оказался российский парламент, прямой разговор с читателями без посредников, интерпретаторов, коммунистических обозревателей и прочих пересказчиков особенно важен.

Совсем недавно я выступал перед самыми разными аудиториями в Ярославской, Калининградской, Новгородской областях. И хотя встречаться пришлось и с рабочими, и интеллигенцией, и крестьянами, и военными, и партийными, хозяйственными работниками — людьми разных политических взглядов, симпатий, пристрастий, я давно не припомню такого единодушия в главном, в понимании того, что страна докатилась до самой последней стадии развала и отступать дальше уже некуда.

Те, кто довел одну из самых богатых, талантливейших стран планеты до нищенского, унизительного состояния, должны всегда иметь в запасе образ «врага», виновного во всем происходящем. «Враг» был всегда, все семьдесят три года советской власти,— сначала буржуи, помещики и капиталисты, потом контрреволюционеры, троцкисты, правые и левые уклонисты, а также кулаки, затем ЦРУ, империализм и сионистский заговор. А теперь вот новый «враг», поскольку в ЦРУ, троцкистов и капиталистов уже никто не верит. Новый «враг» — это «так называемые демократы», которые дестабилизируют, агонизируют, подрывают, дезориентируют, делают всякие прочие гадости, рвясь к вожделенной власти. Исходя из этой логики, чтобы стало в этой стране совсем хорошо, надо совсем немного —

ВОЙНЫ

убрать демократов, как-нибудь от них избавиться, и наступит прекрасное время под названием «коммунистическая перспектива», «социалистический выбор» и «светлое будущее».

После избрания меня Председателем Верховного Совета России я совершил одну очень важную тактическую ошибку. Я поверил Горбачеву. Мне казалось, что союз с Горбачевым может стать очень важным стабилизатором ситуации как в республиках, так и в стране. И многие меня к этому подталкивали. Совместная работа над программой «500 дней» еще больше сблизила интересы обновляемого Союза республик и Центра. Горбачев признался принародно, что программа Шаталина — Явлинского видится ему интересной и перспективной. Казалось, еще один шаг — и мы вместе можем ступить на ту дорогу, которая выведет нас из кризиса. Но нет. Он вдруг резко изменил свою позицию, программа «500 дней» рухнула, похоронив за собой всякие надежды на выход из тупика. Вместо того чтобы тогда же и порвать с Центром, жестко отделиться от политики полушагов, полумер, полуреформ Президента, я поддался иллюзии, что мы еще можем договориться. Оказалось, нельзя. Нельзя договориться с Президентом, который одновременно является Генеральным секретарем ЦК КПСС и для которого всегда интересы партийной кастовости, интересы партийной номенклатуры будут превыше любых других интересов.

И мы потеряли четыре месяца. Топтались на месте, косвенно поддерживая Центр своим молчанием.

19 февраля в выступлении перед телезрителями в прямом эфире по Центральному телевидению у меня хватило мужества заявить: я отмежевываюсь от политики Горбачева. Нельзя, безнравственно было бы и дальше безропотно наблюдать за тем, как, пытаясь сохранить прогнившую систему, нынешнее руководство тащит всю страну к хаосу и катастрофе.

Да, февраль для меня стал месяцем выбора. Жесткого, но однозначного, необходимого. Я считал до того, что не наступило еще время для оформления левыми силами своей политической организации и что, выйдя из КПСС, я до конца дней своих избавил себя от необходимости вступать в какую бы то ни было партию. Сегодня я понимаю, что это была еще одна моя иллюзия. Без мощной, хорошо организованной партии левых сил на основе Демплатформы, других демократических движений нам не выстоять против КПСС. Коммунисты ринулись в атаку, и вот уже с самых высоких трибун все чаще начинает звучать «фронтовая» терминология. Президент пугает «гражданской войной». Коммунистов призывают «выходить из окопов». Уже, казалось, навсегда сданные в архив за ненадобностью, пахнущие нафталином штампы о классовой ненависти и классовом подходе вдруг срочно оказались вытащены на свет.

Все мы видим: идет усиленная накачка, обработка населения. Создать сейчас атмосферу страха, неуверенности, истерии — это единственный способ обанкротившейся власти еще какое-то время удержаться наверху. Они все время повторяют, что этот год решающий. Значит, и нам пора четко и ясно сказать самим себе: да, этот год решающий. Или демократию задушат, или мы победим и вытащим страну из того ужасного состояния, в котором она оказалась. В случае поражения демократов страна окажется не в 1985-м, застойном и по сравнению с сегодняшними временами тихом году, нет, наступят времена пострашнее.

Но лично я верю совсем в другую перспективу. Верю, потому что за нами народ. Потому что на митинги в поддержку демократических идей приходят сотни тысяч людей, приходят по зову сердца, на эти митинги участники приходят не строевым шагом и по приказу командующих воинскими частями и соединениями.

В эти дни шахтеры бросились в отчаянную схватку за идеи демократии. То, что им пришлось обратиться к столь жесткой и тяжелой для всех форме борьбы, как забастовка, говорит только об одном: запас терпения у народа иссяк. Сейчас на них будут давить со всех сторон, на бастующих обрушится шквал клеветы, дезинформации, лидеров забастовочных комитетов попытаются запугать судами и штрафами, и очень важно, чтобы шахтеры ощутили за своей спиной поддержку самых разных людей. И мы должны их поддержать.

Я уже говорил, что «во всем виноваты демократы» — это очень удобная формула. В частности, мы «виноваты в развале Союза». Понятно, что те, кто придумывает подобные заклинания, сами отлично осведомлены, кто же на самом деле и в чем виноват. Кто оттолкнул семь республик от Центра, для кого словосочетание «обновляемый Союз» не больше, чем ширма для косметического ремонта все той же командно-бюрократической системы, а в основе отношений между Центром и республиками все то же имперское мышление. Республики — это все равно что маленькие дети, их можно больно шлепнуть по рукам, как Литву, например, а можно конфетку дать — за хорошее поведение, выделить многомиллионный валютный кредит в частности. Главное, что есть дядя, который все знает, все за всех решает, его и надо всем слушаться.

Вот такой обновленный Союз. Вот такие суверенные государства-республики.

Еще одна моя ошибка и еще одна иллюзия, когда, получив большинство на выборах на российском Съезде народных депутатов, став Председателем Верховного Совета республики, я вместе со своими единомышленниками решил, что это и есть победа. Теперь мы можем, решили мы, приняв хорошие законы и назначив энергичных, талантливых исполнителей, начать обустройство нормальной человеческой жизни. Оказалось, ничего подобного. Вся власть в стране, так же как и в республиках, по-прежнему оставалась у тех, кто семь с лишним десятилетий успешно разбазаривал и разворовывал это государство и делиться этой властью не собирался,— это партбюрократцентр.

Таким образом, я, руководитель парламента крупнейшей, многомиллионной республики с огромной территорией и огромными возможностями, понятия не имею, что сотворит с Россией и что с нею Президент, пользующийся минимальным доверием народа, и Правительство, не пользующееся этим доверием совсем. Я ложусь спать и не знаю, где, в каких обстоятельствах, как проснусь завтра. Конфискуют ли у меня и у моих сограждан деньги под видом обмена купюр, заморозят ли вклады в связи с борьбой с инфляцией, захватят ли ночью российскую телерадиокомпанию или просто лишат ее эфира, введут танки, десантников на улицы или нет?.. Все это решается в Кремле, на Старой площади, в КГБ, Министерстве обороны, где угодно, но только без Российского парламента. Мы же только с ужасом успеваем наблюдать за очередными агонизирующими действиями Центра. И все это называется «суверенитет республики».

Только что опубликованный вариант Союзного договора, который подготовлен Центром и будто бы одобрен на девять десятых всеми республиками, принимавшими участие в его обсуждении, я подписывать не буду. Проект его не подписал и руководитель рабочей группы Хасбулатов. И я надеюсь, Съезд народных депутатов России, народы России меня в этом поддержат. У нас несколько десятков серьезнейших замечаний к тексту договора, начиная от названия документа и заканчивая основополагающими его принципами, в частности кто является субъектами федерации, как предполагается разграничить республиканскую и союзную собственность, вопросы разделения функций управления страной и республиками и т. д. Это все серьезнейшие проблемы, не решив которые о каком бы то ни было договоре говорить бессмысленно. А значит, и о Союзе в целом.

Хотя я уже знаю, какой готовится сценарий, чтобы устранить от подписи под Союзным договором Председателя Верховного Совета РСФСР. Блок «Коммунисты России» предполагает на внеочередном съезде для подписания договора создать группу полномочных представителей, которая от лица России и подпишет новый Союзный договор. Кстати, там много еще чего готовится, на этом съезде. На нем нам попытаются дать решительный бой, будет сделана попытка сменить руководство парламента республики, и сейчас на Старой площади уже вовсю работают целые группы, которые придумывают и готовят компроматы на неугодных руководителей, разрабатывают различную тактику действий на съезде, подбирают кандидатуры на руководящие посты в парламенте и правительстве республики. В общем, работа кипит.

При такой ситуации наш главный аргумент в борьбе против партийно-бюрократических структур — это прямое обращение за поддержкой к народу. Люди тянутся к нам не потому, что демократы ростом выше, осанкой стройнее и вообще выглядят симпатичнее партаппаратчиков. Может быть, вовсе и наоборот. Просто идеи, которые объединяют нас всех, они притягательны и просты: человек должен иметь право свободно трудиться и свободно распоряжаться результатами своего труда. И все. Больше ничего не надо.

Первые секретари обкомов, сидящие одновременно в креслах председателей областных Советов, саботируют большинство решений, принимаемых Российским парламентом и правительством. До 15 марта каждому из них придется определиться. Российский закон запрещает совмещение поста руководителя Совета с руководством в любой другой общественной организации. Это очень важно для всей республики. Там, где областные Советы продолжают быть, по существу, филиалами обкомов партии, там не выделяют земли под фермерские хозяйства, там блокируются всякие попытки развить новые формы хозяйствования. А там, где удалось взять власть в руки смелым, энергичным людям, там и приватизация пошла, и появились сотни, тысячи фермеров со своими землями, там идет нормальная, напряженная, творческая жизнь.

Я надеюсь на результаты российского референдума. Всегда считал и продолжаю считать, что президента республики необходимо избирать всем народом, прямым голосованием. Уверен, что эту цивилизованную, демократичную форму выбора руководителя республики поддержат большинство участников референдума. А затем необходимо будет сделать следующий шаг. И руководители всех Советов также должны избираться прямым голосованием. Только тогда у нас будет сильная исполнительная и законодательная власть. И вообще вся структура власти будет подкреплена, поддержана прямым волеизъявлением народа.

Я убежден, при всем том трагическом положении, которое сложилось в стране, у нас еще есть шанс выбраться из этого гнилого болота. Лишь бы только не мешали нам работать. В ближайшее время наши экономисты вынесут на обсуждение российский вариант программы «500 дней». Еще одно сверхважное дело: за этот месяц мы сделаем все от нас зависящее, чтобы все желающие получить нынешней весной землю получили ее и начали на ней работать. Я уверен в россиянах, мы все достойны лучшей участи, и, кажется, настало время строить свою жизнь собственными руками.

А в гражданскую войну я не верю. Сколько бы ни взвинчивали атмосферу, ни нагнетали ее Президент и его окружение, я абсолютно уверен в здравом смысле людей.

А во что же еще осталось верить...

■

Время от времени встречаются на улицах сожженные киоски кооператоров. Можно, конечно, списать это на «гнев народа», хотя эти представители народа часто идут по статье о рэкете. А сожженные фермы? Пока, правда, роковую спичку подносят чаще всего бескорыстные «борцы за чистоту идеалов» из числа соседей по деревне. Но не исключено, что в скором времени к ним присоединятся профессионалы. Первые сигналы уже появились — скачок рыночных цен на мед привел к грабежам на пасеках. А что начнется, когда рухнут последние законодательные преграды и каждый сможет взять в собственность землю, мастерскую, магазин?

«Идейные борцы» из деревенских и городских люмпенов вместе с «профессионалами» возьмут новых собственников за глотку. Конечно, кооператив с дюжими мужичками и парой двустволок отобьется. А что делать пасечникам или хуторянам-одиночкам, поднимающим хозяйство в глуши, на развалинах брошенных деревень? Повстречаются пару раз с лихими людьми и подадутся обратно в город или в родной колхоз, где и бедно, и голодно, но потому и безопасно — с нищего что взять?

Правоохранительным органам, даже если и захотят они защитить «нарождающийся класс», трудно придется, когда появится у нас «что грабить». Не рассчитаны эти «органы» на защиту собственности.

Вы скажете, что я сгущаю краски? Хорошо, если я ошибаюсь. Но чтобы избежать исполнения этого прогноза, заранее «в пакете» с законами о собственности и земле следует предусмотреть закон о защите собственности. Чтобы не сказали потом «несгибаемые»: «Мы же им давали землю, а они не захотели брать».

О. ПУТИЛОВ
Новосибирск

■

Мы, воины-«афганцы» города Альметьевска Республики Татарстан, обращаемся ко всем солдатам и офицерам Советской Армии с тревогой и надеждой. Сегодня все происходящее в Прибалтике очень напоминает события в Афганистане. Все эти интервью с воинами, защищающими социализм и выполняющими свой интернациональный долг, благодарные письма от «простых людей»... Как нам все это знакомо! Возьмите газеты десятилетней давности с репортажами об Афганистане. Та же фразеология, те же методы и даже зачастую журналисты те же.

Гибель в Афганистане наших товарищей видится вдвойне трагичной оттого, что для нас эта война была неправедной и несправедливой. Мы виновны перед ними и афганским народом. Но главное преступление лежит несмываемым позором на том режиме, который использовал 18—20-летних, отравленных пропагандой и еще не окрепших в своих убеждениях парней. Сегодня тот же самый режим пытается устроить новый Афганистан в Прибалтике. С этой целью сейчас солдат и офицеров обманывают, а расплачиваться им придется всю жизнь. Неужели «социализм с человеческим лицом» стоит того, чтобы ради него проливать кровь мирных граждан?

Особо мы обращаемся к офицерам. У офицеров русской армии вопросы карьеры и смысла воинской службы никогда не противоречили понятиям чести и достоинства. Мужество и героизм — неотъемлемые качества офицера, и вдвойне они необходимы для того, чтобы поступить по совести и не выполнить преступный приказ. Нам понятны их боль и обида за дискриминацию их и их семей. Мы считаем, что у литовской стороны в отношении военных эмоции победили разум. Но кто виноват в этом изначально? Признай Центр суверенитет Литвы, еще в прошлом году можно было бы заключить приемлемое для всех соглашение о статусе армии в Литве. Но Центр этого не сделал. Зато теперь армию сделали «козлом отпущения». Неужели Тбилиси и Баку так ничему и не научили? В очередной раз реакция совершила преступление руками армии, перед которой стоял безоружный народ, способный сам решать, как ему жить, а позади — партаппарат и генералитет со своими дачами и привилегиями.

Призываем солдат и офицеров подумать, с кем они, и сделать выбор, чтобы не повторить нашей ошибки.

Н. БОЧКАНОВ, А. СУВОРОВ, А. ГАЛИУЛЛИН, Р. ГИЛЬФАНОВ, всего 32 подписи
Альметьевск

■

В последнее время телевидение стало предметом всеобщего внимания. В адрес председателя Всесоюзной телерадиокомпании раздается масса нелестных отзывов. Казалось бы, все несчастья нашего ТВ и соответственно миллионов телезрителей сконцентрированы в личности одного человека. Но я думаю, что претензии к Кравченко направлены не по адресу. Их можно сравнить с претензиями жертвы к орудию казни, которое само по себе не убивает человека. Существуют люди, принимающие решение, которое и приводит механизм исполнения в движение. Следует хорошо подумать, что является истинным источником наших телезрительских бед. Телевидение — лишь отражение процесса, называющегося наступлением на гласность. По всей видимости, происходящее в области средств массовой информации является следствием перемен в высших эшелонах власти. В тот момент, когда встал вопрос о средстве, с помощью которого можно удерживать в повиновении народ, то есть о собственности, сторонники сохранения «нетленных идеалов» «чистого» социализма продемонстрировали Горбачеву, кто является действительными хозяевами страны.

Мы все уповаем на то, что появится Российское ТВ, но чего оно будет стоить, если на внеочередном российском съезде Ельцин будет снят? Театр одного актера или вечера с Полозковым? Телевидение только тогда будет чего-нибудь стоить, когда его отделят от партийно-государственной машины. А пока свою пресс-конференцию Кравченко проводит в ЦК на Старой площади. Простодушие или демонстрация силы?..

Д. ПЕТРОВ
Новгород

■

После второй мировой войны состоялся Нюрнбергский процесс, который поставил точку в истории немецкого фашизма. Для многих немцев информация о концлагерях и миллионах убитых была откровением. Нюрнберг был страшным моментом, но и моментом очищающим. Осознавшая всю чудовищность падения нация пережила чувства глубочайшего позора и стыда за содеянное, но взамен приобрела новую систему нравственных и политических координат. Немцы приложили все усилия к тому, чтобы им не было стыдно перед самими собой и перед всем миром за то, что они делают сегодня. Продуктовые посылки ветеранам и экономическая мощь, позволившая после объединения взять на содержание целую страну, лучшее тому свидетельство. Если бы в 1945 году народу была сказана полуправда, трудно предположить, что бы из этого вышло.

Все наши сегодняшние беды — следствие того, что мы до сих пор не пережили своего Нюрнберга. И наша система координат основывается на полуправде.

Разоблачение Сталина и его администрации проливает свет лишь на часть советской истории, оставляя в тени истинный источник наших бед. За 12 лет фашизма в концлагерях погибли 11 миллионов человек, из них менее миллиона немцев. За первые 7 лет советской власти, по разным источникам, мы потеряли от 15 до 25 миллионов, а общее число наших потерь в результате различных «мероприятий» — 66 миллионов. Мы перекрыли рекорд фюрера в уничтожении собственной нации в 66 раз! Мы все боимся этого слова, но если в Германии был фашизм, то как же назвать то, что происходило у нас? И на фоне этих цифр еще кто-то пытается рассуждать об идеалах революции и социализме. Наш народ сможет восстать из нищеты и убожества, только осознав всю правду. Без собственного Нюрнберга нам не выбраться из пут тех, кто ради сохранения собственной власти готов с пеной у рта оправдывать любые преступления. Мировой опыт показывает: оставьте людей в покое, и они сами решат, что им нужно делать.

М. МЕДВЕДЕВ
Москва

■

Берусь утверждать, что нет в СССР ни одной семьи, в которой хоть один из членов не заслуживал бы компенсации за утрату и страдания: вдовы и сироты не вернувшихся с войны; исполнившие «интернациональный долг»; семьи погибших в лагерях; жертвы «судебных ошибок» неполитического характера; «раскулаченные»; инвалиды труда; жертвы ядерных испытаний. Безусловно, все эти люди заслужили нормальную человеческую жизнь, которая в нашей стране называется «льготой». Но вот вопрос: кто за эти льготы будет платить?

Отовсюду раздаются заклинания: «Мы все в долгу перед...» и «Мы должны защитить наименее обеспеченные слои». Лично я не чувствую себя в долгу ни перед кем. Я не развязывала войны и не уничтожала лучшие кадры командного состава, не посылала наших парней в Венгрию и в Афган, не проводила коллективизацию, не писала доносов, не выселяла народы, не устанавливала нищенских зарплат и пенсий... Почему же я должна оплачивать долги режима?

ГЕНЕРАЛ РВЕТСЯ В БОЙ

Только что «Огонек» (№ 9) рассказал, как «Военно-исторический журнал» осудили за клевету. Журнал этот и его редактора — генерала В. Филатова обязали принести извинения и понести судебные издержки.

Но генерал снова рвется в бой. Возвратясь из Ирака, откуда он слал в «Советскую Россию» репортажи о «доблестных контратаках» иракских вояк даже в день, когда они запросили пощады, генерал снова отметился. На этот раз в газете с замечательным названием «Щит и меч». Генералу вспомнилось, что осенью прошлого года он хотел подискутировать со мной в городе Нью-Йорке, где мы оба — правда, по разным поводам — оказались в ту пору. Я не захотел дискутировать с генералом, и он дает волю своей разбушевавшейся в Ираке фантазии, объясняя факт моего отказа.

Поскольку вопрос этот был однажды мне задан и на московском телеканале, где я тоже не захотел дискутировать с генералом, отвечаю снова.

Я не могу и не буду разговаривать с человеком, которого считаю непорядочным и которому не подам руки. Это я сказал по телевидению и это повторяю сейчас. С человеком, исповедующим филатовские взгляды на жизнь и публикующим гитлеровскую «Майн кампф» у себя в журнале, мне разговаривать не о чем. Теперь, генерал, вам ясно?

Лживыми являются и многие другие генеральские утверждения в упомянутой статье, и не только в ней. Можно было бы снова сводить генерала в суд. Но и там «Огонек» и я общаемся с публикой такого сорта исключительно через адвокатов. Мне кажется, что, кстати, к суду В. Филатова могли бы привлечь и офицеры Советской Армии, которых он и еще несколько подобных ему позорят. Мне кажется постыдной и опасной ситуация, при которой нескольких старших офицеров совершенно откровенно используют для грязных делишек, тут же предоставляя им для защиты государственно откованные щиты и мечи. Включая газету «Щит и меч». У тех, кто делает это, цель оправдывает средства. Но очень прискорбно, что недостойная цель позорит офицерство и его кодексы чести.

Виталий КОРОТИЧ

КТО ЗАЩИТИТ СОБСТВЕННИКА? ●
ТЕЛЕВИДЕНИЕ: ПРЕТЕНЗИИ НЕ ПО АДРЕСУ ●
МИЛОСЕРДИЕ В РУИНАХ ●

«За чертой бедности» я не живу лишь потому, что уже который год работаю на износ: веду 30 преподавательских часов вместо положенных 18, то есть почти вдвое больше нормы. И никто из «слуг народа» не имеет права бесцеремонно залезать в мой карман и выгребать из него рубли на оплату своего «милосердия»!

Идея оделить бедных, ограбив «богатых», не нова. Но на деле «справедливость» устанавливают методом лисы, делившей сыр медвежатам. Медвежата хотели, чтобы им достались одинаковые кусочки сыра, и лиса откусывала у каждого, пока не осталось у них по крошечному кусочку — зато одинаковому! Из своих доходов оплачивать «социальную справедливость» никто из правящей элиты, разумеется, даже не подумает.

Т. СЛУЖЕВСКАЯ,
преподаватель педагогического училища
Ленинград

■

Хочу поблагодарить за публикацию «Расставание с богом» в № 51. Я полностью согласна с обоими собеседниками. Подобные статьи совершенно необходимы, так как Ленин — по-прежнему божество для многих наших сограждан и нужно, чтобы пелена наконец спала с их глаз. Слепое поклонение всегда унизительно. Непредвзятое чтение ленинских произведений, посвященных политическим вопросам, у здравомыслящего человека в большинстве случаев вызывает протест и негодование. Тщетны ссылки ленинистов на иную мораль, якобы бытовавшую в то время, на неправомерность осуждения большевиков с сегодняшних позиций. Свидетельства современников не в пользу большевистской морали. «Окаянные дни» Бунина и «Несвоевременные мысли» Горького теперь, к счастью, может прочесть любой.

Может быть, абстрактно Ленин был против террора. Террор для него не являлся самоцелью, а был только средством. Средством запугать или уничтожить непокорных. Цель же у большевиков, внушали (и внушают) нам, была столь благородна, что оправдывала любую кровь. В одном поклонники Ленина правы: не стесняясь в выборе средств, большевики действовали по-своему абсолютно логично, ибо в противном случае у власти им было не удержаться. Куда же они вели и какой земной рай готовили стране? Рай для властителей и казарму для исполнителей их воли.

Сейчас принято делить Ленина на «раннего» и «позднего». Что ж, в конце жизни он и в самом деле изменил свою «точку зрения на социализм». Лишь неудачи в осуществлении планов, стоивших жизни миллионам, заставили его отступить. О том, что нэп — отступление, Ленин повторяет многократно и настойчиво. «Из России нэповской будет Россия социалистическая» — почему эти слова не в почете у нынешних ленинцев? Так в чем же гениальность Ленина? В искусстве политического лавирования? В умении уловить настроения масс и ловко спекулировать на них? Да, здесь он оказался на недосягаемой высоте, к несчастью для соотечественников. Может быть, поблагодарить Владимира Ильича за идею слияния государственного аппарата с партийным («Лучше меньше, да лучше»)? За инициативу расстрела инакомыслящих (записки к наркому юстиции Курскому, 1922 год)? За что уважать этого человека?

Состояние общественной мысли в наши дни подобно пробуждению от тяжелого бреда. Ваш журнал по мере сил способствует этому. Может быть, иные из верных ленинцев в жажде опровергнуть оппонентов перечитают все же творения своего кумира. И, может быть, это заставит их очнуться.

Н. ВАСИЛЬЕВА
Барнаул

■

Моя жена Е. С. Хлебникова в октябре 1990 года переехала на постоянное жительство в Будапешт к сыну. Приехав в Киев на Новый год, назад улететь она не может. Аэрофлот требует... доллары! Цена от Киева до Будапешта выше, чем от Москвы до Нью-Йорка! Эти правила установлены Международным коммерческим управлением Аэрофлота. По какому же праву? Кто и на каком основании эти «правила» санкционировал? Жена — гражданка СССР. В Будапеште получает пенсию в форинтах. Внешэкономбанк дважды отказывал в переводе ее денег в Венгрию. Советские рубли жены остались в сбербанке Киева. Советское учреждение, использующее отечественный керосин и самолет, на советской земле отказывает советскому человеку в покупке советского билета за советские деньги, нажитые ценой 45 лет работы! Этот произвол ничего общего не имеет с заявлениями о политике реформ и приоритете прав человека. Наш новый премьер-министр В. Павлов, отвечая на поздравления, заявил: «...я намерен приложить все силы... обеспечить всем советским людям достойное существование и уверенность в завтрашнем дне». Обратите внимание, не жизнь, а существование!

Я ветеран двух войн. Рабочий. Очень горько, когда тебя и в конце жизни унижает собственное государство.

А. ХЛЕБНИКОВ
Киев

■

Я крестьянский сын. Сейчас мне 69 лет, и сельское хозяйство я знаю хорошо. Сколько же драгоценного времени уходит у нас на пустые споры о продаже земли! Конечно, землю надо продавать всем и столько, сколько кто захочет купить. Ведь какие огромные пространства пустующих земель находятся на территории нашей страны, сколько полупокинутых деревень стоят забытыми и убогими. Нужно дать возможность покупать землю не только советским людям, но и зарубежным гражданам. Ведь у них хороший опыт ведения нормального сельского хозяйства. Они привезут с собой необходимую технику, будут учить наших крестьян создавать надежные фермерские хозяйства. Землю покупают не для того, чтобы ее коллекционировать, а для того, чтобы на ней трудиться тяжелым повседневным трудом. Надо приветствовать всех, кого прельщает деревенская жизнь в глуши, всех, кто не боится месить грязь весной и осенью по российскому бездорожью.

Не получилось у нас с колхозами. Но это полбеды. Беда в том, что до сих пор не все понимают это или не хотят признавать.

Н. ПОЛОВЦЕВ
Донецкая область,
пос. Светлый

■

В Москве, в бывшем Донском монастыре, можно увидеть интересную скульптурную группу. Очаровательная женщина протягивает руку к ребенку, на лице которого застыла радость ожидания ласки. Другой ребенок прильнул к груди женщины. Вся эта каменная композиция — гимн человеческому участию в судьбе осиротевших детей. Она могла бы стать эмблемой для Детского фонда или Общества милосердия.

Эта основательно разрушенная аллегорическая композиция фигур, олицетворяющая Милосердие, Образование и Воспитание, была установлена в 1835 году на фронтоне здания Сиротского института для девочек на площади близ Арбата. Автор этой работы — выдающийся русский скульптор Иван Петрович Витали — обладал не только самобытным талантом, но и добрым сердцем.

Судьба этой каменной аллегории печальна. В 1946 году эта монументальная скульптура была снята с фронтона здания, занятого под управление Министерства обороны СССР. Затем, кое-как собранное, это творение Витали очутилось во дворе Донского монастыря и оказалось формально принадлежащим филиалу Музея архитектуры, а фактически — ничейным. Сернистые газы разъели поверхность известняка и слабого цемента. Густой мох покрыл каменные ступни и колена ног статуй, а некогда миловидное лицо того самого ребенка, что протягивал руки к милосердной женщине, покрылось язвами от коррозии. О, если бы камни могли кричать!

А. ВИКТОРОВ
Москва

■

Даже в наше суровое время решение Московского управления таксомоторными парками — введение платы за вызов на дом (8 рублей!) — поражает своей жестокостью.

Эта акция направлена в первую очередь против самой слабой, незащищенной части нашего общества — одиноких и беспомощных стариков и инвалидов, для которых вызов такси на дом — единственная возможность попасть в поликлинику, в протезную мастерскую, наконец, просто встретиться с близкими людьми.

Мы, относительно молодые и здоровые работающие люди, это нововведение как-нибудь переживем.

Но для стариков и инвалидов с их постоянными болезнями и нищенскими пенсиями это катастрофа.

Ведь эти несчастные люди не могут выйти на демонстрацию или устроить забастовку — не могут защитить себя. Неужели в нашей стране некому заступиться за них?

А. МОРОЗОВА
Москва

«А что мы ответим детям своим? — спрашивает нас в письме прапорщик И. Федькин.— Вопрос референдума — вопрос их будущего. Уже сегодня надо им объяснять»...

Поэт Э. Успенский объяснил, как мог. Присылайте ваши объяснения.

Эдуард УСПЕНСКИЙ

КРОШКЕ СЫНУ

Входит к папе карапуз,
Спрашивает кроха:
— Обновленный наш Союз —
Разве это плохо?
У меня секретов нет.
Чтобы все узнали,
Папы этого ответ
Помещу в журнале.
— Если наш СССР
Обновленным станет,
От него КПСС
В жизни не отстанет.
Новый путь КПСС
Вскорости предложит.
Не работает, а ест —
Это она может.
Это значит, КГБ
Станет помоложе,
Потому что КГБ
Обновится тоже.
Всем полковникам дадут
Новые погоны,
А солдатам раздадут
Новые патроны.
Вновь начнут заводы танки
Делать вместо «Жигулей»,
Снова нас завалят банки
Миллиардами рублей.
Так что это чистый бред —
Обновлять Союзик,
Мы уж лучше скажем «НЕТ»,
Милый карапузик.

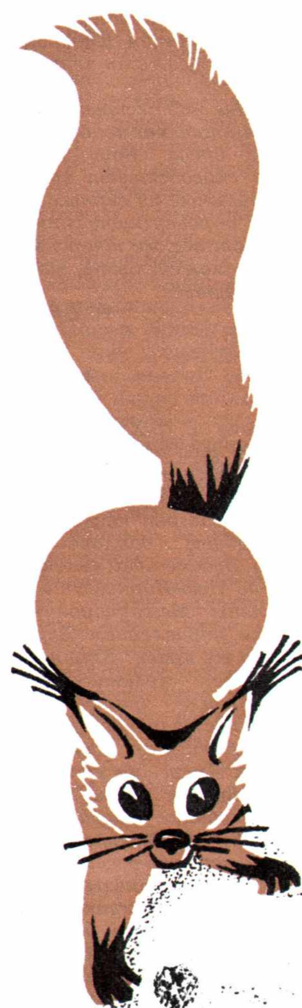

Смотри стр. 32.

СП АЛИН®

АЛМАЗ
НА РУСИ
ИЗДАВНА
НАЗЫВАЛИ
ЧЕСТНЫМ КАМНЕМ...

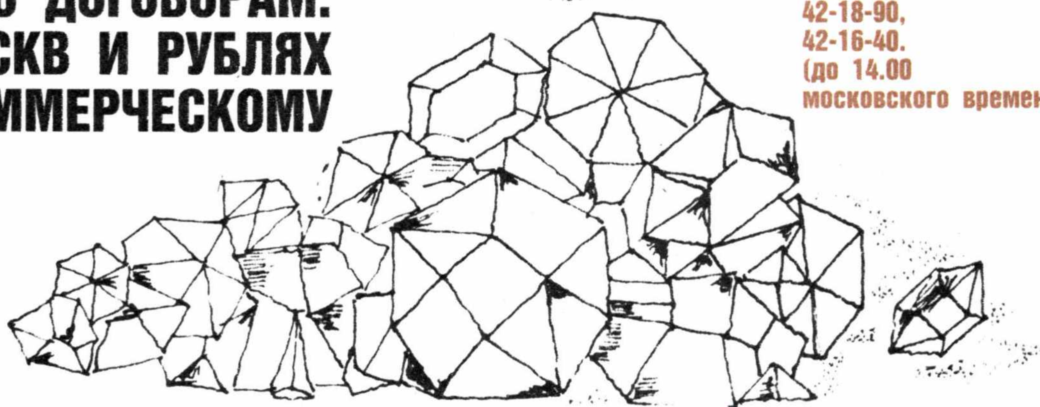
**БИЗНЕС
СП «АЛИН»
ЧЕСТЕН,
КАК
АЛМАЗ!**

«АЛИН» — совместное предприятие, учрежденное ПНО «Якут-Алмаз» и государственным предприятием по выпуску алмазного и твердосплавного инструмента.

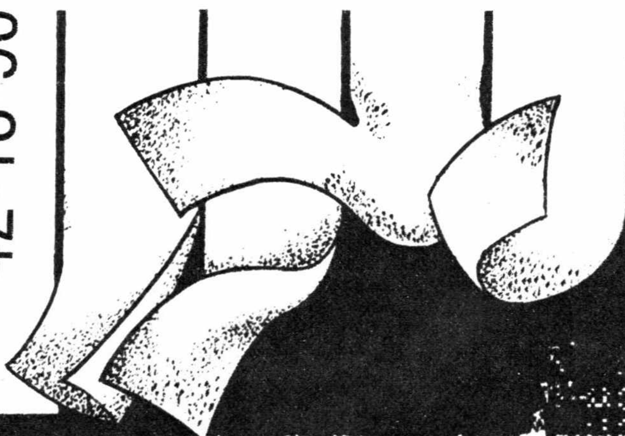
«АЛИН» — это уникальные алмазные инструменты из Сибири!
СП «АЛИН» предлагает инструменты из природных и синтетических алмазов практически для всех отраслей промышленности.

**ПОСТАВКИ ОРГАНИЗАЦИЯМ — ПО ДОГОВОРАМ.
ОПЛАТА — В СКВ И РУБЛЯХ ПО КОММЕРЧЕСКОМУ КУРСУ.**

Адрес СП «Алин»:
630088, Новосибирск-88,
ул. Сибиряков-Гвардейцев, 62.
Телефоны:
(междугородный код автоматической связи 8 383 2)
42-18-90,
42-16-40.
(до 14.00 московского времени).

42-18-90
42-16-40
42-18-90

Россія Poesia

Андрей ВОЗНЕСЕНСКИЙ

Меня мучает смысл, открывшийся в ее имени. Россія — Poesia... Почему это открылось мне именно сегодня?

Мы ведь не видеоклип под названием «Распад» смотрим. Распад проходит через сердце и жизнь каждого. Распадается не только Система, политическая Империя, потрясшая человечество ГУЛАГом, Чернобылем, деградирующим генофондом и т. д. На наших глазах гибнет иное — край неизъяснимой красоты, духовная общность, для которой буквально Слово — Бог, страна, давшая в тоталитарный век прозрение Хлебникова и стон Цветаевой, единственная страна, соборно слушающая стихи на стадионах. У каждого народа своя роль на Земле.

Снежинки веки засорили,
а может, зрение прорезали?
Я в начертании «Россія»
прочел латинское «Poesia»

Пройдет столетие болезное.
Суперкомпьютерному сыну
проступит в имени «Poesia» —
Россія...

Неужели и языку нашему животворному суждено погибнуть, окаменеть, подобно латыни, хранящей слепок с живого некогда Рима? Гибель языка означает гибель сознания. Репрессированные «твердые знаки» и «яти» были двойниками убитых в подвалах. Это не восстановить. Я отнюдь не за старую орфографию. Культура XX века создана на новом правописании. Хочу просто показать, как начертание влияет на смысл.

Теперь не прочитать «Соловьиного сада» так, как его задумывал поэт. Блок говорил, что не мыслит слова «садъ» без твердого знака. В знаке, видно, он видел решетку Летнего сада. С Пушкина сбивали «яти», как сбивали орлов с кремлевских башен. Чему мешало «і»? Или оно напоминало застреленного человека с дырочкой в затылке?

Вчитываюсь в ее имя. Пытаюсь понять смысл имен ее гибельных поэтов. «Темен жребий русского поэта»,— прокричал раздираемый между красными и белыми, не застреленный ими, значит, по-нашему, «благополучный домовладелец» Волошин. Смерть убиенных продолжается в нас.

Умирают кони Гумилева. Какое сено ест сейчас есенинская корова? В молоке сегодняшнем пестициды порой в 9 раз превышают норму.

За два года после публикации в «Огоньке» моего письма к министру минудобрений кое-что вроде бы улучшилось. Прошли первые чтения закона о пестицидах, нитратах и тяжелых металлах. Создаются экологически чистые хозяйства. Но разум неистощим. Некоторые совхозные умельцы для повышения показателей жирности (т. е. плотности) додумались добавлять в молоко... стиральный порошок.

Наше нутро отстирывают? На недавних Экологических курсах в Пущине возник вопрос, как обнаруживать эту примесь...

Какая тут Poesia? Страна, доведшая себя до голода в мирное время? А насилование малолетних? А повальная зависть? А антисемитизм? А сладострастное обливание грязью имен? А ревущий реваншизм реакции, утюжащей танками своих людей?

Еще больше скажу и говорил, но еще А. Ахматова, среди торжествующей грязи, пострашней, чем сегодняшняя, с мужем в могиле и сыном в тюрьме, прошедшая вой всесоюзных собраний, произнесла: «И если Поэзии суждено цвести в 20-м веке именно на моей Родине, я, смею сказать, всегда была радостной и достоверной свидетельницей...»

Для меня суть России — не в ее супостатах, а в Заболоцком, Тарковском или в юной Николенковой из Барнаула, выдохнувшей хрустальную строку. Поэты, как морские микроорганизмы, перерабатывают грязь мира в Чистоту, гармонию. Молюсь именам мучеников слова, пытаюсь понять скрытый в них смысл.

Имя — первое, что всасывает человек с молоком. Оно довлеет над ним всю жизнь, в нем закодирована будущая судьба. Астрологи, древние китайцы и наш о. Павел Флоренский, сгинувший в лагерях, нашли, что «есть предуказание именем судьбы и биографии».

С конца 60-х годов ко мне приходил читать свои стихи светлоокий юный богослов Валентин Никитин. Вокруг него и сегодня чувствуется кроткая аура, которая отличает тружеников-интеллигентов, она ощущается и в его стихотворном сборнике «Сумерки смертного дня», выпущенном на днях издательством ИМКА-пресс. Жена его Ольга, внучка о. Павла, писала в ту пору необычный диплом, посвященный цвету. Тогда я и познакомился с неопубликованными трудами гениального мыслителя, они стали откровением для меня.

«По имени и житие» — стереотипная формула жизни, по имени — житие, а не имя по житию»,— читаем в его исследовании «Имена». «Рифма есть свойство имени, что роднит художественное творчество с восприятием личности в жизни и формирует «типический склад личности».

Арабы и индейцы, когда рок тяготел над ними, меняли имя, чтобы имя подобрало себе, как рифму, иную судьбу.

О. Павел Флоренский выписывает знаковый смысл буквы «і». «і» — образ обнаружения мощи: знак духовной длительности, вечности, времени и всех идей...»

Вот чем мешала убийцам буква «і»! Вот что потеряли мы, утратив ее из языка. Меняя знаковую систему, меняем историю.

О. Павел вникает в суть имен русских, и французских, и цыганских. Процитирую из неопубликованной части рукописи: «Для Николая наиболее характерно действие, направленное вовне. Он слишком рассудителен, чтобы прислушаться к подземному прибою в себе, и слишком принципиален, почитая деятельность своим долгом...» Думаю, противостояние Гумилева и Блока имело за собой и противостояние смысла Николая и Александра. И не близка ли в чем-то именная характеристика эта — рассудок, воля, вещность, долг — всем трем Николаям нашей поэзии — Гумилеву, Заболоцкому и раннему Тихонову?

Лучшим собранием о. Павла Флоренского являются два вышедших тома четырехтомника, издаваемого в Париже Н. Струве. Жаль, что до сих пор при теперешнем интересе и снятом запрете мы не имеем подобного отечественного издания.

Еще языковеды Р. Якобсон и К.Тарановский проследили, как имена поэтов подсознательно проступают в текстах. Так, ученые А. Яншин и А. Яблоков входят в поэтику яблонь, зерен, окской мучимой воды, спасая природу от пестицидизации. Ныне время профессионалов. Надоели всеобщая мазохистская самобрань, заклинания дилетантов. Имя — зерно гармонии, сочетание Вечности и личности. Попробуем найти зерна гармонии в знаках языка. Войдем в интерьеры слов, в интертекст, в рифмы имен.

В Ахматовой, такой чуткой к своему имени, закодирован «акмеизм». Набоков в татарских корнях своей фамилии искал прошлое. Увы, в них было закодировано будущее. Из букв «Набоков» выкатился «колобок» и пошел катиться через границы, округлый, внешне даже благополучный, живой,— перекатиполе эмигрантской судьбы. «Колобок» по-арабски означает "переворот", «революция». Глянем далее. Пыльца, осыпавшаяся с литеры «н», превращает ее в четкое «ч», и вот уже из того же кокона «Набоков» выпархивает бабочка, пожизненная страсть писателя, махаон двуязыкой культуры.

Ровно год назад на обложке «Огонька» был плакат «Век Пастернака», где имя поэта перекрещивалось со временем. За год буквы на нем обрели суверенитет, сложились в новые кристаллы. Судьба поэта, политика для него, революции и контрреволюции — внутри языка.

Не слово идет за автором, но автор за словом. Помню шок, потрясение от крови, пролитой 13 января. Хотелось хоть чем-нибудь помочь. Как и многие, слал телеграммы, призывая остановить кровопролитие. Лишь потом вспомнилось, что пару лет назад было слово, знак в рифме «молитва» — «Литва» — тогда я не осознавал смысла услышанного.

Духовность, особенно в нынешнем столетии, являет себя визуально. Не случайно на всех канонических иконах — и православных, и католических, и протестантских — Св. Дух изображается только в виде ока.

Еще Пушкин работал визуальным знаком. Почему «Пиковая дама»? Почему знак пик?

Германн — носитель черного, как сказали бы сейчас, аномального начала, это убивец старушки, маленький Наполеон по авторской характеристике.

Пиковый знак — это маленький чугунный бюст Наполеона в шляпе, роковой силуэт. Герой хочет поглядеться в туз пик, как в крохотное зеркальце.

Великий реалист — Л. Н. Толстой в повести «Отец Сергий» так описывает явление духа герою: «Красный, белый, квадратный, раздирающий душу...» Следующий шаг — квадрат Малевича.

Дух светлый ли, аномальный ли является нашему сознанию в виде видéния. В новых работах, которые называю «ВИДУХИ», я пытаюсь постичь духовное через видео. В случае портретов человеческих судеб называю их — ВИДЕОМЫ. Пригодились архитектурные навыки.

Думаю, неосознанно для архитекторов Лужников выходы на стадион спроектированы в виде бетонной буквы «П». Начиная с 30 ноября 1962 года зрители через это «П» входили в Поэзию. С тех пор это стало традицией, тем новым, что наша страна внесла в этом веке в мировую культуру. С поэтическими чтениями боролись, запрещали.

Сегодняшний интерес в мире девяностых годов к шестидесятым объясняется тоже зрительно — тень от шестерки становится девяткой.

Визуальность близка новой сегодняшней поэзии. Это не только у столичных мэтров В. Сосноры, Г. Сапгира, К. Кедрова — борода того гуру метафоры и самовитого слова, но и у новых, совсем молодых. Новая поэзия, подтверждая тезис Ж. Деррида, децентрализуется. В Пермском треугольнике, куда постоянно наведываются НЛО, лидер поэтической группы «Политбюро» Ю. Беликов пишет стихи, соединяя их с изображением тарелок. В Перми они являются в виде гантелей.

А вот из Мариуполя прислал стихи А. Шепетчук. В шоке от окружающей цифиризации, он смешивает знаковые системы:

КАНЗ

3гономе3я с3птиза — ли100пад
о5 раз2ивает о100в 1окий.
Асимме3чные неи100вством 40и рас5е
3умфально 100порят.

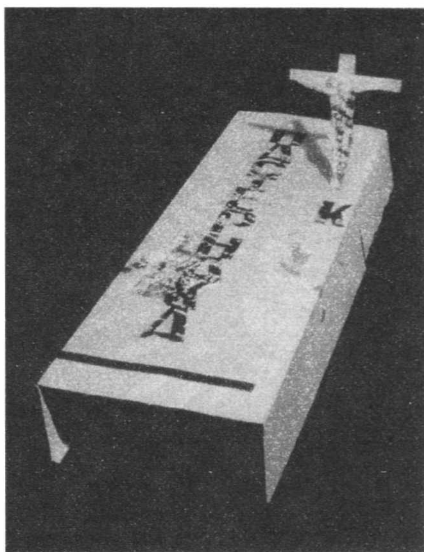
Всего у меня более полусотни видеом — именные портреты Гумилева, Блока, Бунина, А. Меня и наших современников. На вкладке демонстрируется десяток из них. Редакция просила их прокомментировать.

Вернисаж наш, как и поэтический алфавит, начинается с А. А. Ахматовой. Фотография выполнена Ингой Морат. Ее предыдущий альбом «В России», влюбленные этюды русских пейзажей, церковок, ликов культуры, вызвал гнев наших властей, ибо фотообъектив запечатлел слишком много морщинок на лице тогдашнего министра культуры Е. Фурцевой. Автору был запрещен въезд в страну, все пьесы Артура Миллера, ее супруга, были сняты с репертуара. Подбирая с ней фотографии для новой фотокниги о России, я остолбенел. Я давно знал этот пейзаж и александровский вензельный мостик, но на этюде все открылось по-новому!

Уже кленовые листы
На пруд слетают лебединый.

И в сознании сами поплыли по водам три лебединых инициала автора «Белой стаи» — три «а» — два белых и черный...

Прочитаем далее этот зачин «Царскосельской статуи», которую «Апол-

лон» пророчески поставил на открытие 1917 года:

И окровавлены кусты
Неспешно зреющей рябины...

«Известно, как любил сосланный в Бессарабию Пушкин уподоблять свою судьбу судьбе Овидия»,— это Ахматова одновременно и об О. Мандельштаме писала.

Его «TRISTIA», повторившая заголовок опального латинского поэта, предсказала и ссылку самого Мандельштама, и гибель его за стихи о Сталине.

В композиции «Есенин и Айседора» синий — по православной символике — означает цвет вечной истины, цвет смерти, печали и траура.

В имени Заболоцкого позвякивают «Столбцы» и его родословная от Хлебникова — «в болотце с позолотцей...».

Белая Сирень Северянина разрослась, заполонив весь сад куртуазного романтического ирониста, пьяняще-безвкусного и самого музыкального короля поэтов. В его имени закодировано имя его последней жены, что погребла его в Таллинне.

Отдохнем, читатель, от наших бешеных политизированных дней, сбросим энергию, присядем на ностальгическую садовую скамейку. Ее рейки состоят из стихотворных строк. Жаль, что размер репродукции не позволяет прочесть их и различить узоры на обрывках рублевых ассигнаций, опавших, как осенние листья.

Что поют над ними рассохшиеся цимбалы скамьи? Как музыкальны знаки русской природы!

Вертикальные клавиатуры берез. Виолончельные абрисы дубовых листьев. Как отзывчива природа наша любой, даже далекой боли!

Этой подмосковной осенью узнал я о смерти Леонарда Бернстайна. Темнело. В ветвях шумел ветер. На первом снегу шоссе лежали облетевшие семена осенних лип. Каждое из них своей бусинкой и стерженьком с продольным листиком походило на нотный знак — «одну восьмую». Ноты порхали в воздухе, слетая с деревьев.

Друзья звали его Ленни. Прочитав «Ров», композитор прислал мне телеграмму с приглашением приехать поговорить об опере, он решил написать ее на сюжет «Рва» с темами Фауста, геноцида, триллера и Вечности. Меня мучает, что я так и не окончил либретто. За несколько месяцев до смерти Ленни прислал мне партитуру и текст своего «Кадиша» с просьбой перевести на русский для его гастролей, предстоящих в Москве. Увы, вместо всего этого пришлось лепить реквием по нему из пепла «Вестсайдской истории». Эту мою композицию проецировали на стену нью-йоркского собора во время поминания Бернстайна. Переделкинские нотные семена парили в воздухе.

Все эти видеомы демонстрировались во время курса лекций, посвященного русской поэзии XX века, который я прочел этой осенью в Пенсильванском университете. Вместо всего трехмесячного семестра пришлось сжать курс до двух месяцев. Когда дома худо — надо быть дома.

Американская университетская система вызывает восхищение. Обрадовали интерес студентов к нашей поэзии, их глубина, опровергающая стереотип о бездуховности американской молодежи. Рад был встретить понимание такого знатока нашей словесности, как профессор Элиот Моссман, редактор «Славик ревью». Ближе других студентам показались Хлебников, Ходасевич, Хармс. Я помогал им рисовать видеомы. Студент из Праги создал знаковый портрет Вацлава Гавела. Одна увлеклась работой о Рильке, Пастернаке и Цветаевой, другая нарисовала элегию из кленовых листьев. Энтузиаст компьютера решал тему отражения английских и русских слов. Увы, пока его постигла неудача. Компьютеру не являются видения. Но мы с Моссманом поставили ему «5» за направление поисков.

Во дворе университета зеленеет бронза нашего скульптора Архипенки. Филадельфия живописна. Не случайно в ней поселились «Купальщицы» Сезанна и Марсель Дюшам. Не случайно именно здесь Бетси Росс сшила супрематизм американского флага. 25 ноября довелось быть на освящении отреставрированного кафедрального храма на 5-й стрит. Воздвигнут он в честь св. Андрея в 1887 г. одновременно с постройкой на филадельфийской верфи двух российских судов. Один из них был легендарным «Варягом». Государь император пожаловал храму несколько тысяч из своей казны. Тема русских переселенцев на американский материк волнует меня еще с «Юноны» и «Авось». Душа прихода — о. Марк Шин, по рождению бельгиец, духовный сын русской культуры.

Мне рассказывали, как В. Аксенов в своих лекциях разбирает сейчас с американскими студентами мой видеом «тьматьмать», расположенный по кругу. Этот первый мой видеом был опубликован в альманахе «Метрополь». Полуграмотные инквизиторы на судилище в Московском секретариате обнаружили в нем крамолу — ага! — «Родина-мать есть тьма» плюс матерщина. От меня требовали письменного или устного отречения, раскаяния. Когда не удалось, написали в личное дело официальную Характеристику, пять лет следовавшую за мной по пятам: «А. А. Вознесенский проявил политическую незрелость, опубликовав стихи в провокационном альманахе «Метрополь», который издан в США и используется в антисоветской пропаганде». (Грозные подписи Секретарей Правления и Парткома, Круглая печать.) В те дни я познакомился с молодыми В. Ерофеевым и Е. Поповым, отношения с которыми радуют и сегодня среди пучины писательских противостояний. Помню, как В. Аксенов, с которым накрепко соединил нас крик Главы Хрущева в Голубом зале Кремля, пригласил меня дать стихи в независимый альманах. Увы, тогда тьма победила. Почти все участники «Метрополя», и составители и авторы, жестоко пострадали. Одни вынуждены были уехать, других годами унижали здесь. Ерофееву и Попову подло отменили членство в Союзе писателей. В знак протеста В. Аксенов, С. И. Липкин, И. Лиснянская вышли из СП. К сожалению, среди авторов действительно был один писатель, о котором вспоминает Аксенов, который написал отречение, я тоже не называю его имени, ибо ныне это автор смелых и ярких вещей, любимый читателями. Он много доброго сделал с тех пор. Не станем укорять художника минутной слабостью — Бог всем судья.

За рубежом обострено чувство языка, ритмики. В наименовании Университета Пенсильвании мне послышалась кольцовская мелодия, а то и мелодия «Очи черные», доносящаяся из русского ресторана. Хотелось, чтобы языки аукались.

Кроме знаковых композиций, писались и традиционные стихи. Их в декабре среди цикла опубликовала газета «Новое русское слово».

Молюсь именам, зернам культуры и гармонии. Думаю, есть внутренний смысл в именах и Латвии, и Монголии. Он откроется латвийскому и монгольскому поэту. Он будет общечеловеческим. Приведу неопубликованные строки Флоренского, вникавшего в имена и религии многих народов: «Одни исповедания живут на полной свободе, другие в огороженных парках, третьи в огороженных дворцах, четвертые в узких башнях, пятые в юртах... но небо, от которого получают свет они,— не одинаковое, а *одно* небо».

Лишь духовная культура может сейчас соединить людей.

Хочу, чтобы экономика наладилась, чтобы людям нашим ежедневно стало легче жить, чтобы народы жили добровольным вольным союзом согласия, преображенным по духу, и чтобы не исчез проступающий смысл Россія — Poesia.

ПЯТЬ КАПЕЛЬ НЕБА

I

России — крах? Демонтаж сфинкса.
Свобода, демоны и прах...
Святой Андрей Филадельфийский
светает в синих куполах.

Ты не был взорван, не был засран,
не стал ты хлевом под свиньей,
сюда необъяснимо заслан
предчувствующей синевой.

Храни, тайник филадельфийский,
взор нерасстрелянных веков
и зубчики филателийские
Кремля под сургучом орлов.

Но почему не успокоит
души странноприимный храм?
Как две коробки упаковки,
стоят два дома по бокам.

Свет реставрирован отверстый,
я так души не починю.
Но почему, отец, ответствуй,
так ранит синий, почему?

Зачем строители «Варяга»
куски андреевского флага
наклеили на купола?
Чьи звездочки на купол сели
с погон морского офицера?
С кем эмигрировала вера,
пока страна еще — была?

Детей, почуя преисподню,
как в сейф, вложила в край
чужой...
Что там с тобой сейчас, сегодня?
Господь, безумных успокой!

II

Синь, избежавшая ГУЛАГа,
сестра «Варяга», что на дне.
Неужто вариант «Варяга»
сужден стране?

III

Филадельфийская портниха
что о России знать могла?
В необъяснимое проникла,
мисс Бетси Росс, ваша игла.

Как штопают на ложках бабки,
на звездно-синих куполах
Троице-Сергиевой лавры
натянут звездно-синий флаг?

Рисуя звездами на синем
по флагу, древний Джаспер Джонс
неужто купола России,
увидел, ими поражен-с?

В закате пашни полосные,
то белые, то огневые —
лежали борозды в снегу,
и звезды купола в углу
по голубому — золотые...

IV

Молись, дитя в джинсах овчинных,
молись за родину, малыш,
за Яузу и за Пречистенку,
за потопляемых пучиной
первопричины помолись.

Молись за горстку, что над рыком
наладить пробует ладью...
С двумя свечами, как с обрывками
веревок лестницы, стою.

V

Не луковки, а капли сини
с крестов набухли, как печаль.
Нам Ты от жизни депрессивной
пять капель неба прописал.

Четыре синие набрякли.
А пятою полны глаза,
а с пятой роковою каплей
пока что медлят небеса.

Россия рвется в Апокалипсис.
Мы не спасем — ни я, ни вы.
А вдруг спасет церковка-
капельница
в слезах целебной синевы?

ПЕСНЬ ПЕНСИЛЬВАНСКАЯ

Что вы спросите
с поселянина
University
of Pennsylvania?

Унавозите
мной познания
University
of Pennsylvania?

Прилетел я
не пофилонить,
а постигнуть,
что не достиг
архитектор из Вавилона —
поэтический надъязык.

Осы Осипа
«Си» Северянина
в University
of Pennsylvania.

Вслед пружинки
летят золотые —
осы мертвые
из России.

Семинар осенний мой.
Люди из шрифта.
Yes, Есенин!
Деррида — да!

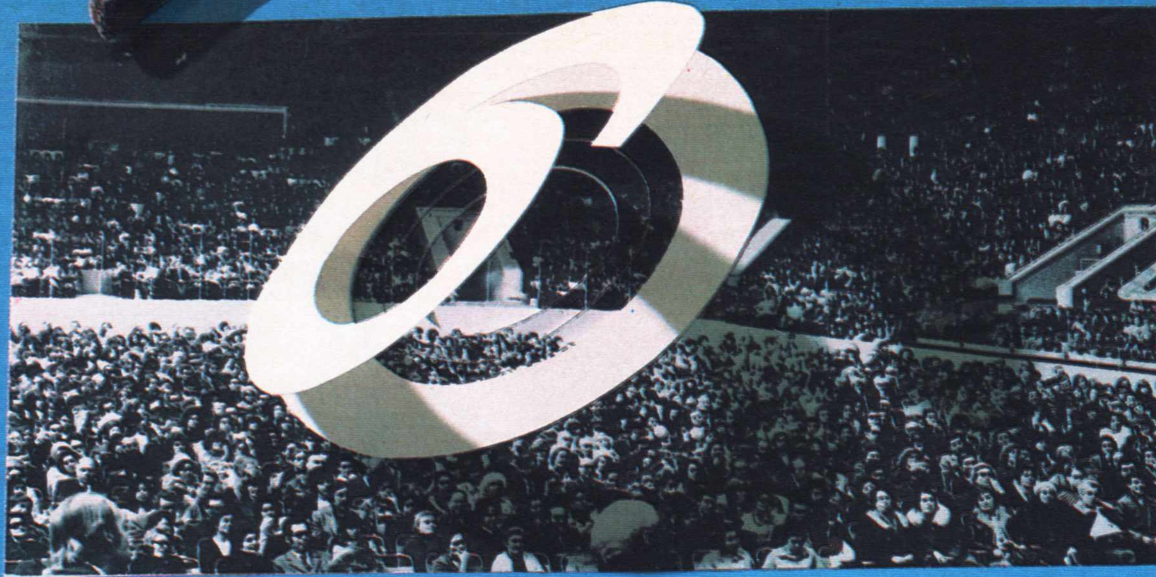
Сыплют нотным семенем
липы на форда.
Yes, Есенин.
Данкен — да!

Мы — тени супертекста
Езда в бездну,— но
Yes, Достоевский!
А г... но — no!

Колесо, версти
Селифаново,
в University
of Pennsylvania.

Музы носятся —
Pants off
над University
Penns' of...

Дай мне, Господи,
образования
в University
of Pennsylvania.

ПОЭЗИЯ ШЕСТИДЕСЯТЫХ.

А. А. АХМАТОВА.

ОГОНЁК

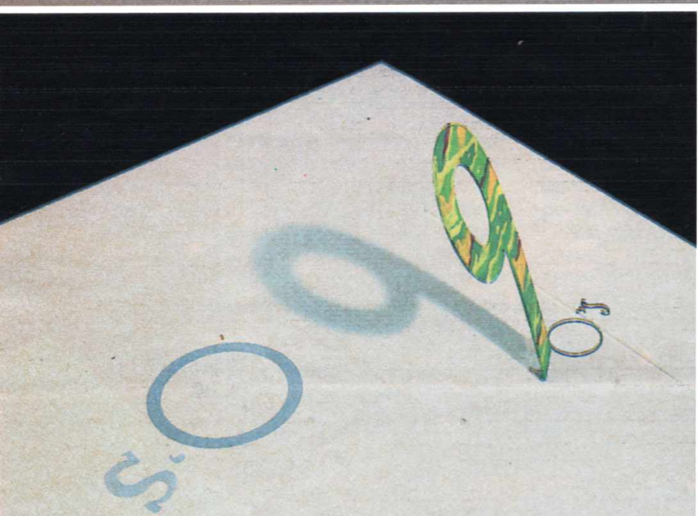
АНДРЕЙ ВОЗНЕСЕНСКИЙ

ЕСЕНИН И АЙСЕДОРА.

60-е и 90-е.

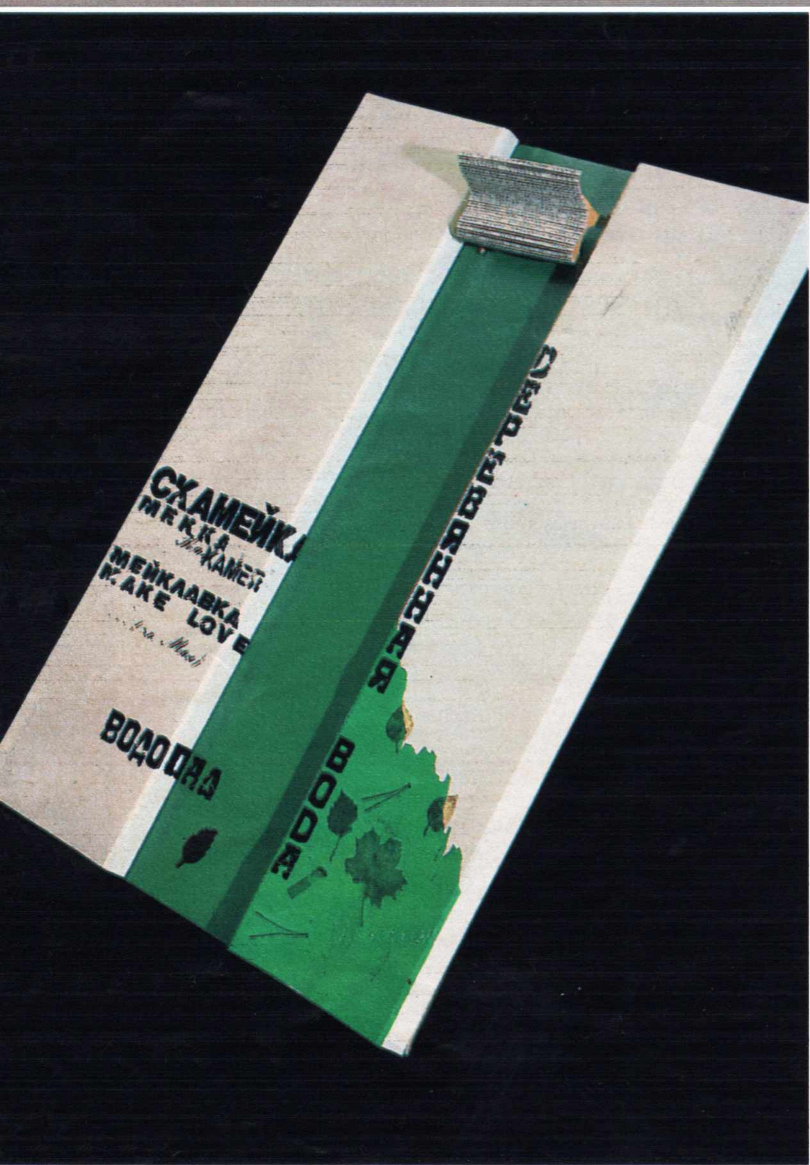

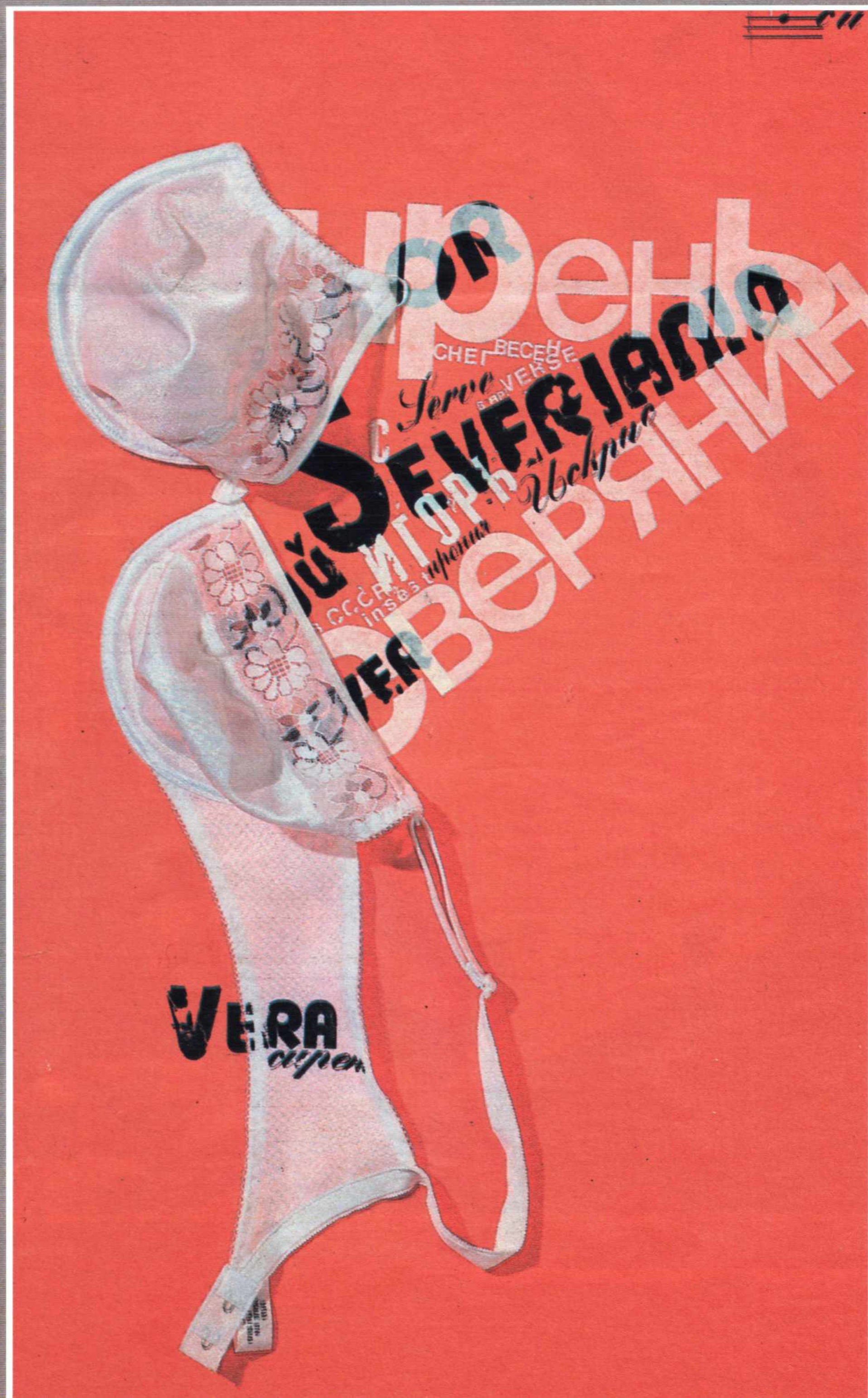
МАЯКОВСКИЙ.

ПАМЯТИ
О. МАНДЕЛЬШТАМА.

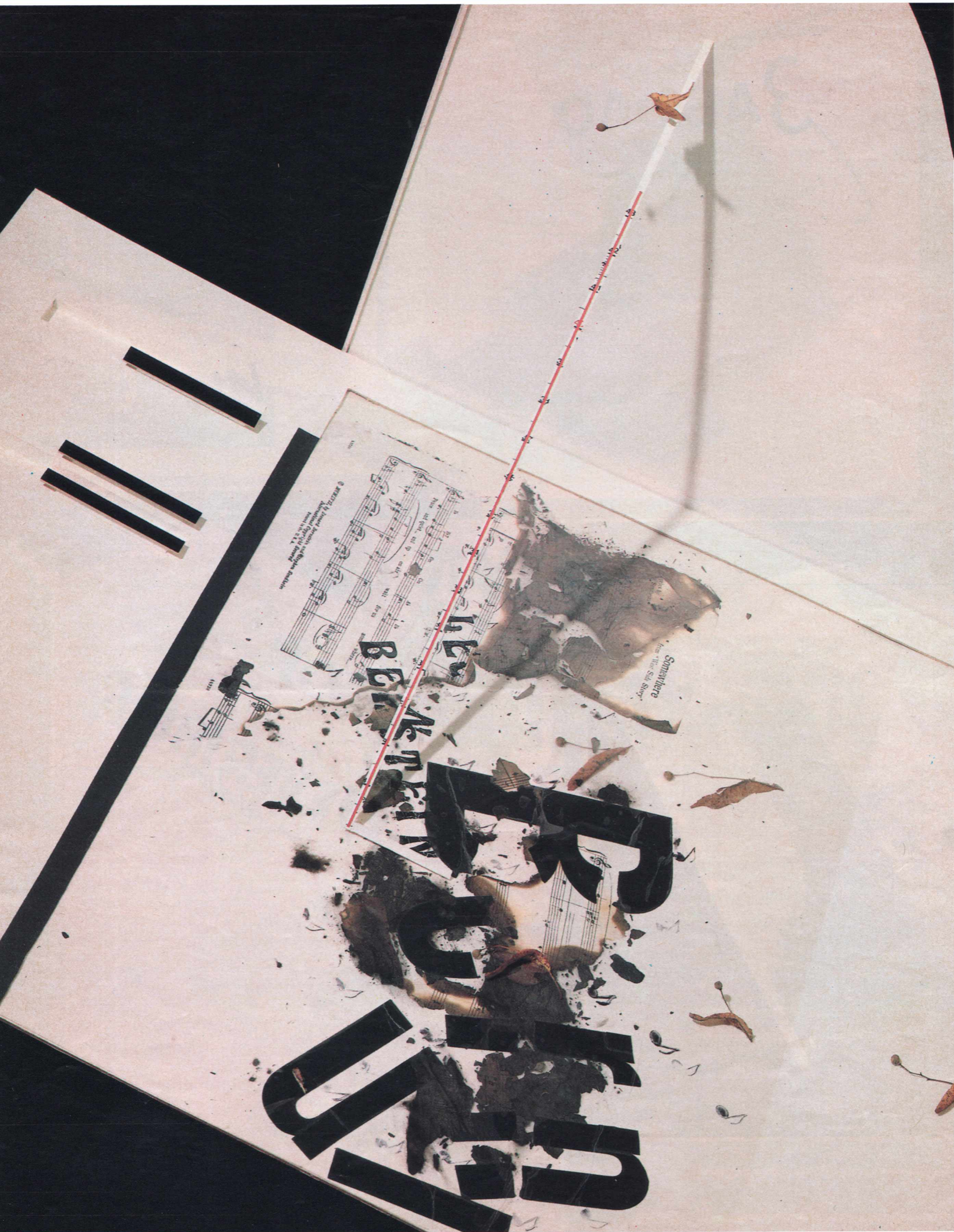

СУДЬБА ПОЭТА.

ПАРКОВАЯ ВАРИАЦИЯ.

ПОЭТ СИРЕНИ И БУДУАРА.

РЕКВИЕМ.

Максим ЮРЧЕНКО

ПОКА ГРОМ НЕ ГРЯНУЛ...

Профессор Дж. Тараделла уведомил письмом господ А. Бескровного и В. Ионенко о том, что они приглашаются в Швейцарию на Второй международный конгресс почвоведов. Тезисы сообщений, любезно присланные советскими специалистами, вызвали немалый интерес, оба включены в список докладчиков. Письмо пришло вскоре после того, как ученым отказали в доверии местные свиноводы.

СВИНЬЯ — ЭТО НЕ ТОЛЬКО МЯСО

В период гипермасштабных проектов эпохи развитого социализма вблизи Харькова, в Гракове, было сооружено железобетонное свиное царство с числом обитателей в 108 тысяч голов. Но не только деликатесное мясо образуется из хрюшек. Как всякие биологические системы, они регулярно отторгают отходы жизнедеятельности.

Заметим для непосвященных, что свиные продукты отторжения отнюдь не обладают теми благотворными свойствами для почв, что коровьи. Скорее наоборот. В чистом виде они пагубны для земли. Не так давно на Граковском свинокомплексе возник кризис: куда девать море этого добра? Представляете, в течение 15 лет сто тысяч животных... Отходами производства сегодня уже переполнены очистные сооружения и пруды-отстойники. К тому же аграрии соседнего колхоза обнаружили, что плантации, орошаемые содержимым «отходохранилищ», перенасыщены солями. И наотрез отказались от такого полива. Выход все же был найден. Высокорентабельный свинокомплекс объединился с колхозом и в качестве приданого влил в него известную часть средств. Запрет на полив был автоматически снят (воистину — деньги не пахнут). И дабы скрепить союз на веки вечные, к санитарным коммуникациям комплекса подвели канализацию колхозного поселка...

Похоже, на всех отечественных свинокомплексах-гигантах трудятся не менее предприимчивые люди. Ведь «бомб замедленного действия», подобных граковской, в предместьях мегаполисов Украины — пять, в Союзе их около ста. Свыше десяти миллионов животных вот-вот доведут содержимое отстойников до критических отметок. А что делать, никто не знает.

ПОДОЗРИТЕЛЬНЫЕ ТИПЫ

Способ избежать неприятностей полгода назад предложили сотрудники харьковского совместного научно-производственного предприятия «Биомос». Незваными гостями они заявились на свинокомплекс и заверили, что есть способ переработать зловонную смесь. Причем не в бросовый материал, а в ценнейший продукт — высокогумифицированный биомос, иначе — в искусственный гумус... Чудовищный парадокс — экологическое самоуничтожение цивилизации — проявляется едва ли не наиболее жестоко в земледелии. Почва, единственно невосполнимое средство производства, остается таковой до тех пор, пока содержит природный гумус — «эликсир жизни» для растений. А он катастрофически убывает. От нещадной бомбардировки техногенными выбросами воспетые в песнях наши необъятные просторы пропитаны свинцом, кадмием, ртутью, никелем...

Граковские животноводы должны бы по идее вцепиться в словно ниспосланных свыше гостей. Мало того что предлагают избавиться от зловонных озер, так еще и из дармового, лежащего под рукой и в неисчерпаемых количествах сырья получать товар с неограниченным спросом.

Что разработчики не замедлили доказать. Зачерпнули содержимое отстойников в бутыль, а через день привезли в пробирке серый порошок. Объяснили: природа «работала» бы над превращением мертвечины в живородный материал годы. В лабораторной установке все свершилось за полтора часа. Сделаем, говорят, стационарный агрегат, за полтора-два года взамен нечистот получим 30 тысяч тонн самых лучших в мире удобрений.

У собеседников вид пробирки с порошком вызвал, сказали бы психиатры, неадекватную реакцию. Сработала благоприобретенная сверхбдительность советских хозяйственников: запрошенные за установку деньги невелики, но все равно — подозрительно все это. И потребовали на их глазах продемонстрировать синтез. Несговорчивость ученых вызвала еще большее недоверие.

— Не испросить ли совета в облагропроме? — искали очередной компромисс специалисты по приумножению свинины.— Как непосредственный представитель государства, он ответственно отнесется к проблеме.

Агропром отнесся ответственно. Потребовал: покажь!

На том и разошлись.

Попытка с ходу получить пользу от изобретения не удалась. У нас государственные интересы блюдутся не спеша и поэтапно. Первый этап — пытка недоверием.

В самом деле, биомосы «с чем едят»?

ИММУНИТЕТ... ИЗ ПРОБИРКИ

Заинтересованная сторона не дала себе труда разобраться в том, что уже достаточно хорошо известно научному миру. Состоялись две всесоюзные конференции по биогенным и металлоорганическим соединениям (отсюда и название класса веществ — биомосы). Их жизненно важную роль подтверждают изыскания многих институтов страны и зарубежья.

Эти вещества не рождены в пробирке. Они суть сама природа. Цивилизация обрушила на все живое пресс своих достижений, задавив силы роста и приспосабливаемости. Харьковчане и предлагают компенсировать дефицит естественных сил искусственным биорегулятором. Теперь уже из пробирки.

Но не шарахайтесь от слова «искусственный». Тут химией в известном толковании и не пахнет. Технология приготовления биомосов не более чем воспроизведение природных процессов, свойственных живым системам. Сводится она в одном случае к прозаической варке фитосырья (ботвы, которую обычно выбрасывают, или веток деревьев после санитарной порубки лесов), в другом — к ускоренному окислению (в том числе экскрементов, причем любого происхождения). В дело идут только естественные исходные, потому технология всегда экологически чистая.

Основоположником учения о биогенных стимуляторах считают советского офтальмолога В. Филатова. Однако говорить, что он стал их первооткрывателем, было бы преувеличением. Дошедшие до нас древние фолианты наводят на подозрения, что свойства биомосов использовали еще древнегреческие жрецы. В XVII—XVIII веках свет европейских дворов пробавлялся неким «снадобьем королей». Оно поднимало на ноги хворых и повышало тонус. Его рецептура утрачена.

Секрет далеких предков сохранили знахари Тибета, Алтая и Средней Азии. И сегодня они варят на основе трав териак и бракшун. Альпинисты по достоинству оценили их целебные и бодрящие свойства. Харьковчанин Е. Бобылев первым пробовал создать их аналог в виде препарата. Однако научный мир признал попытку не совсем удачной.

Больше повезло А. Бескровному, создавшему и возглавившему СНПП «Биомос». На основании многолетних исследований он написал ряд работ, с одной из которых и хотят ныне познакомиться ученые Европы, предложил препараты от самых злых болезней человека. Вместе с ним сотрудничал В. Ионенко, специалист по почвенным биомосам.

Биомосы необузданны в своем влечении к тому, что губит все живое — к токсичным тяжелым металлам. В своей молекулярной структуре они всегда держат «вакантное» местечко-ловушку и при первой возможности норовят втащить туда «лакомый кусочек». Не составляют исключения радиоактивные цезий и стронций, щедро распыленные вулканом Чернобыля. Биомос как бы вцепляется капканом в токсичный металл, чтобы не сбежал, да еще и обволакивает его полимерной оболочкой. И тогда губитель живого, что пленник с ядром на ноге — не сдвинуться ему с места.

ПОД ЗНАКОМ «Ч»

О чернобыльских радионуклидах упомянул не случайно. Свойство «капкана» бесценно для дезактивации зараженных территорий.

На карте радиологической обстановки в 1990 году, составленной Укргидрометом, мертвенно-фиолетовыми кляксами обозначены зараженные участки — в основном на прибрежных пространствах Припяти и Днепра. Почти на 40 тысячах гектаров, выведенных нынче из землепользования, распластались несметные залежи радионуклидов.

Руководитель группы по радиологическому мониторингу В. Ситак комментировал карту так:

— Все это может смыть в реки. Господь, однако ж, миловал — за прошед-

Окончание на стр. 24.

В ТЮРЬМЕ

Поселок Касах — в нескольких минутах езды от Еревана. Рядом с ним та самая тюрьма, которую вы видите на снимках. Сегодня это дом для сотен беженцев, большинство из которых до сих пор имеют бакинскую прописку.

Сейчас трудно установить, от кого эти люди узнали о пустующей тюрьме, кто санкционировал их «новоселье». Но факт остается фактом: 267 семей — около 850 человек — больше года проживают в тюрьме, и, похоже, им еще «век свободы не видать».

Декабрьское землетрясение 1988 года разрушило дома у полумиллиона жителей республики. Через год

Фото Завена ХАЧИКЯНА

с небольшим 300-тысячная волна беженцев довела жилищный кризис до немыслимых масштабов. Под жилье заняты здравницы, пионерские лагеря, турбазы, гостиницы. И вот — тюрьма.

Государство вложило в зону, пострадавшую от землетрясения, огромные средства. Государство устами своих первых руководителей обещало в два года восстановить порушенное, дать людям кров. Срок давно истек...

Где же твое слово, това-

ОСЕНЬЮ ПРОШЛОГО ГОДА ПАРЛАМЕНТ АРМЕНИИ ОБЪЯВИЛ АМНИСТИЮ. НО ЭТОЙ «ЗОНЫ» ОНА НЕ КОСНУЛАСЬ. ПО-ПРЕЖНЕМУ КАМЕРЫ ЗАНЯТЫ ЖЕНЩИНАМИ, СТАРИКАМИ И ДЕТЬМИ, НАШЕДШИМИ ЗА СТЕНАМИ БЫВШЕЙ ТЮРЬМЫ СВОЮ ЕДИНСТВЕННУЮ ОБИТЕЛЬ. ЗДЕСЬ ХУДО-БЕДНО, НО МОЖНО СОГРЕТЬ ОБЕД, ЗДЕСЬ НЕ КАПЛЕТ НАД ГОЛОВОЙ, ЗДЕСЬ ПО ВЕЧЕРАМ СЛЫШЕН СТУК ФИШЕК. ЭТО СОСЕДИ ИГРАЮТ В НАРДЫ В БЫВШЕМ КАРЦЕРЕ...

рищ государство? Где же обещанные дома, отстроенные города и села?

А «зона» пока живет своими проблемами: нет воды, нет газа, нет отопления. До ближайшего магазина надо шагать в соседнюю деревню. Нет бани, нет телефонной связи. Но труднее всего с питанием. Беженцы в тюрьме не прописаны, а значит, и не получают продовольственные талоны на масло, сыр, сахар, муку, сигареты. Каково в нашей стране без спасительных талонов, ясно всем, кроме, пожалуй, местных властей.

Хотя добрые люди есть везде. Нашлись они и в Касахе: кое-кого из беженцев удалось трудоустроить, кому-то помогли со стройматериалами. Капля в море. Но и она вселила кусочек надежды в сердца тех, кто не по своей воле, как и во всякой тюрьме, здесь живет...

И все же февральское небо за железной решеткой душу холодит.

Геворк МАРТИРОСЯН

СВОБОДНАЯ ТРИБУНА

Леонид ЖУХОВИЦКИЙ

БОЙ С ТЕНЬЮ

В ранней юности я пытался заниматься боксом. Ничего путного из этого не вышло: никакого таланта не обнаружилось, и все медали, на которые я мог бы претендовать, впоследствии поделили между собой мои приятели братья Фроловы. Нет правды на земле!

Но из очень короткого периода занятий я вынес одно неколебимое убеждение: самый лучший вид тренировки — это бой с тенью. Потому лучший, что безопасный: ты эту тень лупишь почем зря, а она тебе ни в глаз, ни в скулу не заедет. Самый корректный противник из всех возможных.

Сегодня свой более чем скромный спортивный опыт я вспоминаю чуть не каждый день. Какую газету ни развернешь — атака на тень. Функционеры всех рангов поднимают ярость масс против подпольных воротил. Депутаты умоляют Президента, бросив все дела, сосредоточиться именно на этой проблеме. Читатели требуют от Госкомстата перестать заниматься ерундой и точно выяснить, сколько у нас в державе тайных миллионеров.

Да что газеты — сама жизнь постоянно тычет нас носом в результаты деятельности проклятых теневиков.

Ну-ка попробуйте купить стиральную машину! Порошки, и те исчезли чуть не на полгода. Почему — спрашивать не надо, и так ясно: подпольные толстосумы отмывали «Лоском» и «Лотосом» свои грязные деньги. Недавно через подставных лиц прибрали к рукам чуть не весь хлеб в Москве и Ленинграде — может, на сухари, может, просто потому, что сволочи. И, наконец, самый тревожащий, самый обидный факт: на пороге СПИДа эти негодяи скупили по блату для собственных нужд все презервативы в стране, что вызвало у меня не только справедливый гнев, но и некоторое недоумение: я знаю, что возможности теневых дельцов велики, но не безграничны же!

Стоит ли удивляться, что учредительный съезд Российской компартии весь свой ум, всю честь и совесть нацелил именно против теневой экономики?

Об одном достоинстве тени я уже сказал — никогда не дает сдачи. Но есть и другое: сколько ее ни колошмать, никуда не убежит. Надежный противник, всегда при нас. В силу чего борьба с тенью — занятие не временное, а постоянное. В эпоху массового упразднения контор этим качеством тени умный человек пренебрегать не станет.

Но прежде чем с негативом бороться, неплохо бы разобраться, что этот негатив собой представляет. Что же это за напасть такая, что за причина многочисленных бед — теневая экономика?

Очевидно, это хозяйственная деятельность, существующая вне закона и гласности, вне приказов и отчетов, вне общественного, начальственного и финансового контроля. Так сказать, в подполье. В тени. Скрытая порочная сестра нашей добродетельной экономики.

Но вот ведь вопрос: а было ли в нашей державе хоть что-нибудь могущественное — и не теневое?

Был, например, Верховный Совет, правительство, высшая власть в стране. И все знали, что власть эта ничего не значит, что все главное и малое решается заранее на Политбюро. Теневое правительство? Пожалуй. Но и у этой тени была своя тень, еще более могущественная. Вроде бы все Политбюро — каких-нибудь двадцать человек. А до сих пор не можем в этой тьме кромешной отыскать преступных виновников афганской войны. Кто решил? Тень решила!

Были органы охраны и безопасности, вплоть до министров, и суды, вплоть до Верховного. Но где, в какой тени выносились приговоры еще до начала следствия?

Даже спорт, и тот был теневой: иной раз накануне тура уже были «подработаны» и утверждены будущие футбольные или шахматные результаты.

Сейчас вот более активно, чем успешно, боремся с привилегиями. А что такое привилегия? Практически теневая зарплата. При Сталине она была нелегально легализована: важный партийный чиновник один оклад получал в кассе, другой, теневой,— в «пакете». Потом пакеты реформировали, дополнительные деньги преобразовали в дополнительные блага, но сам принцип тени от этого не заколебался. Сам интерес

Рисунок Алексея МЕРИНОВА

к запретной цифири приравнивался к преступлению. Помню печально-анекдотичный случай, когда некий любознательный гражданин полюбопытствовал на лекции, сколько получает Генсек. Ответ на вопрос ему пришлось выслушивать семь лет, и не там, где он его задал...

Ну а более свежий пример — антиалкогольная вакханалия, отпаснувшая бюджетные миллиарды самогонщикам,— кто ее конструктор и стратег? Чья упитанная тень до сих пор нависает над озлобленными очередями? Пять лет кричим «Автора!», а он стесняется. Всей страной ищем, кого бы поблагодарить, да разве найдешь в такой темнотище...

И, наконец, самое главное. Экономисты утверждают, что отечественный пролетарий из заработанного рубля получает копеек двадцать. А остальные восемьдесят, они куда западают? Уж если эта экономика не теневая...

Но вот что весьма существенно: в тени скрывалось не только лукавое и злое. Во многих случаях бывало как раз наоборот.

Самый простой и самый разительный пример — искусство. Десятилетиями золотистый медальный свет заливал творения лауреатов и орденоносцев. И жестко отшвыривалось в тень все недостойное света: Бунин и Набоков, Пастернак и Ахматова, Мандельштам и Замятин, Бабель и Цветаева, Булгаков и Гроссман, Мейерхольд и Прокофьев, Петров-Водкин и Фальк, Мельников и Татлин, Галич и Высоцкий, Бродский и Солженицын. Пожалуй, именно тень позволяла им до поры свободно распоряжаться Божьим даром: схваченные лучом фонаря, они сразу же попадали под выстрел.

Вряд ли ошибусь, если скажу, что и в религии наиболее живой оказалась ее затененная сторона: Александр Мень, Глеб Якунин, десятки и десятки обделенных государственной лаской священников.

Ну а любовь? Она-то как выжила в эпоху торжествующей бесполости, доносов в партком на неверных супругов и увлекательных, со всеми подробностями, «персоналок»? Она в тени удержалась, ей без тени нельзя.

Так откуда же у нас неколебимая убежденность, что теневая экономика непременно плохая экономика?

Внегосударственная хозяйственная деятельность пронизывает всю нашу жизнь. Купить мы можем очень мало. И если все еще как-то существуем, то лишь потому, что изловчаемся хоть что-то добыть. Из тени.

Теневые мастера чинят нам велосипеды, клеят обои и кроют толем дачные домики. Теневые врачи лечат нас, когда не помогают официальные. По обочинам дорог теневые земледельцы продают как бы несуществующую картошку и репу. Теневые старухи вяжут призрачные носки, чтобы пополнить пенсию, живя на которую и впрямь безотлагательно отправишься в мир теней. В шахтерских поселках теневые шоферюги подвозят «левый» песок, чтобы хоть на время укрепить скособочившиеся весной незаконные халупы. Теневые репетиторы натаскивают абитуриентов перед вступительными экзаменами. И эти свои заметки я отдам печатать теневой машинистке, ибо где же я возьму легальную? А если в моей древней машинке, не приведи Господь, западет буква, я позвоню теневому умельцу, ибо с государственными уже сталкивался.

Увы, человеку, не имеющему доступа к высшим торгово-сервисным службам, без тени не прожить. Кстати, где они, эти высшие, располагаются? Не знаете? И никто не знает. Спрятаны в такой тени, что общедоступная тень ей и в подметки не годится.

Не будь теневая экономика полезна миллионам людей, она давно бы зачахла. А ведь не чахнет! Действительна — значит, разумна.

Явственно слышу протестующий вопль: при чем тут старухи с носками и шоферюги с песком? А где настоящие акулы подпольного бизнеса, цеховики, дельцы, воротилы? Где они со своими несчитанными миллионами?

Пожалуй, действительно пора переходить к акулам.

На количество давить не буду, вспомню лишь один случай, посвоему уникальный. Лет десять назад я услышал эту историю от знаменитого следователя, и с тех пор она живет во мне, совершенная, как легенда.

В эпоху то ли позднего волюнтаризма, то ли раннего застоя существовала довольно большая, хорошо оснащенная строительная воинская часть. Ее представители делали все как положено: заключали договора, выполняли задания, выезжали на места за новобранцами. Существенно от других подобных частей эта отличалась лишь одной деталью: ни в каких документах наших славных Вооруженных Сил она не значилась. Представляете — не цех теневой, не завод даже — воинская часть! В святая святых проникли проклятые жулики!

Ну и чем же занимались эти негодяи? Скажу. Эти негодяи строили дороги. Причем делали это очень доброкачественно — ведь любая жалоба в инстанции могла для них оказаться роковой. Вот ведь попали в ситуацию!

Самое любопытное, что именно эта тщательность в работе оказалась для жуликов роковой. Органы, которые никогда не спят, тщательно проанализировав факты, в конце концов задумались: что же это за строители, у которых дороги осенью не проседают, а весной не вспучиваются? Вроде люди как люди, «Правду» выписывают, водку пьют, а работают не по-советски. Может, ЦРУ замешано?

ЦРУ не обнаружилось, но все прочее вывели на чистую воду. И жулики понуро отправились в дальние края, где, правда, тоже строили дороги, но уже как положено. Это я к тому, что рано или поздно справедливость все равно восторжествует.

Ох и возмущается сейчас мой любимый либеральный читатель! Он ведь уверен, что эту теневую стройчасть надо было не искоренять в корне, а легализовать — и пусть работала бы во славу многострадального Отечества. Я ведь и сам либерал, и тоже сперва так подумал. А потом усомнился: а что это такое — легализовать? Это значит ввести подразделение в законные рамки, то есть поставить над ним руководящую инстанцию, которой тоже должен же кто-то руководить. А над руководством, чтобы не забюрокрачивались, необходимы контрольные органы. Короче, по грубым прикидкам десять — двенадцать полковников, и, как хотите, но меньше чем четырьмя генералами тут не обойтись. А чтобы достойно увенчать всю эту пирамиду, пришлось бы срочно отозвать из запаса какого-нибудь маршала, героически махавшего шашкой еще в гражданскую.

Так, может, пусть бы уж эта часть так и оставалась теневой?

До недавнего времени эта теневая акция казалась мне рекордной по необычности. Ныне рекорд побит — дело АНТа, право же, и громче, и сенсационней. Ведь кто прятался в тени рискованного кооператива? Совет Министров страны! Во дожили!

Но самое поразительное всетаки не это. Зачем высокой исполнительной власти понадобилась тайна? Чтобы под ее покровом урвать нечто для себя? Это было бы и привычно, и понятно. Так ведь нет, ничего похожего! Все, к чему стремилось правительство,— распродать завалы, которые никогда не пойдут в дело, и купить хоть мясо, которое постепенно становится у нас продуктом не менее деликатесным, чем крабы и икра. Так для чего же было Николаю Ивановичу Рыжкову проделывать эту безоговорочно благородную операцию по-тимуровски, ночью, чтобы никто ничего не видел и не знал? Из скромности?

Сейчас сторонники гласности без берегов сурово порицают правительство за скрытность — мол, надо было открыто, прямо и т. д. Братцы, хватит ханжить! Потому и прятался наш премьер, что знает жизнь и вполне справедливо уверен: доброе дело не пройдет безнаказанно даже лидеру первого ряда. И что, не прав оказался?

Ругать правительство надо, но не за то, что пряталось, а за то, что попалось. Правда, отдадим должное и группе захвата в составе новороссийской таможни, газеты «Советская Россия» и Ивана Кузьмича Полозкова — профессионально сработали, оказались в нужном месте в нужный момент. Результат известен: у нас попрежнему нет мяса, зато есть двенадцать танков и один Полозков. Ивану Кузьмичу быстро нашли применение, и совсем неплохое. Однако до сих пор не ясно, что делать с танками. Ну, допустим, один можно поставить на постамент перед новороссийской таможней, дулом внутрь страны, чтобы правительство не питало ненужных иллюзий. А остальные одиннадцать куда деть? Отдать Министерству обороны? Но там и без того есть несколько танков, то ли шестьдесят тысяч, то ли восемьдесят.

Впрочем, это уже подробности.

Важно иное: когда правительству потребовалось сработать быстро и эффективно, в обход бюрократии, даже оно вынуждено было избрать теневой путь.

Может, хоть этот кафкианский сюжет позволяет задать давно терзающий меня вопрос: так что же такое теневая экономика? Кружка яда в бочке меда или, наоборот, благословенный костыль, который как раз и позволял нашему колченогому народному хозяйству, не разваливаясь на ходу, десятилетиями ковылять в светлое будущее?

Для меня сомнений нет: без теневой подпорки наша плановая экономика давно бы рухнула под тяжестью собственных достоинств.

Как-то в брежневскую пору меня поверг в шоковое состояние промелькнувший в газете факт. В рамках дозволенной критики Госплан упрекали за медлительность — государственный план текущего года был, оказывается, утвержден лишь в апреле. Я, тогда еще считавший плановость преимуществом, схватился за голову: Бог ты мой, а как же тогда промышленность работала целый квартал? Как без плана крутились шестеренки гигантской машины?

А так и крутились. Как обычно. Ездили по стране толкачи с портфелями «сувениров», даже не знающие, что план не утвержден. Звонили друг другу знакомые директора, меняли запчасти на путевки в ведомственный пансионат. Секретари обкомов обменивались визитами и услугами. И весь этот теневой каркас не давал развалиться плановому фасаду. До поры до времени...

Теневой у нас сейчас называют всю экономику, что не на свету. И выходит куча мала, где все равно виноваты, а где чья лапа и чей карман, все равно не разберешь. На мой взгляд, однако, и в этой куче не все одинаковы.

Для удобства я бы предложил самую примитивную классификацию: разделить «теневку» на две части — с использованием служебного положения и без.

На первый взгляд велика ли разница: ведь и так, и эдак обходят закон. Но разница не просто есть — она велика и принципиальна.

Своеобразная во всем, экономика реального социализма была самобытна и в этом: она отбрасывала сразу две тени. В большой тени, густой и наглой, по-хозяйски шуровали чиновники. В малой, отбиваясь от нищеты, кто чем мог пробавлялся народ. В нижних этажах общественной пирамиды мимо вахтеров и прокуроров выносились с завода гвозди. В большой тени на прокуроров не оглядывались — никто и спросить не смел, куда утекли выкачанные из родных глубин двести миллиардов брежневских нефтедолларов.

Две тени не столько взаимодействовали, сколько боролись: верхи грабили народ, низы убогую долю отнятого тайком возвращали в свои малометражки, бараки и балки.

С давних времен дошла до нас самая, может быть, снисходительная формула присвоения не своего: взять что плохо лежит. А поскольку плохо лежала вся страна, ее и растаскивали с двух сторон: лучшие куски с хрустом отгрызал аппарат, что оставалось — по мелочам растаскивало население. Никакое имущество не может долго быть бесхозным, в том числе и великая держава. Кстати, народ, как правило, брал то, что в прямом смысле слова лежало плохо, ржавело и гнило,— брал и с умом приспосабливал к делу. Неисчислимые «шанхаи» вокруг новостроек процентов на восемьдесят комплектовались на свалках, на обочинах дорог, в грудах никем не убираемого строительного мусора.

Незаконная экономика низов — лишь тень от тени. И роль ее далеко не однозначна. Она позволяет

ЗАМЕТКИ ДИЛЕТАНТА

работнику по крайней мере не протянуть ноги, она затыкает бесчисленные щели, удерживая государство на плаву, она дает миллионам людей хоть в извращенной форме реализовать свой талант. Кого винить, что наши умельцы становятся леваками и шабашниками, наши финансисты вырождаются в валютчиков, коммерсанты в фарцовщиков, бизнесмены и менеджеры в подпольных цеховиков, по ночам на казенном оборудовании мастерящих дамские трусики?

Подлинной мощью обладал в нашей стране только один теневой воротила — партократия. Тут уж не на миллионы — на сотни миллиардов шел счет. Да и кто считал? В тени ведь не видно. Но вот вышел Закон о печати, с великой помпой стали регистрироваться бесчисленные свободные издательства — и тут вдруг оказалось, что почти всеми типографиями в стране владеет один-единственный монополист. Как это получилось? Ведь свобода печати декларировалась и в старой Конституции. Но и у Конституции была своя тень, достаточно широкая, чтобы укрыть в ней всю полиграфию страны.

И вот ведь парадокс — именно партократия сегодня громче всех кричит об опасности теневой экономики, имея в виду, разумеется, ту, что фарцует штанами, мастерит тормозные колодки для «Жигулей» и выносит кнопки с мебельной фабрики.

Чем ближе рынок, тем суровей эти небескорыстные предупреждения. Дня не проходит, чтобы народ не пугали грозной тенью — к сожалению, небезуспешно. И вот уже вопиет в газете несчастный наш пенсионер: «Братцы, побойтесь Бога, какой рынок? Тайные дельцы придут туда с мешками денег, а я с чем — с радикулитом?»

Под знаком тени ведут борьбу с рынком и наши многомиллионные профсоюзы. То есть, конечно, не все миллионы разом, а их посланцы в высших профсоюзных сферах. Попытались заткнуть несколько бюджетных дыр, продавая с аукциона «Волги» и повысив цены на золото и икру,— так профсоюзные лидеры пригрозили забастовкой. И ведь добились своего, преградили теневикам путь к дефициту, не дали в обиду трудящихся. По крайней мере тех из них, что ездят в черных «Волгах» и знают вкус икры. Поневоле вспомнишь грустный анекдот эпохи застоя: «Что такое коньяк? Это божественный напиток, который пьет рабочий класс устами своих лучших представителей»...

Все, создаваемое обществом, так или иначе делится между людьми. Есть два основных способа дележки. Первый — рыночный, то есть по труду и заработку: получил деньги, пошел в магазин и купил, что по карману. Второй способ — по справедливости, то есть кому что дадут. Здесь не имеет большого значения, кто сколько пшена всыпал в общий котел, важно лишь, кто стоит у котла с половником. У кого половник, у того и справедливость.

В нашей стране справедливость — в форме талонов на дефицит, от «Волг» до утюгов,— распределяет аппарат, в том числе и профсоюзные функционеры. Они вцепились в половник своей мозолистой рукой и готовы биться за него до последнего. В принципе они согласны даже на рынок, но отрегулированный так, чтобы остался дефицит, талоны и половник. Потому что без талонов кто же станет их любить и оплачивать?

Кстати, где эти талоны распределяются? И по какому принципу? Почему один получает «Волгу», а другой — утюг? Тень, глубочайшая тень...

Нам не нужно бояться, что в близком будущем рынок захватят всемогущие теневики — они его уже захватили. Чтобы узнать их подпольные клички, не нужно увеличивать впятеро бюджет ОБХСС — достаточно в любом городе обойти государственные дома улучшенной планировки. И когда недавно крупно повысили зарплату чиновникам, им скорей всего не столько улучшили жизнь, сколько компенсировали неизбежную при рынке утрату половника.

Кому-то может показаться, что я демократ, популист и враг дефицита по талонам. Спешу заверить, что это не так. Лично я как раз не враг, а сторонник. Ибо в одной отнюдь не писательской конторе профоргом моя приятельница. Так что время от времени и мне перепадает кое-что дефицитное. По справедливости.

Короче, сама система распределения меня вполне устраивает. Вот только огорчает, что справедливости не хватает на всех. В идеале у каждого советского человека должна быть приятельница в профкоме. Когда-нибудь, надеюсь, так и будет, но, боюсь, не так скоро, приблизительно при коммунизме. Когда каждый третий будет член профкома, а остальные двое его приятели...

Самый убийственный аргумент против рынка я нашел недавно в центральной газете. Председатель колхоза рассказал журналисту жутковатую историю. Некие темные кооператоры, продающие иностранцам в пластиковых пакетах отечественный чернозем, предложили председателю участвовать в валютном бизнесе. Тот с возмущением отказался. Тогда кооператоры пригрозили, что после приватизации земли все равно скупят ее всю и в тех же пакетах загонят тем же иностранцам. Вот ведь чем обернется частная собственность на землю, предупреждал потрясенный журналист.

История была символична до такой степени, что возникали сомнения в ее достоверности. Но я человек лояльный — напечатано в «Правде», значит, правда. Не знаю, как другие читатели, а я испугался. Сперва распродадут чернозем, потом суглинок... Одна надежда на качество наших пакетов — далеко не увезут, полопаются...

Но внимательно вчитавшись в статью, я задумался. Как-то странно получается. Ведь сейчас ни рынка, ни частной собственности — государственная монополия и аппаратный контроль, а чернозем вывозят! Так, может, автор боится зря, дело тут не в собственности? Ну что изменит рынок?

Впрочем, изменит. Многое изменит. Рыночный чернозем придется покупать, и, думаю, недешево. А сейчас его просто раздает тот, кто с половником. Земля у нас, как известно, бесплатная. Зато услуги по раздаче личность с половником ценит. Недешево ценит.

В последнее время цены эти резко возросли, потому что на пороге рынка чиновник просто обезумел. Почувствовав, что привычное кресло задымилось, он теперь требует еще и надбавку за дым.

Недавно российские театральные режиссеры, не состоящие в штате и лишенные постоянного заработка, решили объединиться. Один из организаторов этой своеобразной артели запасся авторитетными ходатайствами и пошел к средней руки функционеру просить помещение под более чем скромный, как теперь выражаются, офис. Чиновник ходатайствам поверил, не читая, но в дополнение к ним потребовал наличными миллион. Именно миллион и именно наличными. О клинической тяжести случая свидетельствует даже не сумма взятки, а то, что вымогалась она у безработного режиссера. Тот не возмутился, а растерялся, решив, что в данном случае нужен не прокурор, а психиатр.

На мой же взгляд чиновник вполне разумен, его тоже можно понять. Он ведь шел на маленький оклад, резонно рассчитывая на теневой навар. Теперь же, когда из кабинета вот-вот попросят, он и решил разом получить то, что прежде предполагал растянуть на годы. Как бы выходное пособие при изгнании из тени на свет.

Уверен, что если чернозем в пакетах и распродают, то лишь потому, что он принадлежит всему народу — то есть фактически временщику с половником. Он очень плохо лежит. А вот собственным, частным черноземом торговать не станет даже дурак — ведь это верный кусок хлеба и для детей, и для внуков. Как ни бедно мы живем, а крышу собственного дома на вывоз не продаем.

И выходит, что доверчивый журналист защищал не родную почву, а право аппаратчика беспрепятственно торговать ею в свой карман.

Это, конечно, не означает, что я защищаю жуликоватого кооператора. Кооперативы у нас тоже всякие, есть и просто мафиозные. Один такой я знаю довольно хорошо: теневой кооператив чиновников, изловчившийся давным-давно зарегистрировать в качестве уставного капитала нашу с вами Родину.

Сегодня нас стращают: вот вступим в рынок, и сразу подпольные миллионеры скупят все наши фабрики и заводы. Лучшие умы державы изыскивают способы, как этого избежать. А надо избегать-то? Ну, приберут к рукам индустрию. А дальше? Что они станут с этим имуществом делать? Разорят, распылят, зароют? Ну, уж нет! Хозяин не ведомство, у него станки не ржавеют, он или разоряется, или производит качественный товар. И при этом платит рабочим так, чтобы не халтурили и не ушли к конкуренту. Во всем мире промышленность в руках у дельцов — и дай нам Бог их витрины и их цены. Между прочим, «делец» — он ведь от слова «дело», буквальный перевод термина «бизнесмен». Демидовы и Морозовы, Мамонтов и Елисеев, знаменитый издатель Сытин и бессмертные братья Третьяковы тоже были дельцы...

Отвлекся от рукописи, а в телевизоре женщина-экономист опять объясняет, как плохо нам будет при рынке, когда теневая экономика полезет из всех щелей. Вышел на улицу, обошел пять магазинов и увидел, как хорошо нам живется при экономике плановой. Прилавки были чисты, как совесть девственницы, лишь кое-где грудились банки самых непопулярных консервов. Теперь я точно знаю, чем грозят нам нелегальные богачи: они сразу же скупят всю морскую капусту. Больше купить им нечего.

Илья МИЛЬШТЕЙН

Февраль 1986 года.

Корреспонденты «Юманите» Р. Леруа, Ж. Стрейф и Ж. Фор берут историческое интервью у Михаила Горбачева.

Французы настойчивы и любопытны. Будущий президент великодушен и терпелив.

«ВОПРОС: ***Говорят о преследованиях... о политических заключенных... Упоминают также отдельные фамилии, например, Сахарова. Что вы скажете по этому поводу?***

ОТВЕТ: ...Теперь насчет политзаключенных. У нас их нет. Как нет и преследования граждан за их убеждения. За убеждения у нас не судят.

Но всякое государство должно защищать себя от тех, кто покушается на него, призывает к его подрыву, кто, наконец, шпионит в пользу иностранных разведок. Эти действия по нашим законам квалифицируются как государственные преступления...

О Сахарове... Как известно, с его стороны были допущены противоправные действия. Об этом не раз сообщалось в печати. В отношении него были приняты меры в соответствии с нашим законодательством...

Сахаров живет в Горьком в нормальных условиях, ведет научную работу, остается действительным членом Академии наук СССР. Состояние его здоровья, насколько мне известно, нормальное...

Свобода слова, свобода критики у нас весьма широка».

Горбачев сообщил также и число осужденных «не за убеждения». Их оказалось «немногим более 200 человек».

Интервью широко обсуждалось как внутри страны, так и за ее пределами. Слова Горбачева, как ни странно, внушали надежды. Надежды были смутными и относились не к словам даже, а к тону беседы и к темам, затронутым в ней. Сенсацией было уже то, что советский лидер согласился говорить о «политических заключенных» в СССР. О том, что их нет, нашему читателю полагалось знать и раньше, а тут вдруг обнаружилось крамольное словосочетание на страницах советской прессы (перепечатавшей текст интервью), да еще в интервью генсека! Изумлял и тон разговора об академике Сахарове: без истерики, без идеологической матерщины. В сообщении об условиях жизни, работе, о здоровье будущего народного депутата чудилась даже некая забота.

Запад присматривался, не торопясь с выводами.

Не спешили с оценками и политзеки — в пермских, мордовских лагерях, в Чистопольской, Лефортовской тюрьмах, на уголовных зонах (куда тоже случалось попадать «инакомыслящим»), в спецпсихбольницах, ссылках. Администрация в местах заключения, напротив, засуетилась. Мысль Горбачева об отсутствии политзаключенных была воспринята буквально: раз нет, значит, не должно быть! Значит, еще крепче, круче прессовать тех, кто продолжает именовать себя именно так. Существуют десятки способов такой прессовки. Можно, например, заставить людей строем ходить на обеды, в санчасть или баню. Можно придираться к каждой мелочи: улыбке, жесту, слову, взгляду; огрызнешься — в ШИЗО, карцер, ПКТ. За «неряшливость» (не застегнута пуговица на бушлате, например) — лишить переписки с семьей, свидания, посылки, права покупать крохи продуктов в лагерном ларьке.

В Мюнхене известный правозащитник Кронид Любарский, издатель хроники «Вести из СССР», отмечал ухудшение условий жизни узников политических зон. В его Списке политзаключенных было 745 человек, что явно не совпадало с официальными советскими подсчетами.

Без суда и следствия сосланный в Горький, А. Д. Сахаров с интересом читал о том, что «в отношении него... приняты меры в соответствии с нашим законодательством». Выдержавший, ради спасения жены, несколько голодовок и пыток искусственным кормлением, он как никто мог оценить трогательную заботу государства о своем здоровье.

В июле 1986 года в 36-й зоне пермского лагеря погиб Михаил Фурасов, немолодой, тихий человек с Украины. Ходили слухи, что сидит он «за Брежнева» — за сбор неизвестных материалов к биографии вождя. Сам Фурасов от разговоров на эту тему уходил. В лагере он заболел почками, жестоко страдал, не получая никакого лечения. Вместе со всеми выходил на работу. Создавалось впечатление, что Фурасов заранее обречен, и местное начальство послушно исполняет смертный приговор, который не посмел вынести суд.

Смерть Фурасова потрясла зеков. После того как писателей Бориса Черных и Льва Тимофеева бросили в карцер, зона «сорвалась». Была объявлена забастовка. Начальство заволновалось. Бунтовщиков по одному вызывали в штаб: то пугали, угрожая новым сроком, то обнадеживали, обещая разобраться, расследовать.

Вызвали для «беседы» и московского инженера Алексея Смирнова, сидевшего по 70-й за участие в самиздатской «Хронике». Ничего нового он не услышал. «У вас второе свидание за пять лет,— сказали ему,— и вы его упускаете». Он неожиданно согласился выйти на работу. А во время свидания сумел передать сообщение о том, что творится на зоне. Перечислил погибших за последнее время, написал об отчаянии, охватившем людей.

В октябре «за систематические нарушения» Смирнова внезапно перевели в Чистопольскую тюрьму. Это могло означать лишь одно: записка дошла, в том числе и до Запада. Вычислить «информатора» было несложно: в течение нескольких месяцев свидание на 36-й имел только Смирнов.

В числе других политзеков в Чистопольской тюрьме находился и рабочий Анатолий Марченко. С 4 августа 1986 года он объявил бессрочную голодовку, требуя освобождения всех узников совести.

Тема политических преследований (как и проблема эмиграции) в СССР была в ту пору одной из основных в трудном диалоге с Западом. Тревога мировой общественности по поводу «грубых нарушений прав человека» вызывала гнев у наших пропагандистов, объявлявших «грубым вмешательством во внутренние дела» любую попытку вступиться за осужденных. Они, как и эмигранты, были для советских властей весьма ходовым товаром на рынке политических спекуляций. Известного «диссидента» или «отказника» случалось выгодно обменять на провалившегося шпиона; разрешение на выезд очередной группе «репатриантов» связать с экономическими уступками Запада.

В 1986 году цели советской «большой политики» как бы переменились. Однако широко декларируемая концепция «нового мышления» и «приоритета общечеловеческих ценностей» нуждалась в подтверждении реальными делами.

9 октября 1986 года перед рейкьявикской встречей Рейгана и Горбачева «помилована» поэтесса Ирина Ратушинская.

30 октября после переговоров между Горбачевым и Миттераном по ходатайству французской стороны освобожден ленинградский педагог и коллекционер Георгий Михайлов.

9 декабря 1986 года в Чистопольской тюрьме скончался Анатолий Марченко.

Поздним вечером 19 декабря в горьковскую квартиру ссыльных Андрея Сахарова и Елены Боннэр явились монтеры и сотрудники КГБ. Монтеры поставили телефон. Чекист, прощаясь, предупредил: завтра ждите звонка. Звонок раздался в три часа дня. Это звонил Генеральный секретарь ЦК.

СВИДЕТЕЛИ

АНДРЕЙ САХАРОВ: Я не помню точных слов Горбачева... «Вы получите возможность вернуться в Москву... Принято также решение относительно Елены Боннэр». Я — резко: «Это моя жена!» Эта моя реплика была эмоциональной реакцией не столько на неправильное произношение фамилии Боннэр (с ударением на последнем слоге), а главным образом на почувствованный мной оттенок предвзятого отношения к моей жене... Горбачев: «Вы сможете вместе вернуться в Москву... Возвращайтесь к патриотическим делам!» Я сказал: «Я благодарен вам! Но несколько дней назад в тюрьме убит мой друг Марченко. Он был первым в списке в письме, которое я вам послал. Это было письмо с просьбой об освобождении узников совести — людей, репрессированных за убеждения». Горбачев: «Да, я получил ваше письмо в начале года. Многих мы освободили, положение других облегчено. Но там очень разные люди». Я: «Все осужденные по этим статьям осуждены незаконно, несправедливо, они должны быть освобождены!» Горбачев: «Я не могу с вами согласиться». Я: «Я умоляю вас еще раз вернуться к рассмотрению вопроса об освобождении людей, осужденных за убеждения. Это — осуществление справедливости. Это — необычайно важно для всей нашей страны, для международного доверия к ней, для мира, для вас, для успеха всех ваших начинаний». Горбачев сказал что-то неопределенное... *(Из книги А. Сахарова «Горький, Москва, далее везде», Нью-Йорк, 1990)*

Через несколько дней А. Д. Сахаров и Е. Г. Боннэр вернулись в Москву.

Началась перестройка.

В Москве спор между Сахаровым и Горбачевым, а шире — между интеллигенцией и властью — продолжился. Власть декларировала «демократизацию во всех сферах жизни», понемногу раздвигая рамки дозволенных свобод. Интеллигенция говорила о всеобщем покаянии (одним из первых эту мысль высказал Тенгиз Абуладзе в своем известном фильме), что означало признание вины, не поровну разделенной между народом и властью, пересмотр мертвеющих догм, тщательный и пристрастный анализ прошлого и настоящего.

Интеллигенция настаивала, с каждым днем все смелее и громче. Запад ставил условия. Власть колебалась и медленно шла на уступки. Горбачев стремился постепенно «перестроить» страну, отчасти представляя, какие силы противостоят его реформам. Прагматик, он исходил из особенностей конкретной ситуации, стараясь извлечь из нее максимум личной политической пользы, но не переходя роковую грань. Понимая необходимость освобождения советских политзеков, он не мог не отдавать себе отчета и в том, каким сокрушительным ударом для многих явится это малоприметное вроде бы событие. Двести или тысяча человек в многомиллионной стране — горстка, ее вряд ли и различишь в огромном потоке судеб. Но дело-то в том, что за горсткою этой стояли тысячи тысяч — власть; сотрудники КГБ, жизнь свою посвятившие беззаветному служению этой власти; прокуроры, требовавшие вынесения беззаконных приговоров; судьи, послушно выполнявшие то, что велит прокурор; лагерные начальнички, со сладострастием гноившие политзеков; журналисты, клеймившие «диссидентов» в своих поразительно гнусных статьях; «простые» сограждане, с доверчивым гневом внимавшие изолгавшимся на корню журналистам... С ними со всеми что было делать — ведавшими и не ведавшими, что творят? Лучше уж по-тихому, без имен, тем более что большинство «творцов застоя» на прежних своих карательных должностях. Чтобы и палачи и жертвы были «довольны». Карателям — спасибо за точное и неукоснительное исполнение «долга». А жертвы пусть радуются, что вернулись живыми. «Время было такое». Больше не повторится никогда. Возвращайтесь к патриотическим делам.

СВИДЕТЕЛИ

ЛИДИЯ ЛАСМАНЕ-ДОРОНИНА (ст. 70; 5 лет лагеря + 5 лет ссылки, Мордовский лагерь): Удивительно было наше освобождение — по одним и тем же законам судили и освобождали. *(«Родник», № 10, 1989)*

Решено было так. Большинство политзаключенных подлежит освобождению, однако они должны сами об этом попросить. Идеальный вариант: человек полностью признает свою вину, раскаивается в совершенном и обещает больше так не делать. Здесь двойная победа — и волки сыты, и Запад утретс: те, о ком «враги» хлопотали, сами признают себя преступниками. Возможный вариант: зек обещает соблюдать законы (чем как бы признает, что ранее их преступал) и просит отпустить его на волю. Допустимый вариант: ни в чем он не кается, ни о каких законах речи не ведет, однако просит, чтобы его освободили. Предельно допустимый вариант: ни о чем никого не просит, пишет, что не нарушал закон, однако пишет же хоть что-нибудь!

Возможны варианты.

СВИДЕТЕЛИ

ЮРИЙ ШИХАНОВИЧ (ст. 70; 5 + 5, Пермский лагерь, 37-я зона): 26 января 87-го года пришли, сказали: собирайтесь. Вещи не разрешили взять. Повели на вахту. Потом привезли на железнодорожную станцию. Велели содрать нашивки. Ну, содрали мы. Конвоиров было двое, в том числе опер из 35-й зоны. Настоящего конвоя не было.

Представьте: обыкновенный вокзал, а на вокзале обыкновенный поезд «Соликамск — Москва». Ведут нас троих к обыкновенным вагонам. Мы глаза таращим. Заводят в купе. Садится с нами опер. В соседнем купе еще двое едут. Мы думаем, что нас в Москву везут. В пути в шахматы стали играть. А опер, естественно, молчит и не раскалывается.

В Перми высадили в обычный «воронок», привезли в изолятор, посадили в камеру. Стало привычнее. На другой день начали по одному дергать в кабинет. Меня первого. В кабинете — помощник прокурора. Перед ним мое дело, листает. «Вас решено освободить. Нам нужна бумажка, что вы просите...» Спрашиваю: «Если решено, то зачем писать?» Он: «Да это формальность. Напишите, что не будете больше заниматься деятельностью, вредной для государства». Хорошо, написал. Отвели обратно в камеру.

ЛЕВ ТИМОФЕЕВ (ст. 70; 6 + 5, Пермский лагерь, 36-я зона): В середине января в зону приехал прокурор. Он начал с того, что, дескать, времена изменились, и недели через две я выйду на свободу. «Но я прошу вас,— сказал он,— написать заявление, в любой форме, что вы не представляете опасности для государства, обещаете вести себя прилично».

Думаю, что у многих здесь произошла некоторая торговля. Я написал: «Прошу освободить меня от назначенного мне срока заключения. Не имею намерения наносить ущерб Советскому государству, как, впрочем, не имел такого намерения никогда прежде». Люди, к компромиссу не склонные, не написали вообще ничего. Когда меня посадили — с меня же просьбы об этом не брали, так что ж я теперь должен о чем-то просить?

Прошло две недели. Ничего не менялось. Кажется, 5 февраля подошел ко мне надзиратель, сказал: «Тимофеев, с вещами!» Собираю вещи. Заводят в домишко к карцеру, устраивают крепкий шмон. У меня отобрали все письма. Потом вернули — одному из немногих. А почти у всех уничтожили. Обшмонали, завели в камеру. Ждем. Вывели за пределы зоны, охрану сняли. В конторе дали справку об освобождении...

АЛЕКСЕЙ СМИРНОВ (ст. 70; 6+4, Чистопольская тюрьма): Всякий зек волнуется, когда ему говорят: «С вещами!» Даже перевод в другую камеру — шок. Три дня в себя приходишь. Спрашиваю: «Мне плотно собираться?» Велят забирать всё. В бокс — вниз. Слышу — кто-то из ребят здесь: Ривкин, Сендеров... «Куда?» Говорят, на промывку, то бишь в Москву, в Лефортово, а там — долгие разговоры, чуть ли не поездки домой. Бывало и такое — сажают в машину, везут: «Вон, видите, дом ваш, жена, дети за шторкой, подпишите бумажку и — свободны!»

В Лефортове я оказался уже во второй раз, был спокоен, только что по плечу не похлопывал надзирателя. Пришел работник прокуратуры, молодой парень. То же, как и всем: «Обстановка изменилась, вы можете выйти на волю, но для этого надо кое-что подписать». Я — ни в какую. Дали свидание. Заплаканные мать и жена убеждали меня, чтобы не лез на рожон, говорили, что зеки уже выходят. Месяц-полтора «считал варианты». Навещали меня прокуроры, причем с каждым визитом их чины увеличивались, пока не пришел кто-то из Прокуратуры СССР. Я даже получил телеграмму от ребят: «Найди достойные и разумные слова». В конце концов я такие слова нашел: «Прошу освободить меня из-под стражи. Обязуюсь соблюдать Конституцию СССР».

Здесь — весы, они долго качались перед моими глазами.

Я ходил по камере и взвешивал, взвешивал... Считаю, что та цена, которую заплатила бы моя семья, если бы я ничего не написал и поехал бы назад в зону, была чрезмерной. Не знаю, прав ли я... Некоторые не написали ничего и отправились в лагерь. Не написал ничего Миша Кукобака. Отец Альфонсас Сваринскас вернулся в лагерь — он пастырь, для него компромисс был невозможен. Они были за нас огорчены. А я поступил как многие. Коллективный разум пришел к этому.

ТАТЬЯНА ВЕЛИКАНОВА (ст. 70; 4+5, ссылка, Казахстан): В январе — феврале 87-го года дважды вызывал областной прокурор. Хотел, чтобы я написала просьбу об освобождении. «Пишите,— говорит,— что убеждений своих не изменили, советских законов не нарушали и впредь не намерены». Огорчила его: «Знаете, мне что-то ничего писать не хочется». Уговаривал долго. Был очень вежлив. «Ну, что ж,— молвил наконец,— будем оформлять акт об отказе от помилования». Расстались. И я продолжала отбывать ссылку. Точно так же поступила и Елена Санникова, и некоторые другие. Указ

о помиловке, о которой я не просила, вышел 1 декабря 1987 года. В Москву вернулась в июне 1988-го, за пять месяцев до окончания срока.

В Словаре Владимира Даля нет слова «помиловка». В прошлом веке помиловать имело высокий религиозный смысл и означало «простить, отдать вину его, не карать; оказать милосердие, пожалеть, внять раскаянью». Пренебрежительный, даже презрительный оттенок этому понятию в нашей стране привил XX век с его концлагерями, беззаконными приговорами, тотальным подавлением прав личности и естественным внедрением блатной лексики в повседневную жизнь. Не помилование — по-ми-лов-ка. Помиловка — это сделка, заключенная между палачом и жертвой, причем обеим сторонам заранее ясно, что ни о каком искреннем признании вины, как и об искреннем прощении, речи быть не может.

Нас отпустили на поруки
На день, на час, на пять минут,—

формула, найденная Галичем для целого поколения, точна и в отношении узников политических зон. Но не универсальна.

Система, отправляющая преступника в уголовный лагерь, озабочена проблемой его перевоспитания лишь на словах. Хочет этого администрация или не хочет, но сколь часто раз преступивший закон выходит из зоны закоренелым преступником. Иное дело — советский политзаключенный. С ним «возятся» и пока он на воле — следят, фотографируют, подслушивают, вербуют стукачей по его душу, вызывают для профилактических бесед, уговаривают уехать... Он ведь опасен не мирным гражданам, а власти, оттого и внимание ему особое, и гриф в «деле», когда до дела доходит, соответствующий: «особо опасный преступник».

Собственно говоря, шанс «на спасение» у политзаключенного эпохи зрелого социализма был всегда. Просьбу о помиловке ждали от Синявского и Даниэля, Солженицына и Сахарова, Буковского и Горбаневской. Властям плевать было, что на самом деле думают кающиеся «отщепенцы» Красин, Якир, Петров-Агатов, Звиад Гамсахурдиа... Важно, что принародно каялись, в чистых костюмчиках, с виноватым взором. Власть, помешанная на пропаганде, расценивала подобные выступления как важные политические победы, вроде одоления коммунистом Карповым «диссидента» Корчного... Мощное полицейское государство нуждалось, как ни странно, в ежедневном подтверждении правоты своей идеологии и политики. Речь вчерашнего «врага», повествующего о своих «заблуждениях» и «ошибках», услаждала душу любого чиновника — от конвойного до члена ЦК.

Для таких побед все средства хороши были. В ход шли и посулы, и угрозы. Ломать человека у нас давно научились. Мечта всякого насильника — чтобы устами жертв было признано его право на насилие — на втором году перестройки довольно успешно воплощалась в жизнь.

Зеки возвращались домой.

СВИДЕТЕЛИ

ЮРИЙ ШИХАНОВИЧ: 4 февраля приходит дежурный офицер и говорит: «Принят указ о том, что вы освобождены от отбывания наказания». Сло́ва «помилование» они избегали, поскольку оно считается позорным среди диссидентов. Утром 5-го вручили справку об освобождении. Велели переодеться.

Переоделись: скинули старую лагерную одежду, надели лагерную новую. Привезли на вокзал, вышли мы. Гляжу на часы, спрашиваю: «Гражданин майор, здесь время по каким часам — пермским, московским?» Он поправляет: «Товарищ майор, отвыкать надо!» В телогрейках вошли в вагон, расселись. Было нас семь человек: первая группа... Пошли в вагон-ресторан. Вернулись, познакомились с пассажирами, с проводницей. Она потом призналась, что ей велели за нами следить.

6 февраля прибыли в Москву. Казанский вокзал, Комсомольская площадь. Глаз наметан, сразу увидели гебешные рожи, невдалеке. Идем в метро. Я купил себе единый. Спускаемся по эскалатору, и я вижу, как нас обгоняет по соседнему эскалатору сержант милиции. Преградил дорогу: «Ваши документы!» Показываем наши справки об освобождении. Отпустил.

Сперва отправился в институт, где жена работала. Позвонил снизу: «Аля, это я». Она говорит: «Подожди, дай я сяду». Пришла в себя, спустилась вниз... и вот так мы встретились. Значит, я с ней поздоровался, поговорили немножко, и домой поехал. Позвонил в дверь. Дочь открыла.

ЛЕВ ТИМОФЕЕВ: Приехал в Москву 7 февраля. Дома ждали, только не знали — когда. Жену администрация, конечно, не предупредила. Был день рождения моего лагерного товарища Леши Смирнова (он еще находился в Лефортове), жена пошла к его родным. Ей туда позвонили, сказали, что я вернулся... Словом, мы встретились.

АЛЕКСЕЙ СМИРНОВ: 16 марта вечером передо мной раскрыли дверь Лефортова. Помню, очень боялся сделать первый шаг. На мне была роба, сапоги, за плечом рюкзак. Бирку, правда, снял. «Ну, иди»,— сказали мне в спину. Я заколебался. «Да куда идти? Я ваш район не знаю...» Говорят: «Там трамвай, спросишь». У меня было 10 рублей. Подошел к ларьку «Мороженое» и минут пятнадцать провел около, потрясенный его изобилием. Купил жвачку. Сел в трамвай. Одну плитку сунул в рот, остальное заначил сыну. Позвонил с дороги домой: е́ду. Пришел, и все удивлялись — на пять лет раньше...

...В сентябре 1989 года была воссоздана Московская Хельсинкская группа — правозащитная организация, разгромленная осенью 1982 года. Ее сопредседателями стали Лариса Богораз и Лев Тимофеев.

В июне 1990 года в Москве, затем в Копенгагене прошло Собрание международной Хельсинкской федерации за права человека.

Два московских дня целиком были посвящены положению в Советском Союзе.

Выступавшие были единодушны в одном: к сожалению, тема политических репрессий в стране не исчерпана. В соответствующем Списке около 200 имен. Среди них — «жертвы застоя», осужденные на длительные сроки по 64-й статье. А. Д. Сахаров предъявлял эти списки Горбачеву. Так был освобожден Леонид Лубман, по сфабрикованному Ленинградским УКГБ делу отсидевший в Пермском лагере без малого 13 лет. Называлось имя и другого ленинградца — Михаила Казачкова, ныне также «помилованного» (за двадцать дней до конца 15-летнего срока). Упоминались еще Богдан Климчак, Александр Голдович, Олег Михайлов, Валерий Янин, Валерий Смирнов, Владимир Новиков и другие...

Впрочем, старых зеков в Списке сегодня совсем немного. «Новых» больше. Среди них и участники национальных движений, и мнимые «уголовники», чьи дела сфабрикованы в отместку за критические высказывания, и «отказники» от армии (по религиозным или иным мотивам), и те, кого неправомерно содержат в психушках. Конечно, нет твердой уверенности в том, что все, кто назван в Списке, заведомо ни в чем не виновны или психически здоровы. Но общество вправе настаивать на том, чтобы сомнительные дела были пересмотрены.

Общество вправе настаивать и на пересмотре прежних дел. Не только ленинских и сталинских времен. Поближе.

...Когда после 1953 года из лагерей, тюрем и ссылок потянулись на волю тысячи политических арестантов, Анна Ахматова заметила, что теперь две России взглянут в лицо друг другу: та, что сажала, и та, что отбывала срок.

Поэтически безукоризненное пророчество сбылось лишь отчасти.

Существовала «третья» Россия (понятно, не об одной лишь России речь) — не сажавшая и не сидевшая, истерзанная, замороченная, запуганная и не виновная ни в чем. Не было в стране ни одного дня, когда бы в тюрьмах, лагерях, ссылках, психушках ее не томились безвинные. Не было передышки у предсказанных двух Россий, чтобы вот так спокойно разглядывать друг друга в упор, каясь и прощая. В благословенные хрущевские времена навстречу широкому потоку освобожденных змеился тонкий ручеек новых узников. Карали за веру, за создание нелегального марксистского кружка, за нелегальный переход границы («измена родине»), за «национализм», за статьи, за листовки, за контакт с иностранцами, за критику Хрущева и даже Сталина (было и такое). В последующие годы поток увеличился. Не иссякает до сего дня.

Все эти люди, погибшие и живые, уехавшие и оставшиеся, помилованные и заключенные, должны быть реабилитированы. Доброе имя их должно быть восстановлено. Каждому из них (или их вдовам, детям, родным) долж-

А. Д. Сахаров — «участник» политического суда над доктором Ю. Орловым. Май 1978 г.

ны быть от имени государства принесены извинения и выплачена денежная компенсация — за все муки, что им пришлось претерпеть.

Гонители их должны быть подвергнуты нравственному осуждению.

Следует как можно скорее устранить зловещую двусмысленность положения тех, кто подвергся репрессиям за мысли, убеждения и поступки, очевидная правота и законность которых доказана временем. Ведь до сих пор подавляющее большинство этих людей считаются преступниками, помилованными гуманной властью за «отказ от противоправной деятельности», тогда как на самом деле **«наше освобождение есть факт торжества... тех самых идей, за которые люди сознательно шли в тюрьмы и лагеря»** ***(Лев Тимофеев).***

Следует устранить ложь.

Главная ложь заключается в том, что «эти меры (читай: заключение инакомыслящих в тюрьмы, лагеря, ссылки, спецпсихбольницы.— **И. М.**) осуществлялись по противоправным действиям конкретных лиц на основании существовавших тогда законов. Эти законы были приняты высшими органами государственной власти и действовали в русле политической обстановки того периода». Так полагают в Центре общественных связей КГБ СССР («Аргументы и факты», № 24, 1990). Так сказать, официальная линия. А лжива она потому, что и по тогдашним, «действовавшим в русле» законам практически все дела были сфабрикованы.

Медленно, со скрипом, но меняется что-то и в КГБ. Почти незаметной прошла сенсационная публикация в «Известиях» (22 октября, 1990) о пресс-конференции в МИД СССР, где председатель КГБ В. Крючков «рассказал о ходе работы по реабилитации граждан, осужденных в 60-е и 70-е годы по статьям 70-й и 190-й... Всего их насчитывается 7250 человек. Как считает председатель КГБ, после внимательного изучения каждого дела с большинства из осужденных судимость должна быть снята».

Славно. И пусть ни слова не сказано об осужденных в 80-е годы (не было?), и речи не ведется об извинениях и компенсациях, и не дошла еще очередь ни до расстрельной 64-й статьи (а «измену родине» трактовали весьма широко), ни до узников спецпсихбольниц, ни до тех, кто садился по сфабрикованным обвинениям по уголовным статьям, все же понадеемся и порадуемся. Порадуемся хотя бы за тех 7000 бывших политзеков, кому светит реабилитация, восстановление в правах. Не сразу, естественно, но после «внимательного изучения». Конечно, важно не ошибиться...

Для чего я пишу об этом? — спросит читатель. Или нет проблем поважнее? Не логичнее ли сегодня думать о всеобщем спасении нашем, чем о судьбе тех немногих, чья правота очевидна без всяких статей, чьи добрые имена и дела принадлежат истории, а печальная ныне участь — плата за грядущую, а то и прижизненную славу?

Все так и не так.

В их судьбах мне видится отражение наших печальных судеб, судеб наших детей.

Мы ведь тоже всего лишь помилованы своим государством, и все те свободы, что свалились два-три года назад на наши головы, не подкреплены никакими гарантиями, неустойчивы и слабы. Перестройка — милость, как бы дарованная властью в ответ на долгие призывы «пересмотреть жизнь». Власть дала — власть и возьмет. Но чтобы этого не случилось, чтобы зажили мы наконец бесстрашно, вольно и весело, нужны иные слова и дела. Нас надо реабилитировать — всех без исключения. Даже извиниться перед нами надо — за бесцельно и преступно отнятый век. За чудовищное растление народов, населяющих великую державу, оглупленных, обобранных и обманутых.

Это будет и первый шаг к реабилитации самой власти, какой бы она ни была сейчас и ни станет завтра.

Требовать реабилитации всех неправедно осужденных — нравственный долг общества, если оно еще не утратило чувства самосохранения.

В Литве оправданы все бывшие политзаключенные. В других республиках этот процесс идет медленнее, труднее.

30 октября 1990 года Верховный Совет России рассмотрел законопроект своего Комитета по правам человека «О реабилитации жертв политических репрессий». И отправил на доработку.

Верховный Совет СССР вопрос о реабилитации политзаключенных рассматривать пока не намерен.

И Президент молчит.

Фото Олега КАПЛИНА

ЕХАЛИ ПО НЕБУ ОБЛАКА...

Ольга Григорьевна Олсуфьева (литературный и театральный псевдоним — Алла Зимина) родилась в 1903 году, в юности писала стихи, как, впрочем, многие дворянские девушки ее поколения и воспитания. Но поэзия стала делом ее жизни, когда сама жизнь уже клонилась к закату,— после всех испытаний, которые не обминули и ее. Полуголодное, нищенское существование в 20 — 30-е годы с двумя младшими братьями на попечении, арест в 1936 году, три года воркутинских лагерей, все мыслимые «минуса́» — до 1956 г., лишь в 1959 г.— возвращение в Москву, без жилья, без профессии. В 20-е годы Алла Зимина стала актрисой, снималась в первых советских фильмах, в Воркуте стала руководительницей детской хореографической студии, на память записывала либретто, а иногда и музыку к известным опереттам, которые ставил Воркутинский театр (артисты, музыканты, костюмеры, декораторы, режиссеры, концертмейстер — все заключенные). Уже отбыв срок, Алла Зимина вернулась к собственным стихам, начала сочинять к ним музыку и петь, аккомпанируя себе на гитаре. Скоро наши многочисленные друзья знали весь ее постоянно растущий репертуар. Некоторые песни какими-то неведомыми путями пробились и к более широкой аудитории, я знаю, что их пели (не ссылаясь на автора) на слетах КСП. В 1970 г. в театре-студии «Наш дом» М. Розовского в спектакле «Из реки по имени «Факт» исполняли песню Аллы Зиминой «Братья Монгольфье», а совсем недавно, в 1989 г. в сборнике пьес Нины Садур неожиданно была напечатана другая ее песня — автор был указан неверно. Единственная подборка ее стихов появилась два года назад в «Советском школьнике» — журнале для слепых детей. Ольга Григорьевна умерла в январе 1986 г. В последний раз она пела своему смертельно больному мужу И. А. Богоразу осенью 1985 г. Осталось более тысячи ее песен, записанных на магнитофонную пленку, три пухлые тетради стихотворений, нигде никогда не опубликованных.

Лариса БОГОРАЗ
17 февраля 1991 г.

Алла ЗИМИНА
(О. Г. Олсуфьева)
(1903—1986)

* * *

Не помню где, когда, в какой связи
Читала я старинное поверье:
Что, если мы начнем судьбу
просить,
Нам возвратят житейские потери.

Прошу найти оставленных в саду
Песочницу и форму для пирожных,
И первую вечернюю звезду,
Что я нашла в канаве придорожной.

Прошу отдать Садового кольца
Старинную зеленую читальню,
И мирные, как желуди, сердца,
И трех коней на Арке Триумфальной.

Верните мне лесных осенних чащ
Прохладную томительную дрему
И сорванный в дороге синий плащ,
В котором я, тоскуя, шла
к другому.

Не знаю, чем должна я заплатить
За эти уникальные находки,
За вехи незабвенного пути,
За горький вкус у лагерной
похлебки?

О, жизнь моя, как старец Дамаскин,
Обличия твои перечисляю,
И склеиваю наново куски,
И все люблю, и все благословляю!

МАРШ ВЕТЕРАНОВ ВОРКУТЫ

Мы Север учили, не сидя за партой,
Не пальцем водя по истрепанной карте,
Его мы узнали во мраке и буре
Своими боками, на собственной шкуре.

Уральские горы, снежные хребты,
Белые просторы вечной мерзлоты —
Мы на вас глядели из шахт Воркуты,
Из угольных, черных шахт Воркуты.

В тяжелых этапах, в труде непосильном
Познали впервые мы ярость бессилья.
И хлеб наш насущный в холодные ночи
Был горькой слезою обиды подмочен.

Закрытый для мира нахмуренный рудник,
Не ты ли учил нас романтике будней,
Чтоб сердце отдали не злобе и мести,
А дружбе высокой и рыцарской чести?

Ушла наша юность и лучшее в жизни,
Седыми вернулись мы к нашей Отчизне,
Но прошлое помним, политое кровью,
И любим его мы печальной любовью.

МОЛИТВА

Гроздья грусти в горсти Твоей,
Ложе Прокруста, грохот цепей.
Взгляды ночи из-под бровей,
Сумрак, Отче, скорби Твоей.

Господи Боже, в черные дни
На бездорожье наше взгляни:
Ранние смерти легли на него,
Ждем милосердия мы Твоего.

Горы, воды и недра Земли
Вместе с народами изнемогли.
Горе, как гиря, на чашке весов
С бешенством Мира, со спешкой часов.

Видим усилий слезных тщету,
Ужас насилья, душ нищету,
Ложь правосудья, жестокость к врагам,
Господи, буде милостив к нам!

СОН

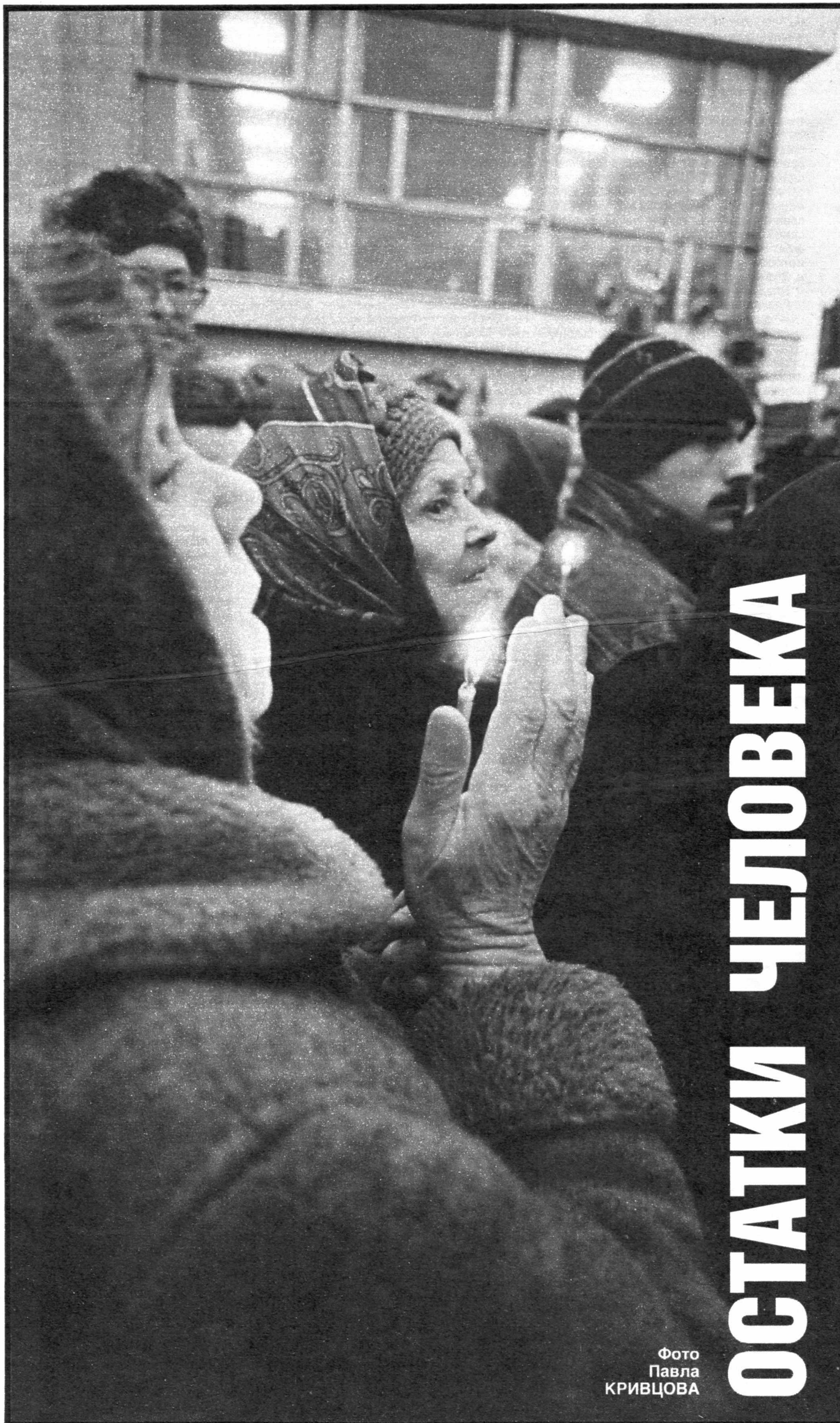
Ехали по небу облака
С эмблемами гвардейского полка,
Со знаменами позолоченными
При вечерних потухающих огнях
На оранжевых конях...

И смотрело солнце на парад,
В котором вовсе не было солдат
С офицерами и с их курьерами,
С залихватскою посадкой боевой,
С забубенной головой...

А под ними мать сыра-земля
Несла опустошенные поля,
Гор подобия, морей безмолвия
И руины, где на стенах, как мишень,
Человеческая тень...

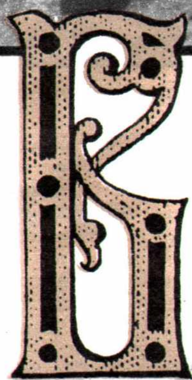
И когда на мертвый лик земли
Знамена потемневшие легли,
Ночь вздохнула вслед тому, чего уж нет,
И пошла, роняя в хаос по пути
Слезы Млечного Пути...

Гор подобия, моря безмолвия...
Боже мой, молю тебя я об одном:
Чтоб мой сон был только сном,
Несбывающимся сном...

ОСТАТКИ ЧЕЛОВЕКА

Фото Павла КРИВЦОВА

от и приехали, доползли и замерли у московского асфальта вагоны с зеленой текучей наледью на крышах, свечи вздрогнули в руках, скопился народ, колени коснулись земли — из Петрограда, через столицу и дальше, в Саровскую пустынь в шестидесяти верстах от Арзамаса возвращаются останки Прохора Мошнина — Серафима, Саровского чудотворца, заступника православия земли русской, наставника монахов и собеседника ангелов. Повторилось торжество веры. Во времена оскудения благочестия и расшатывания умов. Честные мощи опять открыты для всенародного поклонения.

«Моли спастися нам».

Ну, конечно, в первый раз, в 1903-м, это было совсем по-другому. Комиссия Св. Синода собрала случаи чудесного исцеления представителей народа, и сам Св. Синод решил: открыть многоцелебные мощи. Десятки тысяч бого-

мольцев, неописуемое «ура» многотысячной толпы, прибыл царь Николай II, из-под мраморных плит, из дубового гроба—колоды — в кипарисовый гроб; благоухание, исходящее от святых мощей, на золотом блюде — ключ, которым заперт гроб; зубы, выбитые у преподобного разбойниками; покров из зеленого бархата с золотым позументом, шитье шелками и золотом.

И твердая как алмаз вера не срамила себя — хромой сжигал костыли, без которых — ни шагу двенадцать лет, и это подтверждали дежурные офицеры и свидетели из народа; окунались в целебный источник и прикладывались к мощам бесноватые, немощные, истеричные, бесплодные, мучимые лихорадкой, падучей, лишаем, грыжей, слепые от контузии в голову в турецкой кампании...

А государю Серафим оставил письмо. Царь читал его через семьдесят лет после кончины преподобного. Прочел и, говорят, горько так заплакал. Письмо спрятали в архивах полиции.

Серафим вообще был прозорлив. 14 декабря 1825 года кричал: «Драка! Драка! В Петербурге бунт противу государя». Что соответствовало действительности.

Но в 1903-м все было отрадно. Незрячая вдова-казачка Анна Ивлева! И вдруг с глаз ея, как чешуя, спадает слепота!

И снова для нее светел Божий мир. А для нас?

Нет, это понятно, что Государственный музей истории религии Министерства культуры РСФСР откопал, передал, что знамение примирения и надежды и все такое... Но почему нам так не хочется выпустить мощи святые из собственных рук и мы норовим спешно переметнуться в редкие ряды принимающих мощи — кротких, верующих — и быть, как прежде, одинаковыми, гуртом? Ведь запели умильно свежеиспеченные ревнители веры в телевизорах, раньше поминавшие только «богамать», и то по соседству с нецензурными словами; ведь заахали газеты, засюсюкали одинаково слащаво и напыщенно в религиозном рвении; поседевшие с партбилетами в карманах товарищи начали прилюдно божиться и мучиться с цитатами из Библии, борясь со своенравным ударением; в речах писателей империализм и социализм вытеснились Царством Божьим и кознями сатаны — и это коллективное прозрение страшно своей очаровательной легкостью, не прибавившей ни миллиметра морщин, не кольнувшей хоть раз совесть; и атеисты, бессознательные, еще с детсадовских песен и прекрасной «Смерти пионерки», также бессознательно ломятся занять места в первых рядах под крестами, венцами и кадилами, оттесняя тех, кого заступники рус-

ской земли не покидали никогда, тех, кому нужны эти мощи, тех, кого защитит преподобный Серафим. Нас он не спасет. Не надо врать.

Зачем задыхаться в счастливом смехе: ах, надо же, сохранились, не сгрызла музейная Жучка, не отправили на мясокостный завод, не надо делать вид, что все вернется, вот только осталось царя выписать — и заживем кучеряво, вперед, православные! То, что осталось,— всего лишь горсть родной земли на братскую могилу, где все, кто сгинул на чужой стороне, навалом и вперемешку. Это всего лишь обгорелый старинный кирпич посреди жестокого пепелища. Он может лечь в основу нового здания, под своды которого входить уже не нам.

Не надо слишком торопиться меняться. Не надо ставить на себе крест. Нам трудно, но в каждом из нас есть остатки человека. Есть алмазная основа, надо наращивать ее, созидать свою душу, думать прежде всего о собственной душе, о человеке, а не цепляться гулящим репьем за любые шибко и широко шагающие штаны, сдавшись.

Как нам не хватает эти годы людей, которые не стыдятся себя и не боятся признать себя лишними в этом времени! Как страшны те, кто гнется в любую сторону: коммунист, социалист, христианский демократ, антикоммунист, фашист, куда угодно, с кем угодно, бросив все, перечеркнув все прошлое — но лишь бы задница осталась на месте — в кресле! Как нам поразительно не хватает людей, честно говорящих: «Вот до этого предела я могу вас вести. Дальше моя душа не позволяет. Я уйду. Уступаю дорогу тем, кто может». Как мы топчемся на поле одной командой, постоянно меняющей форму, и нами играют низкие страсти, мелочные расчеты, низменные порывы, жалкие умы, позорное высокомерие, жадное властолюбие, призрачная честь, циничная безнравственность, истеричная узколобость, луженые глотки.

У нас почти не осталось святых, которые десятилетия растили себя, чтобы потом совсем немного растить ближних.

А то, что передали верующим мощи преподобного Серафима,— что ж, это прекрасно, кто спорит... Серафим — значит «пламенный», он недвижно выстаивал службу, два с лишним года питался травяным отваром; нападали на него разбойники, а потом пожар сжег их дома; злые духи поднимали его в воздух, швыряли оземь; преподобный терпел мороз, дождь, мух, комаров, не топил печку, делился трапезой с медведем, молился близ гроба, не вышел даже к епископу, простоял на камне тысячу дней и ночей; набиралось к нему по пять тыщ посетителей; когда он шел из церкви в келью в ближней пустыни, две версты кругом стоял народ, и он благословлял; основал женский Дивеевский монастырь, спасал сирот, одевал их в брачные одежды чистоты и целомудрия, а они боролись со страстями и шли спасительным путем к вечности; двенадцать раз посещала его наяву Богоматерь, последний раз с двенадцатью девами, св. Иоанном Предтечей и св. Иоанном Богословом. Мантия Царицы небесной при этом была застегнута большой круглой застежкой.

Умер он 73 лет, 5 месяцев, 12 дней от роду, и закончилось его земное странствие. Люди начали хранить останки этого человека.

«Аврора» выстрелила 73 года 5 месяцев назад. Снаряд долетел и разорвался, но это не значит, что мы должны пускать остатки людей в себе по ветру.

Александр ТЕРЕХОВ

■

Светская хроника

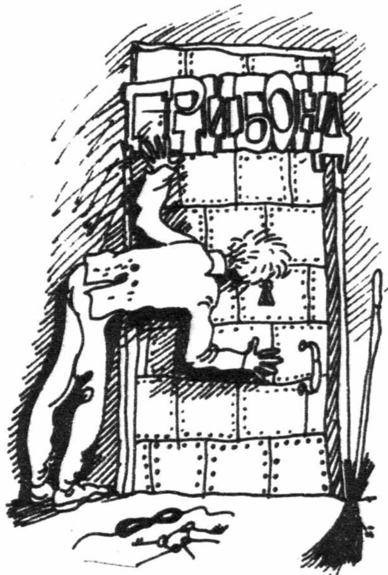
ПОПРОБУЙ УКРАДИ

Состоялась презентация самой маленькой в мире галереи — «ГРИБОНД». Видный представитель отечественного авангарда Герман Виноградов в торжественной речи рассказал о причинах, побудивших его открыть галерею в кладовке своей мастерской на Солянке. Во-первых, со всех предыдущих выставок у него что-нибудь пропадало: например, после выставки в Киноцентре он утратил такие ценные компоненты своих произведений, как лаковые ботинки, зайчика в банке, а также очень важные фрукты, которые кто-то съел. Во-вторых, художника смущает «неадекватность организации выставочного пространства».

В галерее «ГРИБОНД» будут проходить выставки одной работы. Первым экспонировалось бессмертное произведение Ивана Кочкарева «Свет Агента Мопендо» (сложнейшая техника: углеводородопластик, инертный газ).

Вернисажное угощение было выдержано в том же «минималистском» духе: пили водку из наперстков. Гости сомневались, полагая, что такое возлияние может лишь «огорчить организм». Вечер, однако, закончился тем, что известный искусствовед, куратор авангардных выставок Иосиф Бакштейн исполнял «танец ящерицы, потерявшей свой хвостик»...

Инф. агентство «Гуманитарный Фонд»

МАРКС И ФУТБОЛ

На шестом году перестройки наша страна была отмечена посещением человека с исторической фамилией Маркс. Правда, это не Карл, а всего лишь его родственница, Ева Маркс. Сфера ее интересов так же далека от политики, как ее знаменитый предок — от футбола. Именно футбольные интересы «Реала» приехала представлять в Москве Ева из солнечной Малаги. Испанская родственница великого немца, увидев нашу социалистическую действительность, очень нас пожалела, на что услышала: «Так ведь по Марксу живем!»

РОМАНТИКА С БОЛЬШОЙ ДОРОГИ

На прошлой неделе в Краснопресненской тюрьме состоялось бракосочетание двух представителей модных и престижных профессий — наперсточницы Лены К. и рэкетира Сергея Н. Роскошным меню свадьба не отличалась, но, видимо, у молодых все впереди — было бы здоровье, да любовь, да работа хорошая... Новобрачная в настоящее время находится на свободе, а молодой муж — в тюрьме по обвинению в том, что он вымогал деньги в сумме две тысячи четыреста рублей у продавца магазина «Мелодия», при этом почему-то оставив обобранному расписку в том, что эти деньги от него получил...

КОНКУРЕНТЫ ДЖОРДЖА БУША

В президентской свите Джорджа Буша есть два великих спортсмена: Арнольд Шварценеггер и гранд-мастер Джун Ри, отец американского таэквондо. Мистер Ри не только входит в президентский совет по внеаудиторному образованию, но и учит сенат США премудростям древнего восточного единоборства. «Честность — в сердце, ум — в голове, сила — в теле» — девиз учеников Джуна Ри во всем мире теперь будет слышен и в советских спортивных залах: фонд выдающегося таэквондиста был открыт и в Москве. Так что, для того чтобы конкурировать с Бушем на поприще восточных единоборств, нашему Президенту достаточно постучаться в двери оздоровительного хозрасчетного центра «Виктория», при котором и создан новый фонд. Правда, у Буша в спорте есть еще один козырь — теннис, в котором его спарринг-партнером является сама Памела Шрайвер, одна из лучших американских теннисисток. Как истинная патриотка, она, к сожалению, не собирается готовить конкурентов своему президенту в Советском Союзе, но, как представляется, один конкурент у Джорджа Буша уже есть — Борис Ельцин занялся теннисом на полном серьезе.

СЛАДКАЯ ЖИЗНЬ

Самым значительным событием ушедшего года назвали огоньковцы мешок подмосковной картошки, выданный каждому сотруднику редакции на зимнее пропитание.

Трудовой энтузиазм коллег из «Советского спорта» поддерживается совхозной сметаной. Дни ее завоза можно определить по мелодичному звону, доносящемуся из портфелей и сумок сотрудников. Так звенят пустые литровые банки с визитной карточкой владельца на боку.

Ближе других к деревенским радостям хотя бы по своему названию находится журнал «Крестьянка». И действительно, его сотрудники еще не забыли вкус свинины, курицы, яиц и даже некоторых овощей.

Но и это не рекорд выживаемости прессы в условиях нашего некормового времени. Активнее других за спасение собственных голодающих сотрудников взялась «Комсомольская правда». Чтобы подсластить их нелегкую творческую жизнь, коммерческий отдел стал регулярно закупать душистый мед и бесплатно раздавать желающим. «У нас грандиозные планы»,— обещает Сергей Кушнерев, ответственный секретарь «Комсомолки». Аренда земли, выращивание шампиньонов и бычков, теплицы с огурцами и помидорами круглый год — все это изобилие ожидает в ближайшем будущем дружный коллектив самой популярной молодежной газеты.

Итак, самое время объявить подготовку ко Всесоюзному журналистскому банкету «Изобилие-92». Голодающие журналисты всей страны, объединяйтесь!

НЕ ТОЛЬКО В ОБЛАСТИ БАЛЕТА...

Будущий вождь трудового корейского народа Ким Чен Ир недавно признался, что обожает Аллу Пугачеву и вообще советскую эстраду. Как сообщил нам сотрудник Московского управления культуры, в круг интересов наследника Ким Ир Сена входит и варьете, причем особенно неравнодушен он к советским артисткам. Коллектив варьете под руководством А. Кислицкого трижды приглашали в братскую страну, и наши артистки, как свидетельствуют последующие события, пользовались там исключительным успехом. Первые же гастроли, оформленные по всем официальным каналам, вызвали у наших корейских друзей неподдельный восторг. Как сообщил нам все тот же сотрудник управления культуры, девушки выступали исключительно в Доме приемов и развлекали не столько широкие массы корейского трудового народа, сколько ограниченный круг высокопоставленных партийных и государственных деятелей. Артистки и зрители расстались очень довольные друг другом, и вскоре коллектив был приглашен снова, причем второй раз на просмотр и сдачу программы прибыл лично Чрезвычайный и Полномочный Посол Кореи в СССР. Такой исключительный успех насторожил Министерство иностранных дел, и в управление культуры последовал звонок из МИДа с пожеланием разобраться в его причинах. Третья поездка девушек приобрела несколько детективные черты: хотя управление культуры возражало против этой поездки, имело претензии к программе, артистки вылетели в КНДР на два дня раньше назначенного срока и не советским самолетом. По словам вышеупомянутого работника управления культуры, посольство КНДР и в этот раз изъявило настойчивое желание видеть советских артисток на корейской сцене и подкрепило это желание действиями.

Так что не только «в области балета мы впереди планеты всей»!

ЦК КПСС ВЫБИРАЕТ ДОЛЛАРЫ

Крупнейшая в мире американская фирма, оказывающая услуги в области менеджмента и консалтинга,— «Эрнст энд Янг» — провела в Москве семинар по вопросам оценки и приватизации.

Семинар прошел весьма интересно, что отмечали и представители фирмы, и советские участники — члены Верховного Совета РСФСР и депутаты Моссовета, замминистра Минпрома РСФСР Георгий Микерин, генеральный директор «Внешконсульта» Александр Рубцов и другие. Наши западные коллеги выразили уверенность в том, что переход к рынку в СССР неизбежен. Многие из них находят даже, что, по многим признакам, этот переход уже начался. Во всяком случае, для некоторых организаций. За гостиницу УД ЦК КПСС «Октябрьская», где проходил семинар, американские бизнесмены платили валютой. «Рублей коммунисты не берут!» — сказал менеджер Восточно-Европейского отдела «Эрнст энд Янг» Стэн Половец. Впрочем, он тут же заметил, что простые советские люди пока еще берут и рубли:

— Мы попросили водителя, который нас обслуживал, подождать нас у ресторана с шести до девяти вечера. Его рабочий день заканчивался в шесть, поэтому я предложил ему пятьдесят рублей за ожидание. Он согласился без особой радости. Но когда мы поужинали и вышли на улицу, ни машины, ни водителя, ни, естественно, пятидесяти рублей уже не было...

В общем, не только коммунисты, но и деловые люди разного уровня довольно успешно (хотя порой и своеобразно) осваивают капиталистические отношения...

БЕЗ ПРИВИЛЕГИЙ

Как известно, зять Леонида Брежнева, Юрий Чурбанов, отбывает наказание по обвинению в коррупции в особой зоне, называемой «ментовской», то есть в той, в которой отбывают наказание бывшие сотрудники МВД и КГБ. В отличие от других этому «простому советскому заключенному» удалось опубликовать свои впечатления от пребывания в зоне в газете «Европиэн». В своем материале Юрий Чурбанов разъяснил наивной западной публике, что никаких привилегированных зон для номенклатуры не существует — «это все слухи». «Если журналист увидит у нас в лагерном магазине кусок рыбы, то сразу решит, что это осетрина, и начнет сравнивать с пустыми прилавками московских магазинов»,— говорит Чурбанов.

Занимается он, как и другие «бывшие», изготовлением креманок. Норму выполняет с трудом, несмотря на то, что навык работы с инструментами, по его словам, остался у него с тех пор, как он работал на заводе. Заработок его — примерно 100 рублей в месяц, из которых половину вычитают «неизвестно за что». После того как удерживают деньги за питание и одежду, остается совсем немного, но и те девать некуда, в магазине разрешают покупать продуктов на 15—16 рублей в месяц, «а рынка здесь нет». Ассортимент продуктов в магазине не слишком богат — «хлеб, джем, сигареты»... Правда, если добавить вышеупомянутую рыбу, то не так уж и плохо.

Самый желанный день — воскресенье. Можно выспаться, отдохнуть, постирать и починить одежду. Постельное белье можно отдавать в лагерную прачечную, но там, как говорит Чурбанов, «обслуживание оставляет желать лучшего»...

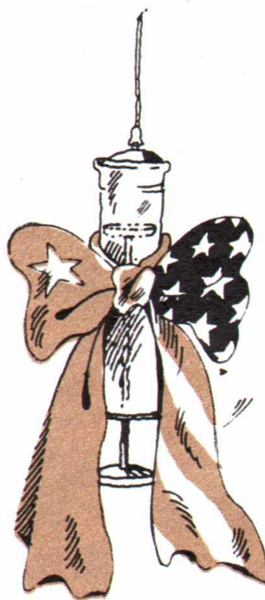
«Нас призывают подписываться на газеты,— говорит он,— хотя нас злят статьи, в которых говорится, что номенклатура пользуется привилегиями в тюрьме. Никто не возражает, если ты на оставшиеся после всех вычетов деньги подпишешься на интересующий тебя журнал, но я бы не назвал это особой привилегией. Сам я регулярно читаю «Правду», но не подписываюсь ни на какие журналы — это слишком дорого для меня».

Так что «Огонек» гражданин Чурбанов не читает.

GAY — СЛАВЯНЕ

Вернулся из своей поездки по Соединенным Штатам лидер Московской партии сексуальных меньшинств Роман Калинин. Масштаб празднований, устроенных американцами по случаю прибытия необычного гостя, едва ли не достиг уровня торжеств в честь Дня Независимости. Пожалуй, всех переплюнул мэр Сан-Франциско Арт Аргонс, при большом скоплении народа вручивший Роме «Сертификат чести», который гласил, что Сан-Франциско гордится возможностью приветствовать защитника прав сексуальных меньшинств, приветствует его деятельность, а дата его приезда в Сан-Франциско объявляется днем Романа Калинина.

К слову сказать, Калинин был первым после Михаила Сергеевича Горбачева советским человеком, удостоившимся чести быть принятым мэром Сан-Франциско. По этому случаю местными властями был устроен роскошный прием, на котором присутствовали самые влиятельные люди города и, разумеется, представители буржуазной прессы. Приглашения, отправленные в адрес представителя Советской миссии при ООН и корреспондента ТАСС, остались без ответа.

Но главным результатом своего турне по Америке Калинин считает договор о помощи, заключенный с американскими общественными организациями, борющимися со СПИДом.

Одним махом лидеру московских гомосексуалистов удалось то, что не могли выпросить генералы от медицины, колоннами отправляющиеся за рубеж,— вполне вероятно, что вскоре на Москву и ее окрестности польется прямо-таки дождь презервативов, медикаментов и просветительской литературы. И, видимо, совершенно бесплатно.

ПОБОЛЬШЕ ПРЕМИЙ — ХОРОШИХ И РАЗНЫХ!

На прошлой неделе в ресторане гостиницы «Космос» состоялся банкет, организованный совместным предприятием «ПараГраф», на котором были вручены ежегодные премии трем лучшим авторам «Огонька». В этом году были награждены: за лучшую публицистику — А. Нуйкин, за лучшую статью на экономические темы — В. Селюнин, за лучший материал, написанный автором «Огонька»,— А. Терехов. Им были вручены денежные премии — по 5 тысяч рублей и «хрустальные параграфы» — эмблема совместного предприятия.

На банкете, кроме награжденных, сотрудников СП «ПараГраф», сотрудников «Огонька», присутствовали почетные гости: академик А. Аганбегян, академик С. Шаталин, народный депутат С. Станкевич, М. Жванецкий, в титулах не нуждающийся, кстати, тоже получивший приз «ПараГрафа» — «за лучший анализ экономической и социальной обстановки в стране», а также другие замечательные люди, друзья «Огонька» и СП «ПараГраф».

Банкет прошел в лучших русских традициях: с шампанским, икрой и цыганами. Небольшой цыганский хор всем почетным гостям по очереди спел: «К нам приехал, к нам приехал... дорогой!» Правда, маленькая заминка у цыган вышла с именем-отчеством Абела Гезевича Аганбегяна, но в конце концов все было спето как надо. Гостей развлекали артисты варьете, говорилось множество тостов, в том числе и нестандартных,— сотрудник СП «ПараГраф» предложил выпить за милицию, которая охраняет завоевания совместного предприятия.

«Огоньку» остается только поблагодарить организаторов праздника за то, что было весело и вкусно. Побольше бы премий — хороших и разных!

Выпуск подготовили Светлана Бавыкина и Юлия Сударенко. Им помогали Наталья Латушкина, Алексей Чернышов, Сергей Ромейков, Павел Портной. Будем благодарны вам за информацию о сенсациях, интересных фактах и событиях. Ее можно сообщить по телефону 212-23-07.

СВЕТСКАЯ ХРОНИКА

Рисунки Евгении ДВОСКИНОЙ.
Фото Юрия ФЕКЛИСТОВА.

ПОКА ГРОМ НЕ ГРЯНУЛ...

Начало на стр. 9.

шие после взрыва годы не случилось ливней, подтоплений грунтов и наводнений...

Здесь, как и в Гракове, благодарят святую силу. А внизу по течению Днепра водозаборы Запорожья, Днепропетровска, Донецка, Харькова...

На «фиолетовых пятнах» и предлагают использовать харьковчане препарат «биомос-Ч» (чернобыльский).

— Ладно,— говорю разработчикам,— биомос зафиксирует радионуклиды. И будут они «фонить» из-под оболочки до тех пор, пока не «выдохнутся»?

— Конечно,— отвечают,— если ничего больше не предпринимать.

Но харьковчане научились биомосы «дрессировать» — управлять их поведением. Создали еще одну модификацию, с которой можно побороться и с самой радиацией. Инструкции по ее применению проще правил пользования дустом.

Искусственный гумус остается для растений наиболее удобоваримым и желанным «блюдом» из всего «меню», предлагаемого почвой, даже если оно и «приправлено» радионуклидами. Воспользовавшись этой неразборчивостью, орошенные раствором биомоса почвы следует засеять травянистыми культурами — и растения превратятся в своеобразный насос для откачки радионуклидов. Выращенную флору следует скосить, урожай захоронить. Вырастет новый — процедуру повторить...

Въедливый скептик с подозрительностью граковского животновода покачает головой: «Сколько же нужно засевать, скашивать — сто раз, двести, триста?.. Может, дешевле и быстрее подождать полного распада радиоактивных элементов?»

И я задавал ехидные вопросы А. Бескровному. Ответы давали опыты. Несколько серий испытаний проводили независимые эксперты-изотопщики из Харьковского университета и Украинского НИИ почвоведения. Цифры в акте первого испытания вдохновили Бескровного (человек он взрывной) на витиеватый монолог. Смысл сказанного сводился к тому, что испытатели «подыграли». Даже в самых смелых прожектах никто не мог предположить, что биомос «выгонит» из почвы в листья и ботву 75 процентов тяжелых металлов... Мыслимо ли?! Испытания повторили. И тот же результат.

Обоснованные предложения об использовании биомоса в районе радиоактивного заражения немедленно выслали в адрес украинского правительства, уведомили о них и Верховный Совет УССР. Так положено: провести все через государственные инстанции. А как иначе? Не колхозам же, в самом деле, предлагать. Его это, государства нашего, первейшая забота — спасать нас всех от медленного умирания. Оно ведь денно и нощно ищет способ уберечь своих граждан от грядущего экологического бедствия. Почему бы не помочь!

«НЕ МОЖЕТ БЫТЬ!»

Эту фразу обронил один из ведущих исполнителей госпрограммы по дезактивации О. Войцехович, когда услышал о возможностях «биомоса-Ч». Разговор состоялся в Киеве, куда зам. директора харьковского предприятия «Биомос» Г. Лыков приехал через два месяца после отправки отчета об испытаниях. Киев хранил молчание, и надо было услышать хоть какой-нибудь ответ.

— Не может быть. То, что ваш биомос способен удержать цезий,— допускаю. Но для всепроникающего стронция «ловушек» быть не может — он неуловим.

— Это не желаемое, а действительное,— убеждал Г. Лыков.— Разве вы не знакомы с нашими разработками?

Нет, ведущий исполнитель о них не ведал. Но руководители программы, полагаю, должны были знать о них всенепременнейше. Однако и вице-президент АН УССР В. Барьяхтар документы в глаза не видел.

Гнуснейшее из занятий — искать пропавшую бумагу в госучреждениях. Через несколько дней документ все же удалось обнаружить. Он провалялся в кабинетах совминовской комиссии по чрезвычайным ситуациям. Бумагу украшала резолюция первого зампреда Совмина УССР К. Масика: «Для рассмотрения в соответствии с принятым решением». О каком решении речь?

Емкую формулировку резолюции помог расшифровать председатель вышеупомянутой комиссии В. Потиха: «Незамедлительно реализовывать новые технологии, связанные с ликвидацией последствий аварии» — гласило решение Совмина... Отметим: «незамедлительно».

Может, неспешность с биомосами, спрашивал я в Киеве, вызвана их недостаточной эффективностью в сравнении с другими средствами спасения от радионуклидов? Оказывается, предложений не густо. По эффективности, простоте применения, по себестоимости, пожалуй, биомосу равных нет, хотя эти преимущества еще следует проверить в госиспытаниях.

Полагаете, государство поспешило в Харьков за препаратом? Увы, державный Киев до сих пор индифферентен...

Заинтересованное население могу успокоить разве тем, что прозрачные осенние ливни года минувшего были не столь обильны, чтобы довести свое черное дело до трагедии. Да еще остается надежда на то, что до весеннего паводка препарат начнут испытывать и использовать хотя бы на самых загрязненных участках Приднепровья.

В РЕЗЕРВЕ ИЛИ НА СВАЛКЕ?

Харьковчане могли бы дать сами себе добрый совет: нечем нам, что ли, больше заниматься? Сосредоточимся на разработке медицинских и сельскохозяйственных препаратов. В то время, когда государство объявило через «Известия»: «Таблеток нет и не будет»,— лекарства на основе биомоса, что называется,— в струю. Ведь это фитопрепараты, к увеличению объемов выпуска которых призывает держава...

Но ловлю ехидную мысль дотошного оппонента: «Как, и лекарства тоже? И животным без биомосов не выжить?.. Очередная панацея-с?» Уймите иронию. Все нижесказанное подтверждено документами, с которыми автор ознакомился лично.

Ученые Ростова провели лечение биомосом экспериментальной (у животных) саркомы. Результат положительный. Бескровный многократно обращался во Всесоюзный онкоцентр АМН СССР с предложением проверить эффективность биомосов и при других формах онкологических болезней. Ответа не последовало.

Ученые убедились в том, что биомосы создают эффект обезболивания у умирающих от рака — у них исчезает зависимость от наркотиков, снимают негативные побочные явления, возникающие после лечения раковых больных химпрепаратами... Клинические испытания не ведутся.

Положительный результат дала мазь биомоса при лечении тяжелых лучевых ожогов... Клинические испытания прекращены.

Из научного труда, изданного в Риге: биомосы защищают генетический аппарат от разрушений радиацией. Испытания не ведутся.

Содержащий биомос препарат для ветеринарии и животноводства (совместная разработка с АН УССР) увеличивает привесы животных при откорме до 38 процентов. Напоенные раствором биомоса животные не теряют в весе при транспортировке на мясокомбинаты (обычно вследствие пребывания в стрессовом состоянии скот худеет на три килограмма на каждые 50 км пути). Промышленный выпуск препарата не освоен.

А предприятия «Биомос» все это терпят. Главное сегодня реализовать ЭВИРы — программы экологически возрожденных районов. Возрожденных, разумеется, биомосами. Однако не много ли ученые на себя берут — вернуть земле девственную чистоту?

— О первозданной «стерильности» почв и не помышляем,— корректирует В. Ионенко.— Земля уже настолько загажена, что изъять из нее весь «мусор» невозможно. Однако биомосы способны, по нашим данным, поддержать тот баланс, благодаря которому и через год, и через пятьдесят лет дети не станут рождаться уродами.

СОБЛАЗНЫ

В какие только двери не стучали! От жэков, рай-, гор- и прочих исполкомов до Верховного Совета УССР — здесь их сообщение заслушали и одобрили сразу четыре парламентские комиссии. И в Совмине и обеих Академиях наук обещали содействие: «Ждите ответа, ждите ответа...» Но — глухо.

Вот загадка: откуда прознали о тупиковых ситуациях в «Биомосе» незваные гости из далеких заморских краев? Заявились один за другим мэтры из китайского, канадского научных центров, предлагали купить эксклюзивные права на технологию харьковских биомосов. Другие, прослышав о воинственной несговорчивости держателей «ноу хау», присылали обходительных посредников из «наших». В том числе и с предложениями личного характера: «Берите с собой пару белья, голову — а все остальное купите там». Бескровный терял юмор, срывался: «Я вам не крыса. Или вместе с этой землей спасемся, или вместе погибнем».

И готов бы спустить гостей с лестницы, если бы она была. «Биомос» ютится в цоколе жилого дома, на ста квадратных метрах — полсотни сотрудников. Кладбищенская норма: по два на душу. Весной и осенью мужской состав походит на команду деревенских велосипедистов — заправляет брюки в носки. Потому как сырой цоколь кишит блохами... Райсанстанцию блохи не возбуждают к действию. Забота в другом: руководствуясь исключительно гуманными интересами, запретила включать вытяжки и нагревательные приборы: «Во имя безопасности жильцов сверху».

И лабораторные работы переносились в домашние кухни. Так, «биомос-Ч» сварганили в кастрюле для борща на приватной газовой плите. Только в январе этого года завод «Поршень» и Харьковский горсовет выделили, спасибо им, несколько помещений в бывшем детском саду. Обещали позже выделить еще, а также включить отопление.

«Не драматизируйте,— осадит въедливый оппонент.— Раз совместное предприятие, значит, есть учредители. А они и о крыше над головой побеспокоятся, и деньжат подкинут. Небось и валюта имеется?»

Это с советскими-то учредителями? Они сами не больно «жируют» — не до брата меньшого. А один из них — Минздрав УССР — не смог внести в учредительный фонд ни копейки. Впрочем, другие от него не сильно оторвались... Из письма в Совмин УССР: «Стоимость основных средств, безвозмездно переданных учредителями, на конец 1990 года составила 8 (восемь) рублей. Прибыль от хоздоговорных работ, кроме зарплаты, полностью направляется на оснащение предприятия». Нынче государство и из зарплаты нацелилось урвать. Недавно введенная шкала налогов «разденет» заложников подвала. Но на протесты «Биомоса» зам. министра финансов УССР В. Ильин хладнокровно парирует: «Предоставление льгот по налогу на прибыль не находим возможным». То, что ученые работают исключительно на государство, в расчет не идет.

Так и рвется наружу возглас героини инсценировки по Льюису Кэрроллу: «Правительство! Куда смотрит правительство?!» А оно — ни гугу. Предлагают монопольное право на безвредное производство безвредных и лучших в мире удобрений (вред разве что для департамента минеральных удобрений — биомосы разорят его), а ему, родному, как бы и ни к чему. Еще и в карман лезет. Вот тебе, взывают к государству, шанс спастись нам всем. Попробуем? Государство, дай ответ... Не дает ответа...

В «Биомосе» между тем снова ждут гостей из процветающих центров и окраин мира. Не исключено, что вновь поступят предложения.

— Мне начинает казаться, что, работай мы «там», принесли бы больше пользы нашей многострадальной родине,— рассуждает В. Ионенко.

Что скажете, мой взыскательный оппонент? Или реанимируете слова о непатриотичности и попрании идеалов?

ЕСЛИ ПОВЕЗЕТ

Нашелся-таки «покупатель» на «свиной» биомос — черкасское производственное объединение «Ротор». Впрочем, «покупатель» — не то слово. У машиностроительного колосса денежные интересы в сельском хозяйстве и экологии не большие, чем у кружка эсперанто. Депутатское кредо генерального директора, члена парламента страны А. Чабанова — за социальную и экологическую защищенность всех граждан. Избиратели завода положились на компетенцию директора. После переговоров выделена энная сумма для первой программы ЭВИР. Начальные акции — сборка установки по производству искусственного гумуса из отходов свинокомплексов и обработка земель Черкасской области, куда попал «плевок» Чернобыля.

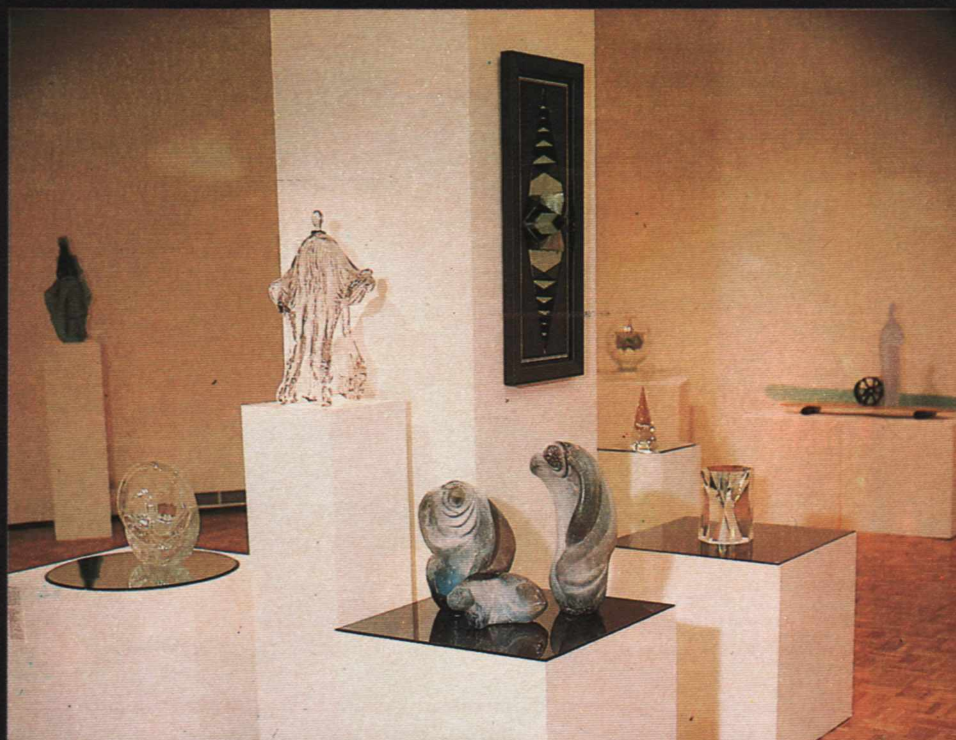
Сотрудников «Биомоса» пригласили к участию в международной акционерной компании ЧЕТЕК. Компания взялась финансировать программу «ЭВИР — Слобода» на территории Харьковщины.

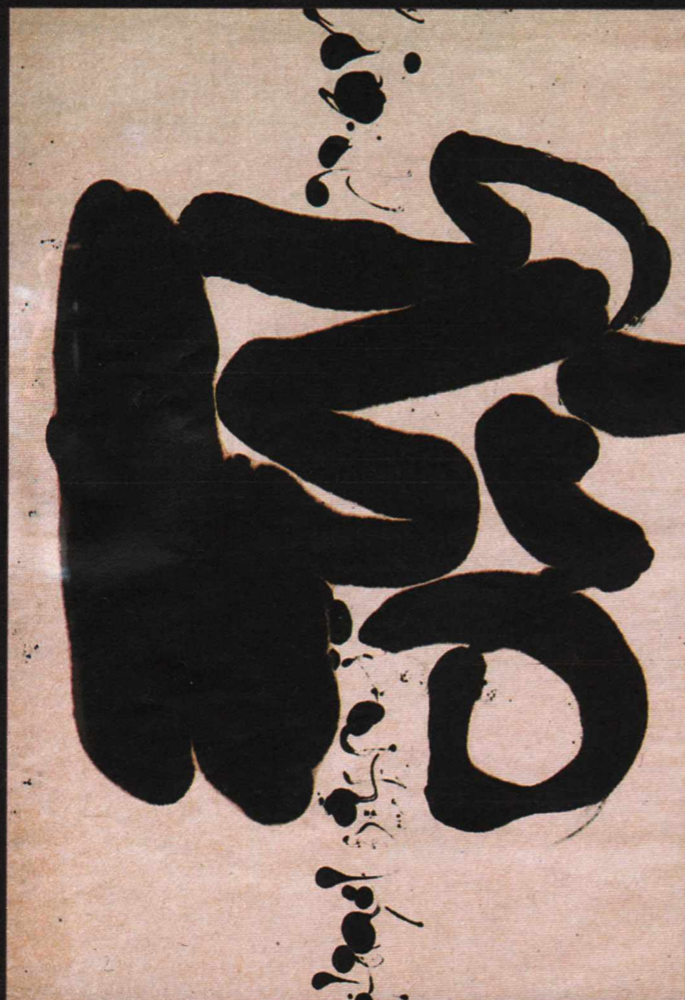
Чернобыль, Черкассы, Харьковщина. Это пока все. Когда дойдет черед до других регионов? Придется, видимо, ждать вспомоществования меценатов.

Когда материал был подготовлен к печати, газеты республики дали отчет об обсуждении в Верховном Совете УССР концепции проживания населения на территории Украины с повышенными уровнями радиоактивного загрязнения вследствие катастрофы на ЧАЭС. «Правда Украины» привела слова из выступления председателя постоянной комиссии парламента по вопросам чернобыльской катастрофы В. Яворивского: «Ситуация на АЭС не только не улучшается, но и ухудшается. Рыжий лес, который в свое время был повален, сейчас подтоплен. Грунтовые воды загрязнились радионуклидами. Нет никакой гарантии того, что эти воды не прорвутся в главный подземный бассейн. Украина, а возможно, и кусок Европы, могут вообще остаться без воды».

Вот вам, сограждане, и «на Бога надейся...».

ПРЕДСТАВЛЯЕМ
ГАЛЕРЕИ
СТРАНЫ

Евгений **ДОБРОВИНСКИЙ.**
КОМПОЗИЦИЯ № 49.
1987.

Стройное пространство зала. Трезвый дневной свет. Спокойная и строгая — в один ряд — развеска картин и расстановка подиумов со скульптурой. Кристаллически ясный интерьер, в котором расположилось стекло. Игра света в сферических и конусообразных формах, россыпь бликов, четкий рисунок граней, плотная белизна фаянса, будоражащие глаз вспышки цвета...

Александр **ЗАДОРИН.**
СИДЯЩАЯ.
1988.

Юрий МАНЕЛИС. МАНЕКЕН. 1988.

Наталья НЕСТЕРОВА. ПОКЛОНЕНИЕ ПАСТУХОВ. 1990.

Любовь
САВЕЛЬЕВА.
ФЕВРАЛЬ.
1981.

Лариса
НАУМОВА.
ХУДОЖНИК,
МУЗА
И МОДЕЛЬ.
1986.

Art Moderne
GALLERY

Московская галерея Art Moderne, что на Ордынке, 39, встречает своих посетителей работами советских художников 60 — 80-х годов из своего музейного фонда.

Деятельность культурного центра Art Moderne началась два года назад с восстановления руин старого здания. Но не будем о хозяйственных проблемах. Теперь-то очевидно главное: именно строгий критерий художественного качества, которым руководствовались искусствоведы Светлана Ковецкая и Вильям Мейланд, помог собрать за это время добротную коллекцию изобразительного и декоративно-прикладного искусства.

Собирать сегодняшнее искусство нелегко, а порой и мучительно. Временна́я дистанция либо вовсе отсутствует, либо невелика. Сменяется художественная мода, и трудно не поддаваться ее минутному очарованию; необходимо соединить чуткость к сегодняшнему и знание вчерашнего дня. За лихорадочной и суетливой жизнью искусства, которому теперь стало можно все, что было нельзя вчера, прошел незамеченным конец музейного бума. Волна интереса всех ко всему вдруг откатилась, оставив на берегу немногих истинных любителей, профессионалов и неофитов. Но умами завладела идея современного искусства.

Деятельность Art Moderne, во главе которого стоит директор Георгий Крутинский, переводит этот замысел из области мечты в область кропотливой практической работы, тихого муравьиного собирательства и романтического музеестроительства. Для того и создан особый некоммерческий фонд — лучшая часть коллекции, которую Art Moderne передает в дар городу.

Надо сказать, что собиратели галереи вовсе не претендуют на полноту обзора современного искусства. Не избегая новых имен и новых течений, галерея не стремится охватить их все. Но одна из особенностей собра-

Юлий ПЕРЕВЕЗЕНЦЕВ.
ИЗ СЕРИИ «АРХИТЕКТУРНЫЕ ФАНТАЗИИ» — II.

Гейюр ЮНУСОВ.
БЕЛЫЕ КРЫЛЬЯ.
1982.

ния — в его географической широте; Москва и Ленинград представлены обстоятельно, но искусствоведы галереи идут на активный поиск и за пределами наших художественных столиц.

Art Moderne часто опережает «большие» музеи с их неповоротливой системой творческих командировок и закупочных экспедиций. «Большой» музей стремится к объективности. Его взгляд на вещи складывается из суммирования разнонаправленных воль и приобретает, как правило, некоторую нейтральность. В более легкой, подвижной и немноголюдной структуре Art Moderne остается большее пространство для проявления личного вкуса и глаза авторов-собирателей. Их пристрастия очевидны: в поле зрения почти не попадает, например, соц-арт — одно из самых влиятельных сегодня направлений. Почему? «Слишком торопливое и слишком политизированное искусство,— считает В. Мейланд.— А в целом — не авангардом единым...» Добавлю, что в основной своей массе соцартовские художники не стремятся к пластической выразительности произведения живописи, графики или скульптуры... Иные из них добиваются последовательного разрушения этих свойств, если те ненароком и проскочат в картину или на графический лист. Доходчивость соцарта, его политизированность, некая заданность, столь притягательные для иных, искусствоведов Art Moderne не прельщают. Довольно равнодушны они и к концептуализму в его четко выраженной форме с отрицанием пластического начала. Не спешат они собирать и ультрамолодежные течения. Они ориентированы на, если так можно выразиться, классику современного искусства.

Art Moderne идет не от имени к произведению, а наоборот,— поэтому в залах галереи известные художники встречаются с никому не ведомыми; впрочем, неведомыми они остаются не так уж долго.

Самим фактом приобретения Art Moderne сообщает работе художника статус музейности, поэтому строгость отбора здесь принципиальна. Культурный центр предполагает сотрудничество с другими музеями и галереями, сосредоточенными на иных сторонах нашего искусства. Он не замкнут в своих стенах, открыт диалогу, готов к путешествию, к интеллектуальному приключению, к творческому общению с художниками, коллегами, любителями искусства нашей страны и других стран.

Елена ЛЬВОВА

БЕСЫ В ПАРИЖЕ

Дерек КАРТУН

РОМАН

Со своим обычным нетерпением президент выслушал Вавра и, взглянув на фотокопии, воззрился поверх очков на сотрудников ОТО, как будто именно они и есть преступники. Известно было, что он не способен воспринять вестника отдельно от принесенного им известия и в результате редко получал что-нибудь, кроме приятных новостей, и был крайне плохо для главы государства информирован о том, что происходит в стране. С другой стороны, он был неглуп и в предъявленных ему фотокопиях сразу же усмотрел грозящие ему неприятности.

Во-первых, это серьезный удар по безопасности страны: выходит, кто-то может, с комфортом восседая в кресле, почитывать протоколы высшего военного ведомства Франции! Во-вторых, эта неприятность не столь очевидна, но имеет отношение к политике — скандал всего за три месяца до выборов, пресса поднимет вой, и оппозиция потребует назвать имя предателя среди членов правительства. Принесенная Вавром новость преисполнила президента тревогой, раздражением и неприязнью по отношению к самим вестникам, которые явились сюда и так осложнили его жизнь.

— Эти документы адресованы Сейнаку из «Юманите»?

Вавр кивнул.

— Ну и что вы намерены предпринять?

Вавр много лет имел дело с президентами и министрами и понимал их проблемы. Он знал, что любая неожиданность вселяет в них тревогу, потому что неожиданности большей частью неконтролируемы, пробивают брешь в их глухой обороне. Для сильных мира сего сущий кошмар узнать, что из-под их контроля может ускользнуть нечто важное, что они зависят от множества нижестоящих служб, где предательство, некомпетентность или просто чья-то личная вражда в любом звене в состоянии обратить в прах их планы, а иногда и карьеру.

Понимая это, Вавр говорил с политиками, как с капризными детьми, сообщая им только приятное, никогда не вступая в спор, уговаривая, льстя и обманывая. Его ответ президенту прозвучал негромко, успокоительно, почти небрежно.

— Я бы рекомендовал предоставить все это дело ОТО, только нам, господин президент. Мы заберем его из префектуры, никого не потревожив. Они не умеют держать прессу на расстоянии, но мы-то умеем. Это, мне кажется, важно.

Это было важно, чрезвычайно важно для президента. Намек достиг цели.

— Кроме того, нам надо получить кое-какие сведения в Комитете национальной обороны — кто состоит его членом, где и когда они собираются, самые общие сведения подобного типа, только самое необходимое. Я попросил бы вас связать нас с абсолютно надежным человеком, который мог бы нам помочь и служил бы между нами посредником, чтобы мы не отнимали ваше время. Это, я думаю, тоже важно.

Еще один точный ход! Президент куда больше заинтересован в предстоящих встречах с представителями европейского сообщества, чем в контактах вроде сегодняшнего.

— И, наконец, господин президент, прошу вас ни с кем из ваших коллег об этом не говорить. Не исключая и самых близких.

Президент сурово посмотрел на Вавра и промолчал. Ясно, что чем меньше народу будет знать об этом деле, тем лучше. Любой из министров не остановится перед тем, чтобы сообщить сведения знакомому журналисту, если только ему покажется, будто подобная «утечка» обеспечит ему хоть малейшее политическое преимущество. Выборы на носу: не такое время, чтобы соблюдать лояльность — политическую или личную — среди амбициозных людей, которых кабинет связывает в непрочный союз. Хорошо этим двум толстякам полицейским настаивать на соблюдении тайны. Конечно, им это работу облегчает. Но существуют и другие соображения. Что если они не найдут виновного? И выяснится через несколько месяцев, что единственный, кто был посвящен в тайну, это сам президент республики? Оппозиционные газеты возложат всю ответственность на него. Только даже намекнут — как это они умеют, — будто он покрывал просчеты разведки. Это риск куда больший, чем утечка информации. К этому он не готов.

— Полагаю, что поскольку дело касается министерства обороны, то министру следует знать. Так что проинформируйте господина Пеллерена.

Вавр хотел было возразить, но передумал и кивнул.

— А как насчет министра внутренних дел?

— Полагаю, и это необходимо.

— И премьер-министру?..

— Я больше никого не назвал.

Президент жестко посмотрел на Вавра. Потом повернулся к Бауму. Указал на него толстым пальцем:

— Этот человек займется делом?

— Да, господин президент.

— А он потянет? — Президент тактом не отличался.

— Безусловно, господин президент.

С полминуты президент сидел молча и абсолютно неподвижно. Потом снял очки и начал постукивать ими, как бы подчеркивая значимость своих слов:

— Я требую абсолютной тайны. Требую быстроты и требую исчерпывающих ответов. Если хоть одно слово ускользнет без моего ведома, вам придется дать мне объяснения. Положите мне на стол заявление об отставке. Сотрудничать можете с Вэллатом, начальником канцелярии. Этот даже то, что показывают его часы, считает государственной тайной.

Он снял трубку телефона, стоящего на столе.

— Вэллат, к вам сейчас придут двое. Ответьте на все их вопросы. Если чего не знаете — узнайте. Это секретное дело.

Он положил трубку.

— До свиданья, господа. Надеюсь вскоре получить результаты.

Он раскрыл папку, лежавшую перед ним на великолепном столе, и предоставил своим посетителям самостоятельно пройти к двери по огромному старинному ковру.

Вэллат, иссиня-бледный, чахлый субъект такого унылого вида, будто он работает с президентом чересчур долго и скоро от этого помрет, уставился на Вавра и Баума ничего не выражающим взглядом. Ему было неинтересно, почему им понадобилось задавать вопросы. Он был начисто лишен любопытства и естественного человеческого желания поделиться с другими тем, что сам знаешь.

— Какие сведения вас интересуют? — спросил он сухо.

— Желательно — состав Комитета обороны, — ответил Баум. — А также даты последних двух заседаний и предполагаемую дату следующего. Хотелось бы знать, где собирался Комитет — не только в каком здании, но и в какой комнате. Комнату, возможно, придется осмотреть. И список присутствовавших.

Вэллат делал пометки в блокноте, не проявляя интереса к сказанному.

— Еще что-нибудь?

— Да. Я хочу знать абсолютно все о протоколах подобных заседаний. Кто их планирует, кто составляет, кто ведет, кто складывает, кто перепечатывает, кто в министерстве или еще где-нибудь имеет к ним доступ, куда деваются черновики и кому рассылают копии. В общем — все. — Баум помолчал. — Можете вы это рассказать?

— Конечно. Когда это вам понадобится?

— Очень срочно.

— Хорошо. Где вас найти?

— На улице Соссэ. Передайте только, что у вас ко мне дело, и я тут же появлюсь.

— Прекрасно. — Вэллат поднялся, проводил их до дверей и попрощался с обоими за руку. Лицо его по-прежнему ничего не выражало.

Спускаясь по лестнице, Вавр спросил:

— Ну, что скажете о нашем приятеле Вэллате — допотопном личном секретаре президента?

— Думаю, что он сообщит только то, что позволит хозяин. Ни больше и ни меньше.

— Потрясающе. — Вавр покачал головой. — Прямо-таки Иисус Христос при Господе Боге Президенте.

— Я бы сказал, скорее он похож на парикмахера Гитлера, — усмехнулся Баум.

— А как быть с нашим приятелем Пеллереном?

— Придется к нему пойти.

— Вот досада. Хотя с точки зрения наших интересов есть министры и похуже.

— Я договорюсь о встрече. А потом повидаюсь с Малларом.

Продолжение. См. «Огонек» № 11.

Они пересекли двор Елисейского дворца, в воротах отметились и прошли еще двести метров по улице Соссэ. У обоих был лишний вес, и оба в такую угнетающую августовскую парижскую жару потели и задыхались.

Из-за того, что иностранные корреспонденты подробнейшим образом описали последствия взрывов, многие туристы отказались от поездок в Париж, и мощное туристское лобби забеспокоилось. Парижские отели пустовали, рестораны бедствовали, большие магазины сообщили о снижении цен. Служащие многочисленных бюро путешествий рекомендовали своим клиентам Испанию, Италию и Северную Африку. Лондонская «Таймс» поместила передовую, где торжественно вопрошала, уж не сочтены ли дни голлистской республики, и благодаря этому извлекла самую большую пользу из политической нестабильности во Франции начиная с 1789 года. «Коррьере делла сера» спрашивала: «Почему это французы не могут у себя поступить так, как мы поступили с нашими «красными бригадами»?»

ГЛАВА III

— Вот сегодня, — сказал вечером Альфред Баум своей жене Эстелле, — я бы выпил того, экспортного. Есть у нас в холодильнике?

Он произнес эти слова в прихожей еще до того, как, по обычаю, поцеловал жену сначала в левую щеку, потом в правую. Дорога от вокзала в Версале до дома вконец измотала его. Жара так и не спала, хотя было уже около девяти.

— Конечно, есть. Только особо не рассчитывай — осталось совсем чуть-чуть.

— Ничего, потом еще раздобуду.

Он вошел в просторную гостиную с громоздкой мебелью и тяжелыми шторами, бросил куртку на стул, стянул галстук и повалился в одно из двух кресел. Он слишком устал, чтобы поискать домашние туфли или даже умыться. Сначала он выпьет чего-нибудь холодненького. Явились обе кошки, потерлись об ноги, и одна по привычке изготовилась прыгнуть к нему на колени.

— Не сегодня, дружок, — сказал Баум кошке. — Слишком я устал. Как это вы переносите жарищу в таких роскошных шубах, а? Прямо не представляю. Но это ваша проблема. У меня своих хватает.

Эстелла принесла пиво и присела на кончик стула рядом. Суетливая, маленькая женщина, узкая как раз в тех местах, где ее муж раздался вширь, готовая в любую минуту вскочить и немедленно выполнить его очередное пожелание.

— Тяжелый был день?

— Очень. И, кажется, с него начинается трудная неделя, а может, месяц или даже год.

Он сделал большой глоток холодного как лед пива, и на лице его отразилось удовольствие. Разочарованные кошки отправились по своим делам.

— Что на ужин?

— Я приготовила кускус.

— Как ты догадалась, что я весь день о нем мечтал?

— Ты всегда так говоришь, что бы я ни приготовила.

— А ты всегда угадываешь.

— Врешь ты все, Альфред. Всегда врешь. Я никогда не знаю, о чем ты думаешь.

Он улыбнулся и потрогал пальцами нос.

— У меня работа такая. А насчет кускуса это правда. Не осталось там реблошона?

— Есть, и еще я сегодня купила отличный рокфор, можешь выбрать.

Он промычал что-то и хлебнул еще пива. Супруги всегда обменивались гастрономическими новостями в этом роде подобно тому, как другие обсуждают прогноз погоды. Это как бы заменяло новости, которые большинство служащих приносят домой с работы. Баум редко упоминал о своих делах, не такие это дела, чтобы о них судачить. А Эстелла и не спрашивала. «Трудный был день?» — вот дозволенный предел любопытства.

За кускусом они не разговаривали. Баум только проронил: «Вкусно — прелесть!» — и прикрикнул на одну из кошек: «Брысь!» Все остальное время он ел молча. Жена прекрасно разбиралась в его настроении и тоже помалкивала. После того как Баум доел сыр, она сварила кофе в красном эмалированном кофейнике и принялась убирать посуду. Баум тем временем, вернувшись в гостиную, уселся, достал из кармана бумаги и стал читать, делая время от времени пометки.

Пометки эти были кратки и редки, — может, раз в десять минут он подчеркивал какое-нибудь слово. Все остальное время мысли его были предельно сосредоточенны, собранны, что и составляло его особый талант: вцепится в проблему, забыв обо всем, и вертит ее в уме, будто разглядывая с десятка разных позиций, как антиквар — черепок от античной вазы. Или, скорее, как игрок в бридж, просчитывая вперед все возможные варианты, оценивая свои карты и те, что на руках у остальных, весь прежний ход игры,

Рисунки Вячеслава ЛОСЕВА

шансы каждого с учетом его психологии и тактики, — все это при том, что воля людей, собравшихся за карточным столом, от него самого не зависит.

Сегодня днем он приступил к расследованию. Пожитки мотоциклиста были отправлены к экспертам со строжайшими указаниями, что следует делать и в каком порядке. От полицейских он получил подробнейшее описание несчастного случая, поинтересовался, нет ли свидетельских показаний. Свидетелей, сказали ему, не было. Он заподозрил полицию в недобросовестности и послал одного из своих людей на площадь Мобер, где это случилось. Выстрел наугад: вдруг какое-нибудь кафе было открыто, официант или кто-нибудь из посетителей могли что-то заметить.

Невозмутимый Вэллат позвонил из Елисейского дворца и сказал, что к завтрашнему утру рассчитывает получить кое-какие данные. Баум договорился, что зайдет к десяти. Потом у него состоялась краткая, но содержательная беседа по телефону с администратором больницы. Он представился инспектором полиции...

— Главное — время.— Он повторял про себя эту незамысловатую фразу. — Сегодня, именно здесь и сейчас, в этой комнате, где спят кошки, куда доносится уличный шум и звяканье посуды из кухни, и запас пива убывает, — здесь и сейчас я должен решить, что предстоит делать завтра утром, примерно с восьми. И решить это надо правильно, потому что обратно не повернешь, и если первый шанс упустишь, то второго не представится.

Он записал:

1. У экспертов — получить данные о фотобумаге и конверте.

Какая машинка? портативная?

Отпечатки пальцев (вряд ли!).

Фотографии.

2. Архив.

3. Сведения от Вэллата, которые, может, куда-нибудь и приведут.

Потом он написал: «Возможные действия». И под этим постепенно появилось следующее:

1. Расспросить Сейнака, которому адресованы документы.

2. Поставить своего человека на полицейский пост у больницы.

3. Мистификация!

Он подчеркнул последнее слово и добавил восклицательный знак. Потом долго сидел, закрыв глаза, — ни дать ни взять впавший в спячку хомяк. Раза два он чуть оживился, пока пил принесенный Эстеллой горячий и крепкий кофе. Зная его привычки, она тихо удалилась в кухню и принялась за вязанье.

— Мистификация.— Баум несколько раз повторил это про себя, как заклинание. С виду он будто спал, но мысли его неслись вскачь, и ему приходилось их усмирять, чтобы кое-что пересмотреть, прикинуть последствия возможных сбоев и, наоборот, оценить преимущества, которых можно достичь, если все пойдет, как задумано.

«Мистификация всем хороша,— сказал он себе,— но только пока я остаюсь единственным, кого не ввела в заблуждение собственная хитрость. Пока мне одному известно, в чем дело».

В одиннадцать заглянула Эстелла.

— Я ложусь,— сказала она.— Не забудь выключить свет, когда закончишь. Захочешь кофе — подогрей сам.

— Спокойной ночи,— отозвался Баум.— Я тоже скоро лягу. Завтра мне в шесть вставать.

После полуночи он добавил к своему списку еще одну строчку: «Срочно. Расставить силок». Следующие десять минут он провел, перечитывая то, что написал за последние два часа. Губы его шевелились, как у актера, заучивающего роль. Потом он порвал листок, сложил обрывки в пустую кофейную чашку, погасил, как велено было, свет и отправился в спальню, где, лежа на спине, тихо похрапывала Эстелла. Он лег рядом и, к собственному удивлению, ухитрился довольно скоро заснуть.

Троим из своей группы Баум назначил встречу в восемь пятнадцать, не принимая во внимание, что они вовсе не обязаны работать по воскресеньям. Он всегда говорил, что, если сотрудника ОТО вызывают в неурочное время, он всегда может потом отгулять, когда предоставится такая возможность. Если же кто дорожит тридцатишестичасовой рабочей неделей, пусть идет работать в дорожную полицию.

Они сидели на жестких стульях за столом — грузный Леон, руководивший слежкой в Булонском лесу, Люк — его молодой помощник из Нанта, и еще один инспектор, ветеран, принимавший участие во множестве операций, которые организовывал Баум. Этим троим было сказано не более того, что им следовало знать. Министерство обороны не упоминалось. Баум принес с собой кофе во фляжке: по воскресеньям столовая не работает. В четырех бумажных стаканчиках на столе дымилась темная жидкость, заранее сдобренная сахаром. День снова обещал быть чудовищно жарким, но в этот ранний час еще можно было дышать, и двое даже не сняли пиджаков.

— Записей не вести,— инструктировал Баум.— И никаких обсуждений с другими. Если кто спросит, чем вы заняты, говорите, что ищете советскую кошку, обученную разгадывать наш шифр.

Все засмеялись.

— А теперь чего я хочу от вас. Марсель, как твои контакты с прессой?

— Неплохо.

— Должники у тебя есть?

— Несколько.

— Попробуешь получить от них кое-какие услуги?

Марсель кивнул, он был немногословен.

— Как ты думаешь, можно устроить, чтобы «Франс суар» и какие-нибудь из дневных газет завтра поместили небольшое сообщение, в котором ничего сенсационного нет: только то, что парень уже сутки без сознания и сообщить некому...

— Да уж и правда не сенсация...

— Но сделать надо!

— Постараюсь...

— Тут стараться мало, дружище, тут надо выполнить. Это самое главное в моем плане, отправная точка.

— Постараюсь,— упрямо повторил Марсель.— Но мне нужны данные.

Баум пересказал ему все, что тому было необходимо.

— Теперь ступай. Особенно важно — завтрашний номер «Франс суар». И во всех его выпусках, ясно?

— Посмотрю, что можно сделать, но вы же знаете, они из последних выпусков такую мелочевку выбрасывают.

После ухода Марселя Баум повернулся к остальным.

— Один парень, некий Гвидо Ферри, лежит в реанимации в клинике Божон. Там снаружи дежурит полицейский из местной префектуры — у того парня бумаги оказались не в порядке. Замените этого дежурного — дежурство пусть будет круглосуточным. Я туда позвоню, а ты, Леон, подъедешь в Божон. Твой помощник пусть посидит у тебя в кабинете на всякий случай. Но жен своих или кто там у вас есть предупредите, чтобы особо не ждали, когда освободитесь — неизвестно. Ясно?

Оба кивнули.

— Ну ладно, я вам буду говорить, куда и когда идти и что там делать.

В девять он снова позвонил в клинику:

— Этот парнишка, Ферри, как он там?

— Не вешайте трубку.

Ему был слышен короткий разговор по внутреннему телефону, потом он услышал ответ:

— Все так же, без перемен.

— Он придет в себя?

— Трудно сказать. Шансов поровну.

— Вы могли бы перевести его в отдельную палату?

В трубке помолчали, потом врач спросил:

— Это так важно? Знаете, к нему подключены системы жизнеобеспечения, лучше бы его не двигать.

— Это важно. Не хотелось бы нарушать ваши правила, но, поверьте, для нас это чрезвычайно важно.

— Хорошо, переведем его.

— Спасибо. Да, и еще одно,— будто спохватился Баум.— К нему, наверно, родственники придут, хоть он и без сознания. Позаботьтесь, пожалуйста, о его вещах, чтобы они находились в той же комнате. На случай, если кому-то понадобятся.

Врач, казалось, был удивлен такой предусмотрительностью со стороны властей.

— Конечно, не беспокойтесь, я все сделаю.

Баум перезвонил Леону.

— Давай, приятель, двигай в Божон.

Он подробно объяснил, что тому следует сделать.

— Да, и прихвати пару ребят в другой машине, хороших сыщиков,— пусть поболтаются возле клиники, держи их под рукой. Если никого в отделе нет, вызови срочно, сошлись на меня.

— Хорошо, шеф!

Потом Баум позвонил Руассе домой. «Пусть он считает, что его держат в курсе,— предупреждал Вавр.— На самом-то деле ему знать ничего не нужно, подбрось ему пару пикантных подробностей, и он будет счастлив».

— Шеф сказал, что вы могли бы нам помочь,— говорил теперь Баум.— Поэтому я и звоню.

— Как идет следствие?

— Раскручиваем понемногу. Президент готов нам помогать.

— Вы с ним виделись? — Ощущение причастности к истории льстило Руассе.

— Вчера. Президент поинтересовался, с кем мы держим связь в префектуре, и Вавр сказал, что с вами.

— Он так ему и сказал?

— Да.

— Хорошо. Очень хорошо. Так чем я могу быть полезен?

— Спасибо,— сказал Баум.— Есть нечто важное и срочное.

— Что вы имеете в виду?

— Вероятно, лучше сказать это лично, не по телефону.

— Конечно, разумеется,— согласился Руассе, и Баум тут же положил трубку.

Четверо экспертов в своей комнате на нижнем этаже никак не могли взять в толк, с чего вдруг этакая спешка. Погода больше подходила для рыбалки, чем для графологических и ксерографических экспертиз и всестороннего обследования бумажек. Спустившись к ним, Баум особого прогресса в исследованиях не обнаружил: его только заверили, что и фотокопировальная бумага, и конверт абсолютно стандартны, такие продаются в любом магазине.

— Чудно! — обрадовался Баум.— Вот это я и хотел услышать! Теперь пусть один из вас принесет мне десяток листов такой бумаги и пачку таких конвертов.

— В воскресенье? Альфред, ты что, шутишь?

— Я бы и хотел пошутить, да не до того. Мне все равно, где вы их возьмете, хоть магазин ограбьте. Но мне они нужны к вечеру, понятно?

Старший из специалистов поскреб в затылке.

— Завтра я бы первым делом...

— Завтра — поздно!

— Черт, Альфред, да я просто ума не приложу, где их взять!

— И я не знаю,— голос Баума прозвучал сухо.— Но вот что скажу. Это маленькое дельце, дружище, может быть, самое важное поручение за все двенадцать или сколько там лет, что ты здесь работаешь. Усвой это, пожалуйста. Мне безразлично, как вы будете действовать, но эти вещи нужны сегодня, а если вы боитесь, что не справитесь, так сразу и скажите, я пойду и сам все достану.

— Ладно, шеф,— сказал старший.— Мы как-нибудь это устроим.

— Вот и умник.— Баум отправился в архив, где попросил досье на некоего Александра Антуана Вэллата, государственного служащего. Получив в руки серую папку — в точности такую же, как та, что терзала его мысли уже несколько дней,— он расписался за нее и унес к себе. Там он сел и минут пятнадцать внимательно читал. Ничего интересного для себя не нашел и вернул ее в архив.

— Ну и скучные у вас клиенты,— сказал он дежурному.— Сто лет ничего любопытного не читал.

— Мы стараемся изо всех сил, Альфред. Не может же каждое досье походить на бестселлер.

Вернувшись к себе, Баум достал из кармана ключ и, повернув его в замке серого сейфа, отодвинул тяжелую дверь и вытащил из самой глубины две папки, с виду точно такие же, как та, что он отнес в архив. Он провел еще четверть часа, тщательно изучая материалы, и, казалось, остался доволен тем, что прочел, возвратил их на место и старательно запер.

Пора было идти в Елисейский дворец.

— Надеюсь, что вам не только из-за нас пришлось прийти на службу в воскресенье.

Вэллат будто не расслышал дружелюбной реплики. Коротышка из ОТО был в его глазах не более чем посредником, получающим приказы от кого-то повыше рангом, как он сам получал приказы от президента. Если бы ему стало известно, что этот самый посредник только что ознакомился со всей его подноготной, которую многие годы копили в папке секретные службы, и ему бы передали слова Вавра насчет верхних эшелонов власти — на них, мол, давно следует посмотреть свежим взглядом,— то, без сомнения, он отнесся бы к Бауму несколько серьезнее. А уж если бы он узнал, что его досье содержит мельчайшие подробности одной его юношеской любовной истории, отнюдь не с девушкой, а с на редкость красивым мальчиком, тогда, возможно, лед бы растаял, и Вэллат перестал бы демонстрировать глубочайшее чувство собственного достоинства. Что касается Баума, то он не придавал значения такого рода мелким уколам. Папка содержала исчерпывающие сведения о семейной жизни Вэллата и кое-каких его интрижках на стороне, но столь ярких эпизодов в ней больше не отмечалось. Тем не менее, подумал Баум, трудно тебе было бы, приятель, сохранять величественный вид, если бы ты знал, что собеседнику твой самый тайный грех известен, а ты его секретов не ведаешь.

— Я получил то, что вас интересует,— произнес Вэллат, открывая средний ящик стола. Он вынул целлофановую папку, в которой лежало несколько листков бумаги. Верхний он протянул Бауму.

— Это состав Комитета обороны. Крестиком я пометил тех, кто присутствовал на июньском совещании. Этого достаточно?

— Вполне. Я вижу, вы указали должность каждого и его функции. Это очень полезно.

— Вот даты двух последних встреч и предполагаемая дата следующей, а также, как видите, адреса. С тех пор как нынешний премьер-министр занимает этот пост, они проходят на улице

Матиньон.— Он протянул второй листок.
— Так встречи проходят не в президентском дворце?
— Только если сам президент присутствует — это бывает не всегда.
Он протянул через стол еще один листок.
— Здесь все, что вы хотели знать о протоколах. Только двое ведут записи: секретарь министра обороны и я. Если президент сочтет официальный протокол недостаточным, он может прибегнуть к моим записям. Они не перепечатываются, а просто хранятся в моем личном сейфе. Протоколы секретаря министра обороны размножаются: с текста снимается восемь фотокопий — по числу постоянных членов Комитета. Но только четверо из них получают протоколы, в которых записаны принятые решения.
— Это почему же?
— Потому что это наиболее важные сведения, их следует знать лишь этим четверым.
— А куда деваются рукописные тексты вашего коллеги?
— Не знаю. Могу спросить.
— Пожалуй, не надо,— сказал Баум.
— Каждый из тех, кто получает протоколы, должен их прочесть, подписать и вернуть секретарю министра. Там их подшивают и хранят в сейфе. Единственное исключение — экземпляр, предназначенный для президента. Его я храню здесь.— Он показал на квадратный сейф в углу комнаты.
— Если бы вам кто-нибудь сказал, господин Вэллат, что протоколы оказались совсем в другом месте, очень бы вас это удивило?
Длинное аскетичное лицо не выразило никакого интереса. Бауму подумалось, что долгие годы наблюдения за жизнью высших политических кругов и за скрипучим ходом колес в государственном механизме отучили его собеседника от проявления каких бы то ни было чувств — разве что легкого неудовольствия.
— Это вполне возможно, не вижу особых причин для удивления. Когда документы циркулируют в правительственных кругах подобным образом, всегда есть риск. Но это было бы серьезным нарушением порядка.
— А если бы речь зашла именно о вашем экземпляре, о том, за который отвечаете вы?
— Это абсолютно невозможно, — произнес Вэллат спокойно, без волнения. Самоуверенность служила ему надежной защитой.
— Понимаю. Что же касается других копий... Это возможно, стало быть?
— Не так уж невозможно.
— По вашему мнению, который из экземпляров скорее всего мог бы... — Баум намеренно не закончил фразу.
— У меня нет такого мнения, сударь.
— На каждой копии проставляется имя или инициалы лица, которому она предназначена, так?
— Только инициалы. В особом квадратике на первой странице. Например, АП/МО означает Амбруаз Пеллерен, министр обороны. Ниже — имя того, кто скомпоновал и отпечатал протокол. Видите, на каждой копии есть ссылки на двух лиц: первые на всех копиях разные, а вторые одинаковы. Из чего вы можете заключить, что первые впечатываются отдельно в каждый экземпляр.
— Не могли бы вы показать мне это на том экземпляре, что хранится у вас?
— Меня не уполномочили показывать вам государственные документы.
— Ну что ж! — Баум просмотрел записи, остановился на списке членов комитета. — Я вижу, что на июньской встрече присутствовали премьер-министр, министры обороны, финансов и внутренних дел, начальник генерального штаба, еще один генерал, секретарь из министерства обороны и вы. Это обычный состав?
— Обычно бывает человек десять — двенадцать. В этом списке восемь. Остальных вызывают в комнату, когда обсуждаются определенные темы. Но в июне никого таким образом не вызывали.
— Почему?
— В соответствии с повесткой дня. Я не имею полномочий затрагивать эту тему.
Президент правду сказал: не тот это человек, чтобы вести беседу без специального на то указания. Для Баума сейчас это значения не имело: он и так знал, что обсуждалось в июне. Никаких дополнительных сведений собравшимся не потребовалось, поскольку заседание целиком было посвящено отношению с силами НАТО и ядерной политике НАТО, — следующее совещание под председательством самого президента должно было выработать основную линию. Соблазнительный кусочек для передачи Советам, если кто-то из присутствовавших жаждет получить звание полковника КГБ и дачу в окрестностях Москвы.
Но сумка мотоциклиста заключала в себе нечто большее.
— Мне известно, что комитет обсуждал замену генерала Лапуанта на посту начальника генерального штаба и что к протоколам был приложен перечень четырех возможных кандидатов с характеристиками на каждого.
С тонких губ Вэллата слетело только одно слово:
— Верно.
— И эти две странички были розданы членам кабинета тем же манером?
— Да.
Теперь Баум узнал все, что требовалось.
— Благодарю вас, сударь, — сказал он, вставая и протягивая собеседнику свою толстую руку. Вэллат, тоже поднявшись, обменялся с ним коротким рукопожатием и слегка поклонился.
— Если еще что-нибудь, что я могу и вправе... — Он произнес это без энтузиазма.
Спускаясь по широкой лестнице Елисейского дворца, Баум обратился мыслями к трагедии, о которой шумела пресса, — к взрывам на Конкорд и на Аллее Альберта Первого. Мнение было единодушным: дело рук «красных бригад». Однако пока ни одна из известных ультралевых организаций не взяла на себя ответственность. Никто не обратил внимания на звонок в редакцию «Авроры» от представителей некоей группы «Вернемся в шестьдесят восьмой», поскольку никто о ней прежде не слышал. Была и еще версия, вытекающая из того, что в здании, которое было уничтожено взрывом, располагался штаб федерации «Железо и сталь», а эта федерация последние полгода вела жестокую тяжбу с профсоюзом по поводу заработной платы и дополнительных льгот для работающих на ее предприятиях.
— Думать надо о том, что меня касается и о том, что следует делать, а не о том, что я сам вообразил, — сказал себе Баум.
Пока он пересекал двор, ворота открылись и влетел сверкающий, черный, повышенной мощности «ситроен» премьер-министра в сопровождении четырех мотоциклистов. «Знал бы ты, — подумал Баум, глядя, как премьер-министр выходит и поднимается по ступеням. — Знал бы ты, голубчик, что и ты сам и все правительство сидите на бочке с порохом, которая того и гляди взорвется под вашими задами, если только бедный старый Альфред Баум сделает хоть один ложный шаг».
В тот же день, чуть позже, Жорж Вавр сидел в весьма импозантном кабинете министра обороны. В некотором смысле это была вылазка на вражескую территорию, поскольку министерство обороны занималось всеми военными вопросами. Сотрудники отдела территориальной охраны министерства внутренних дел — по сути своей контрразведчики — с великой ревностью относились к знаменитому «второму бюро» в составе министерства обороны, ответственному, согласно своему статусу, за военную разведку, но часто сующему нос в дела контрразведки, которые его касаться не должны. «Пятая колонна» в военных делах, второе бюро с его безликими полковниками, с его тайными и нередко клеветническими архивами, было постоянным оппонентом и соперником ОТО. У бюро были преимущества, обусловленные его долгим существованием и сложившимися традициями: власть, способность инспирировать страх, создавать национальные мифы. А отдел территориальной охраны возник сравнительно недавно, во время войны, деятельность его была скрыта от всех, что и соответствовало его задачам, и у него в коридорах власти было больше врагов, чем друзей. На счету второго бюро числилось множество скандалов, то и дело всплывали факты чудовищной некомпетентности его сотрудников, непристойные междоусобные баталии, а ОТО ухитрялось никогда не выносить сора из избы.
Ветеран политических битв Амбруаз Пеллерен настороженно смотрел на Вавра из-под кустистых бровей. Вэллат по телефону попросил его срочно принять начальника ОТО. Видимо, Вэллат имел в виду с глазу на глаз. Личный секретарь министра — худой, болезненного вида человек по имени Пишу, увидев входящего Вавра, поднял брови: к его изумлению, его в кабинет не позвали. В отличие от Вэллата из Елисейского дворца он жаждал участвовать во всех делах.
— Чем могу быть вам полезен, Вавр? — Голос министра звучал не то чтобы неприязненно, но уж, во всяком случае, не любезно.
— Дело весьма щекотливое и строго секретное. — Перед Вавром стояла сложная задача: рассказать министру то, что ему следует знать, и в то же время свести впечатление от услышанного к минимуму, чтобы у того не появилось искушения передать дело своему второму бюро на том основании, что если уж тут светит какая-то слава, то пусть она достанется лучше его ведомству, а не министерству внутренних дел. Между Пеллереном и министром внутренних дел Малларом не существовало ни дружбы, ни уважения, ни доверия.
— Объясните, пожалуйста.
Вавр приступил к рассказу, преуменьшая драматизм событий, где это было возможно, обходя молчанием кое-какие детали, если хватало храбрости, и всячески подчеркивая, что ответственность, возложенная на ОТО президентом, чрезвычайно велика — выше, чем это было на самом деле.
На стене за креслом министра висело гигантское полотно, изображавшее юного Наполеона на мосту в Арколи, и Вавр с трудом переводил взгляд с героической сцены на лицо министра, хранившее скептическое выражение. Когда он закончил, наступила недолгая пауза.
— Так чьи же инициалы на попавшей к вам копии? — задал министр осторожный вопрос.
Вавр был к этому готов.
— Вы должны извинить меня, господин министр, но на данной стадии расследования входить в подробности я не могу. Президент дал строжайшие инструкции на этот счет.
Амбруаз Пеллерен пожал широкими плечами и позволил себе чуть-чуть улыбнуться.
— Вы, видимо, хотите навести кое-какие справки в моем министерстве?
— Возможно, до этого дойдет, — ответил Вавр. — В данный момент я просто проинформировал вас о том, что произошло. Я знаю, что мы можем рассчитывать на ваше содействие, если придется допросить кого-то из сотрудников министерства.
— Конечно. Обращайтесь в этом случае лично ко мне.
— Благодарю.
— Дело весьма серьезное, — сказал Пеллерен, поднимаясь и протягивая руку на прощание. — Надеюсь, вы там, в ОТО, понимаете его политический смысл. — Он слегка понизил голос и снова улыбнулся слегка загадочно.
— Понимаем, господин министр.
Они пожали друг другу руки, и Вавр вышел из святилища в сопровождении заметно раздосадованного секретаря.
Позже Вавр признался Альфреду Бауму:
— До чего неуютно я себя там чувствовал! Ну и трудно нам придется, если дело дойдет до настоящего расследования. Кто это сказал — тебя похлопывают по спине, чтобы найти место, куда удобнее всадить нож?
— Ленин, — усмехнулся Баум.

В свои сорок шесть лет Ги Маллар был самым молодым из министров высшего ранга и, вероятно, самым умным. Он возглавил министерство внутренних дел вопреки ожесточенным протестам коммунистов, занимавших государственные посты. В Малларе коммунисты видели непримиримого врага и поносили его, где только могли, что мало его трогало. Антикоммунистом он стал после того как в юности баловался опасными теориями Маркса и Энгельса. Но еще до откровений Хрущева его политические амбиции совпали самым удачным образом с настроениями в обществе и обратили его в социал-демократа, испытывающего чрезвычайное уважение к порядку в стране, а, стало быть, и к полиции.
— Я и не рассчитываю, что люди, охраняющие порядок, читают Пруста и навещают в свободное время больных, — сказал президент, когда его внимание обратили на малопривлекательные черты личности нового министра. — Так почему же кто-то полагает встретить в министерстве внутренних дел чуткость и сочувствие?
Когда Жорж Вавр закончил свой рассказ, Маллар задал ему тот же вопрос, что и Пеллерен, и получил тот же ответ.
— А вы не забыли, друг мой, что ваш отдел подчинен министерству внутренних дел, а значит, мне? — сказал он.
— Ни на минуту не забываю, господин министр. Но при всем моем уважении к вам прошу вас проявить терпение. Результаты расследования, разумеется, будут в общем виде представлены вам, как только это станет возможно.
Маллар, похоже, хотел было употребить власть, но передумал.
— Хорошо. Жду от вас отчета.

Профсоюзы сталелитейщиков выступили с заявлением, в котором, осуждая взрывы, тем не менее утверждали, что непреклонность предпринимателей и их жесткая политика в отношении заработной платы рабочих на руку экстремистским элементам и рано или поздно приведут к насилию. Правые газеты усмотрели в этом плохо скрытое одобрение террора и принялись строить версию, будто именно жесткие требования профсоюзов, имеющие целью возбудить рабочих, привели к вспышкам злобы.
«Профсоюзы несут за это моральную ответственность, — заявил ведущий обозреватель престижной газеты. — Они не организуют взрывы сами, но готовят подходящую обстановку для тех, кто это делает». Отвечая им в том же роде, газеты левого направления обвиняли правых в том, что они надеются извлечь пользу из этих событий, распространяя ответственность за террор на всех левых.

Перевела с английского Элла НИКОЛЬСКАЯ.

Продолжение следует.

Фотография Марка ШТЕЙНБОКА из серии «Заборы», 1990 г.

АНГЕЛ МОЙ

**Нина ЧУГУНОВА,
Марк ШТЕЙНБОК**

*Ночь. Чужой вокзал.
И настоящая грусть.*

Когда она прославится — ах! когда она прославится, разве времена, за одну ночь возносящие к славе, прошли? — и заблистает на подмостках обнищавшей без нее сцены, когда всем сразу станет мило ее препростое русское княжье имя и теплая нежность ее небольших и неробких глазок всем равно польется с афиш,— вот тогда вы заплачете крупными слезами и побежите к нам расспрашивать: какая она была три года назад, в пору полной безвестности?

Искренняя, как подросток, скажем мы в восхищении, и туземный страх перед завоевателем возвратится к нам: так сильна была ее воля к победе.

Имя ее, звучащее как музыка (в сочетании с редкой, по мужу, фамилией), мы ни за что не выдадим — потом, потом!

Откуда она взялась такая? Ниоткуда. Она столбовая провинциалка, это ее происхождение, ее оружие и ее тайна. Она читает вам стихи, приблизив свое лицо вплотную и спрашивая полушепотом: а интимную лирику вы любите?

— Очень! — с ужасом отвечает слушатель ее стихов.

И он готов потом ее любить до гроба, лишь бы сейчас спастись. Она сильно роковая женщина, и коричневая юбочка, искрясь, собирается над коленками тридцатилетней тети.

Она из НИОТКУДА в НИКУДА, это название нашей общей родины.

...там тихо, там от вокзалов поезда не идут, и кружка прикована к питьевому бачку, и картина во всю стену, и ночь...

«Ну, печальная, печальная история! Это как я вышла замуж. Я рассказываю? Как меня нашли. Лежу на пляжу. Что? Лежу на пляжу на диком бреге Иртыша. К брату приехала, братик военный. «Вы замужем?» «Нет. Господь миловал». Тут Господь и покарал. Я и училище еще не окончила, каникулы. Каникулы, лето, полное счастья.

Тут он. Такой тихий, весь из себя. Скромный и мужественный. Я лежу, он смотрит: что это там лежит. Как бы наблюдает незаметно. Ой! Да куда он денется, даже смешно.

Обычно все пристают, норовят. Этот нет. Такого и совратить интересно. Над ним работать надо. Это интересно. Это работа артистическая, тонкая, как вышивание. Нет, я не вышиваю, я себе это представляю хорошо. Когда он: вот он весь я, берите,— тогда неинтересно. А когда сама скромность, когда просто до ужаса доходит... Тогда заинтересовываешься невольно. Вот он смотрит и копит первые впечатления.

Но он оказался флегматик. А флегматики, когда тобой увлекутся, их не отцепишь и не отскребешь. Привяжутся, как банный лист. Стал он мне писать, а писатель он никакой. Все больше я фантазировала. Сижу — сочиняю! Ну, бред любовный несу. Это было, конечно, очень рискованно. Но я не знала, что он флегматик. Мне в этой области не хватало образования. Риск был смертельный.

И не успела я получить образование музыкальной учительницы — приезжает. Ему без нас скучно в гарнизоне! И смотрит преданно, опять чувства копит. Я еще не знала, что всего гарнизона мне не развеселить, что скукой в гарнизоне всю душу сломают. Я была молодая, красивая, а подруга моя была старше меня. Она сказала: тебе двадцать один год, тебе замуж пора. Она в театре работала, мы с ней стали шляпу к моей свадьбе шить.

Я не знала, что, как человек избалованный, буду в шоке от житья в гарнизоне. Мало что можно вытерпеть, если у тебя дома своя комната, отдельная.

Мой милый всем очень понравился. У нас в училище мальчики все такие женственные, а он на их фоне сразу всем понравился мужественностью. Наши мальчики, может быть, и талантливые, но женственные. Правда, потом вдруг и выбиваются в люди, в опере начинают петь. Но не мужественные, а он очень мужественный. Они, конечно, могут женщину выволочь на настоящую дорогу. Да... на свадьбе погуляли... Всем повеселиться захотелось, а я — на расправу.

Он ведь из немецкой деревни, все родственники красавцы кудрявые, высокие, стройные, как пряники, все музыканты. На свадьбе как начали каждый по куплету петь. Немцы — народ трудолюбивый, все в доме накрахмаленное. И все очень красивые. Я самая страшненькая.

И представляете: на свадьбе у них пьяные не валяются! Это обалдеть. Я первый раз такое увидела. Ужас.

Потом все разъехались. Ну, так, думаю. Пусть у меня теперь будет муж, а надо бы отсюда к чертовой бабушке бежать. К своей интересной работе. От ажур-мажура этого. Хотя жизнь эта очень оригинальная, если на свадьбах они не валяются потом под столами. Это надо чего-то такого ожидать.

А мои родственники говорят: живи с мужем. Представляете, мне двадцать один год!

Думаю: ну и влипла я в нехорошую историю.

Поехали мы в гарнизон. Привел меня в комнату, и стали мы жить двумя молодыми семьями в одной комнате. На работу меня не берут. Состояние шоковое. Муж — сокровище. Единственное, что я не знаю этого человека совсем. Это постоянный кошмар какой-то. Я стала чувствовать себя настоящей актрисой. Но бездарной. Назад хода нет, можно сказать, премьера, и публика вся смотрит. И эта публика все мои слова сама знает. Но не подсказывает. Думаю: чтобы мне еще раз выходить замуж? Никогда!

Офицерским женам надо вообще никакого образования не иметь. Некоторые, правда, сидят с университетом дома, но мне лично учеба давалась с трудом, и мне жалко было расставаться с профессией. У меня были две ученицы, и за два года девочка у меня стала играть первую часть Лунной сонаты, даже я не могу ее играть. Объяснила — ребенок стал играть.

Взяла я и поступила в институт. Раз жизнь проходит, буду все время учиться. Чтоб хотя бы повод был уезжать. Тем более что счастья и вокруг я не видела, ни одной счастливой семьи. Как вымерли. Люди все скандальные, нервные. Матерятся, как собаки, пьют.

Есть там Дом офицеров. Я сколько раз приходила, предлагала свои услуги. Говорю: я даже выжигать могу! Нет, ты им не нужен. У них уже все есть. Не нужен им человек, неинтересен.

Семь лет на одном месте. Как в заключении. Я даже работала — гардеробщицей в поликлинике. Это было счастье невозможное. Потом в детсаду заменной воспитательницей. Потом — привалило! — в школе учительницей музыки и пения без пианино и без проигрывателя.

И плохо мне, и плохо, и очень хочется к чертовой бабушке. Но мы же солидные люди! Надо что-то солидное такое. Думаю: вот и буду потихонечку учиться, ездить в свой городочек, воздухом дышать. Тем более что сыночек у нас родился. Я его родителям оставила. Сразу проблем никаких. Только о свободе и мечтаю. Стала я ездить в свой город и наконец устроилась работать экскурсоводом. Это уже была интересная жизнь. Как скажешь: «Только в нашем древнем городе и в Рио-де-Жанейро есть гора в центре!» — так и влюбляешься в собственный город. Хорошо, весело! Ездим, песни поем, легенды пересказываем. Так я развеялась и увидела немного себя со стороны. Но приезжаешь в гарнизон и опять лишаешься гражданских прав.

И вот я придумала уехать в Москву!

Он сразу, как обычно все мужья: ой, а как же я? Я ему говорю: «В творчестве предательства нет». У меня стихи есть. «В творчестве предательства нет. Это дружеский совет. Нигде ты больше не найдешь. Он выстрадан годами. Он совестью гоним. Он выплакан стихами. Он тоже пилигрим».

Он сразу сник, выслушав это стихотворение. Значит, понял.

Я ему сказала: пойми, я не просто так уезжаю, я хочу заняться творческой, интересной работой, хочу поступить в творческую мастерскую, хочу петь, танцевать, играть на сцене и реализоваться как личность. Я же не говорю: мне тошно с тобой, мой милый.

Я говорю: я буду приезжать! Иногда! К тебе! К тебе специально. Это начнется наша новая, интересная жизнь.

Май был. Все цвело. Каждый человек, как дерево, шумел.

Я приехала в Москву. Три дня пожила у подруги. Потом вынуждена была переехать к другой подруге. Тем временем думаю, с чего к делу приступать. Хожу по Москве, сочиняю: «Не нужны развратники, мне нужны соратники». Ищу, стало быть, соратников по духу, неспокойные сердца. Думаю: должны быть какие-то объявления о соратниках по духу! Должны быть! И вот читаю на стене, что нас к себе зовет поэт по фамилии Весенний. Кое-как нашла. В каком-то горелом помещении на Арбате поэт Весенний собирает с человека по десятке и учит стихи писать. На путь истинный наставляет. А я же с ребеночком, с киндером пришла. Стою, жду, когда он скажет: а что есть написанного у вас? Но ему неинтересно. Он на меня посмотрел, почувствовал что-то и говорит: давайте именно с вами по-хорошему расстанемся. Я вышла такая расстроенная.

Думаю: ну все, больше поэтов мне не найти. Но планов у меня всегда много, они прямо налезают друг на друга в голове. Так что не успела я разочароваться в поэтическом своем плане, как думаю: надо мне здесь найти земляка, лауреата конкурса в Нидерландах Эрика Курмангалиева. Думаю: почему мы любим мертвецов? Надо любить живых талантов. Надо сейчас же создать музыкальное общество. Тем более просто: любишь музыку — заходи. Не надо сдавать десятку на обучение.

Пошла я искать музыкантов. Нашла Всесоюзное музыкальное общество. Там сидит Юрий Николаевич. Он говорит: вы мне не мешайте работать. Ничего он не рассказал. Даже устав общества скрыл. Ну, думаю: вот будет съезд музыкального общества, надо прийти и предложить свою кандидатуру, у меня же полно идей.

Но иду, расстроенная страшно.

Вижу новое общество: всероссийское. Захожу и начинаю им критиковать всесоюзное. Говорю: бюрократы, таланту хоть пропади. У них там пианино, это то, что нам как раз надо. Мы же мастера хорошего настроения: сыграл, спел, создал настроение — и им с тобой уже интереснее. Они посидели, послушали и радостно говорят: это не к нам, если вы талант, то идите в творческую мастерскую. И дали телефон. Я иду и звоню. Вас беспокоит народный самородок... Все-таки позвали. Пришла, спела несколько песенок. Вокалистка меня сразу забраковала. Но все-таки они что-то почувствовали, позвали режиссера. Режиссер говорит: ну, еще раз эту же песенку спойте. Я спела еще раз жалостливую песенку. Вот, послушайте:

Бум, па-па, бум, па-па...

Как плохо, когда ты не нужен.

Как это трагично, смешно.

Когда ты публично задушен, повеситься разрешено!..

Он как закричит: «Беру-беру-беру-беру!»

Я еще им тогда стала басенки читать. Берут-берут! Я спела и такую песенку: «Были когда-то оркестры, были когда-то балы! Нынче же всюду протесты и без закуски столы!» Они мне объясняют: знаете, что мы на хозрасчете? Обучение у нас дорогое, так что обычно нам артистов присылают филармонии, за них платят по четыре с половиной тысячи. Что ж, говорю я, мне наследства не досталось, буду спонсора искать, только вы мне бумагу официальную дайте. Они мне написали хвалебную бумагу, какая я оригинальная артистка. Я прямо на шею кинулась. Он мне: «Вы что, я же директор!»

— Что же это за жизнь, если в театре нельзя пообниматься? — сказала я и пошла искать спонсора.

Пришла я в Министерство культуры. Жаль, Губенко не было, но общий вид здания мне понравился.

С Губенко мы бы, конечно, быстрее договорились бы. Без проблем. А тут все не поймешь, чем они работой так занимаются. Ага, понимаю: они занимаются тут изо дня в день распределением растворимого кофе! Вот до чего заелись. Сидит бюрократ типичный по комплекции и мышлению и говорит: вы почему к нам? Вам надо свои проблемы решать по месту жительства. Он так считает. А ведь меня здесь можно к какому-нибудь заводику прикрепить, я им постоянно буду читать свои стихи. Короче, не получилось в министерстве, из-за отсутствия Губенко. А время идет, отпуск проходит, тогда я беру и еду к сестре в Херсон.

В Херсоне благодать после Москвы. Тишина, покой, фрукты и море. Если бы человека его душа не томила, он бы сидел и сидел у моря. Море и не очень горячий песок. Под впечатлением этих чувств я здесь получаю спонсора, директора завода, у которого жена — поэтесса. У него идея на Днепре создать плавучие дачи и приглашать интуристов, а я буду как экскурсовод-организатор. Там: костры, цыгане, шоу. И я перед ними степ бью.

Так я начала учиться в Москве. Идей у меня всегда было много. Может быть, из меня получится конферансье? Авторский концерт я хоть сейчас проведу. Я вас буду держать в напряжении полтора часа, это точно! Я приду и только буду читать вам стихи. Свои. Мой авторский вечер можно объявлять хоть сейчас. Стихи и песни на мои стихи. Я выйду и буду перед вами стоять, а вы будете напряженно мне внимать. Конечно, эстрадное выступление хорошо бы разнообразить. Эстрада любит зрелище. Может быть, так: разговорный жанр на фоне фокусов. Но это таскать с собой реквизит.

Сначала, конечно, важно выступить очень ярко и запомниться. Мне студенты говорят: потом будешь волноваться, сейчас время используй на себя. Но я все думаю и думаю о будущем.

Камерные встречи можно будет потом проводить. Сначала — ярко выступить. Я постоянно об этом думаю.

Хотите, вам стихи почитаю? Свои.

«Даю концерты редкие налетом, любя аплодисментов дружный звук, рабочим, пэтэушным обормотам и отбиваюсь, видимо, от рук. Мне говорят: зачем несешься ввысь? Будь женщиной, будь милою женой. Но лезут в голову пребешеные мысли. И хочется понять их глас немой. И чувствую, что жизни мне не хватит. И не успею многое сказать...»

Меня режиссер поздравил с Новым годом, я ему — в стихах ответ. Мол, знай наших: вы режиссер, а мы поэт. Он обалдел. Но больше я не отвечала ему. Главное, чтоб он был в нокауте. Правда?

Мне все говорят, что я отличаюсь от других, но я этого не чувствую. Я пишу стихи, так мне кажется, что все это могут. Я доброжелательный и веселый человек. Но если меня обижают, я защищаюсь очень агрессивно. Тем, кто на меня нападает, становится очень нехорошо. Это при том, что я добра. Просто я легко перехожу в состояние агрессии. Я сама должна себя защищать и отстаивать. Я прочитала Карнеги и поняла, что я сама могла бы написать такую книгу. Вообще многое, что уже сделано человечеством, мне близко. Я понимаю людей. Вот, например, сейчас мне надо накапливать лирику, потому что лирика людям становится необходимой. Вы лирику любите?

«Меня манит твой холод и раздумье, расту и наполняюсь жгучей страстью. О, если ворожить начну я в новолунье, то ты почувствуешь себя моею частью. Я твои руки, я твои глаза, твоя улыбка, смех и расслабленье. Казалось бы, каких-то полчаса, а сколько нежного волненья!»

Басню сейчас трудно написать. Простые образы сложнее, чем стих. Да и литературные редакторы стали такие требования предъявлять: пиши лучше Лермонтова и лучше Крылова. Это тогда и рифма была проще, теперь рифма сложная, а надо писать лучше?

А в смысле поэтов я настоящая душечка. Я всех люблю. Блока, просто трепещу, как обожаю. И Есенина. И Цветаеву читали. Но Блок — моя неземная любовь. Он меня завораживает. Ахматову не могу читать взапой, как его...

Мужу написала три письма с мая. Нет, я хороший товарищ и верный. Но я не могу на нем зациклиться. У меня столько интересов.

Он заботливый... Но мне очень хорошо одной. Мне интересно!

Мне он... мешает, чтобы посвятить себя чему-то одному, чему-то важному! А с ним я делалась постепенно нервной. Ну, что нас ожидало? Ссоры? Скандалы? Теперь я целый день живу свободно: учусь, хожу по городу...

А ребенок у бабушки. Бабушка всегда приготовит, постирает. Школа — через дорогу. Семья-то порядочная. Он стал такой хороший, такой ласковый. Он с нами на «вы» разговаривает!.. Очаровательный, маленький... старичок. Родители мужа ко мне хорошо относятся, но им бы, конечно, надо было бы что-то поспокойнее.

Но ведь в творчестве действительно не должно быть предательств?

Он говорит мне: «Ты что поэта из себя воображаешь?»

Чтобы объясниться с ним, надо было потратить много-много энергии.

Он считает, что если у меня нет публикаций и я не печатаюсь, значит, я и не поэт. Ну, посмотрим. Знать бы, где можно было бы написанное напечатать. Надо общаться с поэтами, надо знать, что нужно переделать. Я звонила в Союз писателей, говорила им: где-то у вас должны же быть поэты? Они говорят: вы извините, но мы сейчас целиком посвятили себя НЛО и литературные вечера временно прекратили.

А завтра они возвратятся к литературным вечерам, но поэтов уже не отыщешь! Но недавно я встретила поэтов из Ашхабада. Они про Афган читали стихи, прочитали, сели на такси и уехали. Ни пообщались, ни адреса не объявили, ничего. Я остаюсь одна, нет у меня соратников по духу. Нет помощников, нет у меня и колес, чтоб рукопись отвозить. Но я рада, что у меня есть стихи, которые не пропадут. Это точно. Эти будут нужны всегда. Хотя, с другой стороны, есть и такие, что раньше были бы как бомба, а сейчас они обычные стихи. «Я пошла бы в проститутки! Нет квалификации. Там работы три минутки — пачка ассигнаций!..»

Эти стихи бы чуть раньше! Но вечное, интимное, конечно, это мое не пропадет. Знать бы, куда обратиться. Когда они наскучат своими НЛО...

По шкале у меня взлет максимальных творческих сил в тридцать три. Я пока заготовка. А в тридцать три как начнем блистать — не перестать».

Ей бы, конечно, платье. Широченное, в талии узкое, тугое, самое талию тонкую, а платье шуршащее и гремящее, из шелка, каких уж и нет.

Ей главное выйти. Ей первый раз нас поразить. Ей прорваться бы к нам.

Как камикадзе, вцепившийся в торпеду и поклявшийся выжить там, после, за пределом,— она.

Москва перед ней лежит. Огромный серый, грязный город, матовым налетом покрыты стекла его окон. Он как собака, мучимая блохами.

Это тот город, который ею захлебнется.

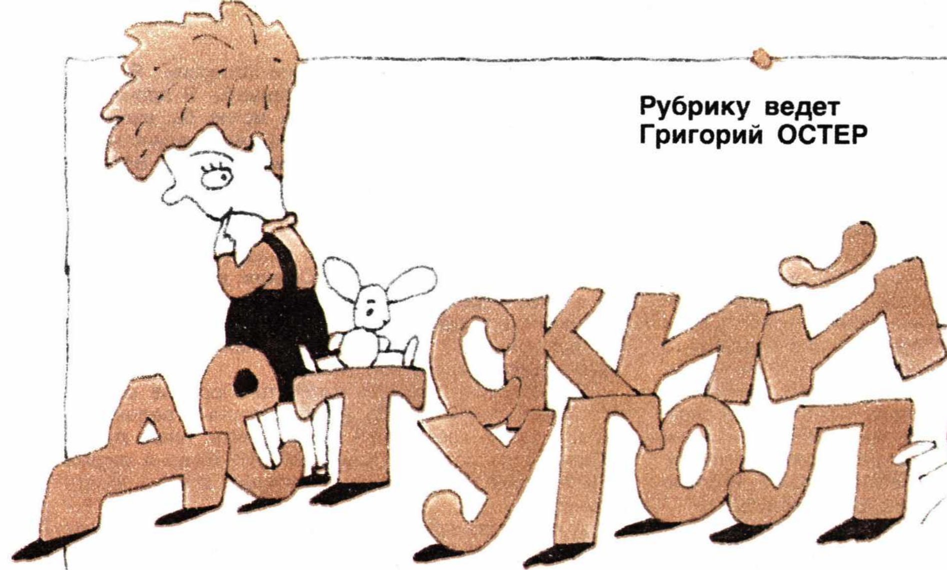
«Остается петь и смеяться. На плохое сквозь пальцы смотреть. А иначе жить невозможно. А иначе жить очень сложно. Не думать над тем, что не нужен... Внимание не обратить. И чувствовать, что ты...»

Это Ангел Наш.

Так Он испытывает нас.

Человек приехал из Парижа и говорит: появились в Париже совбарышни именно возраста 27—30, напористые и чем-то торгуют, именьями, что ли, русскими.

Не знаю. Тут нужно верить на слово. Но то, что барышни наши, в том нет сомнения.

Рубрику ведет Григорий ОСТЕР

Ленинградец Михаил Яснов и москвич Григорий Кружков сами умеют писать стихи для детей. Но они люди не жадные, поэтому часто берут чужие стихи и переводят их с иностранных языков на русский. В русском языке, считают они, всем места хватит.

С помощью Михаила Яснова по-русски заговорили три французских поэта: Морис Карем, Жан-Люк Моро и Робер Деснос, а Григорий Кружков обучил русскому языку англичанина Чарльза Диккенса и американца Шела Силверстейна.

Шел СИЛВЕРСТЕЙН

ПОСЫПАЙТЕ ГОЛОВУ ПЕРЦЕМ!

Каждый день посыпайте голову перцем,
Обязательно посыпайте голову перцем,
Потому что, когда Злой Барбазуб
Вас утащит и продаст ведьме Лахмуте,
Которая захочет вас бросить в суп,—
Она сперва оглядит вас, принюхается,
И вдруг — АААПЧХИ! — как чихнет!
— Нет,— скажет Лахмута,—
для меня это слишком круто!
От острого будет болеть живот.
И она вас выбросит в окошко,
как ненужную дребедень,
И вы побежите домой с колотящимся
сердцем,
И так вы спасетесь,—
если каждый день,
каждый день
Будете посыпать свою голову перцем!

ЖАРА!

Жара!
И лимонад не впрок,
Хоть выпил я полбочки.
Сниму-ка туфли и носки
И посижу в тенечке.

Ну и жара!
Я съел с утра
Мороженого груду.
Сниму-ка майку и трусы
И нагишом побуду.

Нет мочи!
Жар идет от стен,
И жар идет от стула...
Эх, вот бы мне скелетом стать,
Чтоб ветерком продуло!

БОЛЕЗНЬ ПЭГГИ МАККЕЙ

Мама, я нынче совсем заболела,
В школу сегодня идти не могу:
Тело мое, как червяк, ослабело,
Тошно на сердце и мутно в мозгу.
Пальцы трясутся, и чешутся ножки,
Зябко снаружи и жарко внутри,
Перед глазами какие-то мошки,
Сыпь на груди, на ушах волдыри.
Лоб мой пылает — плохая примета,
Температура сто сорок в тени,
Гланды опухли: мне кажется, это
Связано с вывихом левой ступни.
Плюнуть хочу, а никак не плюется,
Рот пересох, и ввалился живот,
Стукнешь коленку — в локте
отдается,
Шею надавишь — в лодыжке
кольнет.
Вся я желта, как лимонная долька,
Даже глаза поразъехались вкось,
Волосы лезут: вон вылезло
сколько!
В ухе какая-то дырка насквозь.
Видно, скрутила меня лихорадка:
В пятке — ангина, в желудке —
прострел,
В общем... да что я —
«желудок и пятка»? —
Нос, как полено, одеревенел!
Мама, ни пить мне, ни есть
неохота,
Это, наверное, аппендицит...
Что ты сказала? Сегодня —
суббота?!
Странно, уже ничего не болит.

Я НЕ ВИНОВАТ

Я прекрасную книгу стихов
Написал:
О весенних улыбках,
Цветах и мечтах,
Но голодный козел
Эту книгу сожрал,
И пришлось мне другую писать
Второпях.
Потому что издатель
Меня подгонял,
И потерянных рифм
Я уже не нашел.
Так что, ежели что,
Извините меня,
Только это не я виноват,
А козел.

ЕСЛИ Я БЫЛ БЫ...

Если я был бы маленький-маленький гном,
Я б умывался каплей одной дождя,
Я бы на божьей коровке ездил верхом,
Удочку прятал в дырочку от гвоздя.

Я под дверями бы запросто проходил,
Мне бы комар казался большим орлом,
Блюдце — широким озером, если б я
был...
Если б я был маленький-маленький гном.

Я бы ни папу, ни маму обнять не мог,
Разве мизинчик, и то не наверняка,
Я бы в испуге шарахался из-под ног
Даже полуторамесячного щенка.

Если бы мне подарила конфету «Полет»
Тетя, которая очень любит меня,
Я бы конфету эту ел целый год,
Фантик один разворачивал бы полдня.

Чтоб написать короткое слово «привет»,
Я бы с неделю ворочал вечным пером...
(Эти стихи я писал четырнадцать лет,
Я ведь и есть маленький-маленький
гном.)

Чарльз ДИККЕНС

БЛАГОДАРСТВЕННАЯ МОЛИТВА ПЕРЕД ОБЕДОМ

(Исполненная дикарями из людоедского племени чум-чум во время ритуального танца вокруг учителя латинской грамматики, сидящего в плетеной корзинке и посыпаемого маисовой мукой перед зажариванием на костре)

Чум-чум-чум,
Ням-ням-ням,
Кусь-кусь-кусь,
Хруп!
Чум-чум-чум,
Ням-ням-ням,
Кусь-кусь-кусь,
Хруп!

Перевод Г. КРУЖКОВА

Робер ДЕСНОС

САРДИНКА

Однажды сардинка — такие дела! —
В Жиронде по самой стремнине
плыла.
Небо — огромно, земля — кругла,
Я тоже купался — такие дела.
Сардинка плывет,
И Жиронда течет...
Привет сухопутным!
Да здравствует флот!

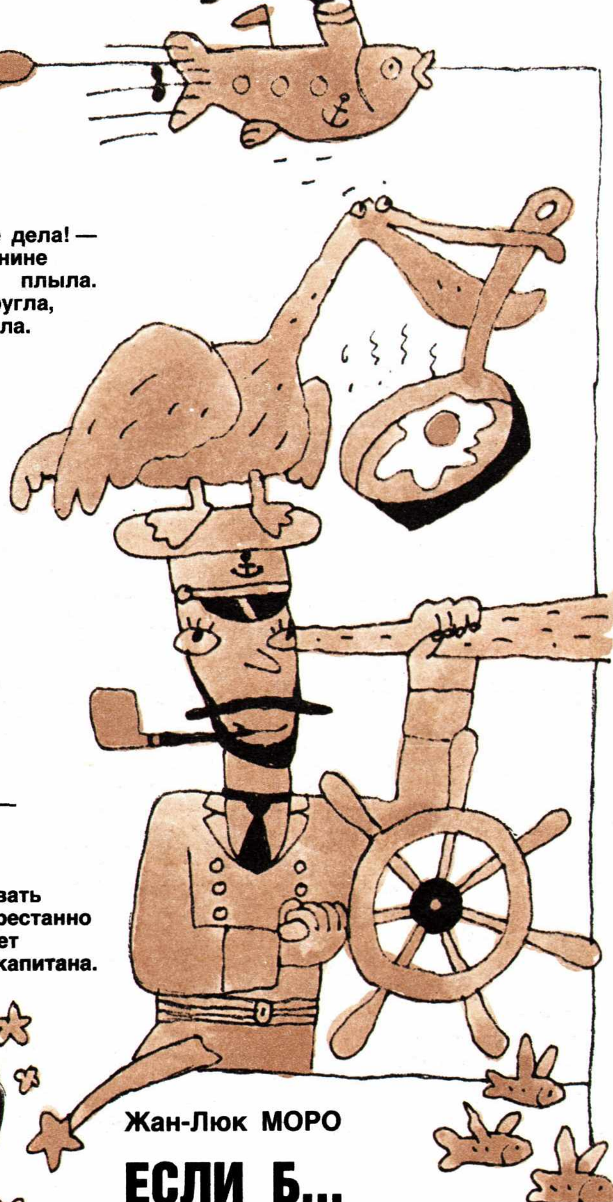
ПЕЛИКАН

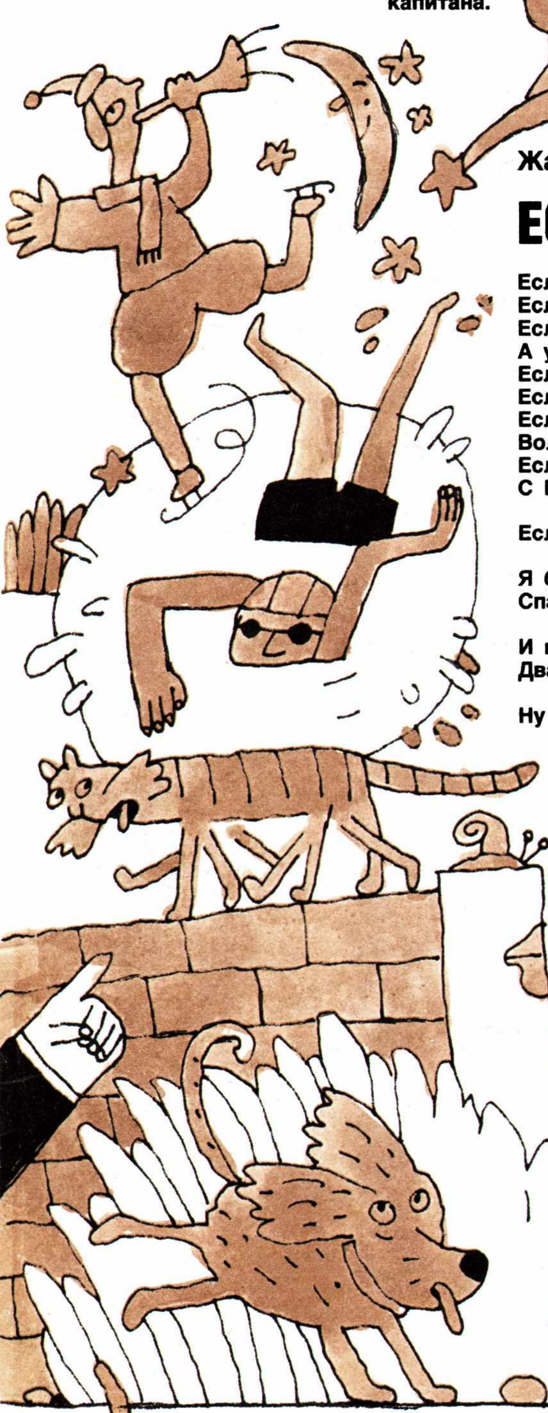
Капитан Джонатан
Переплыл океан —
И в пути пеликана
Поймал капитан.

Пеликан Джонатана
Снес яйцо — и нежданно
Стало у капитана
Целых два пеликана.

И второй пеликан
Снес яйцо, как ни странно,—
Стало у Джонатана
Целых три пеликана.

Будет род пеликана прибывать
беспрестанно
Если только омлет не спасет
капитана.

Жан-Люк МОРО

ЕСЛИ Б...

Если б сардины летали над мелью,
Если б Гастон назывался Жизелью,
Если бы люди, рыдая, смеялись,
А умирая, немедля рождались,
Если бы папа не жил в Ватикане,
Если б озера из рек вытекали,
Если бы стали нормандцы зулусами,
Волки — ягнятами были безусыми,
Если бы Черное море при этом
С Белым сменялось и местом, и
цветом,
Если бы вышло, что мир —
наизнанку,
Я бы по небу гулял спозаранку,
Спал что ни день, по ночам
просыпался,
И в декабре, как в июне, купался,
Два бы плюс два не давали четыре...

Ну и скучища в правильном мире!

Морис КАРЕМ

В МОНМЕДИ

В Монмеди, погляди,
Маленький щенок
Прямо в сад, погляди,
Скачет со всех ног.

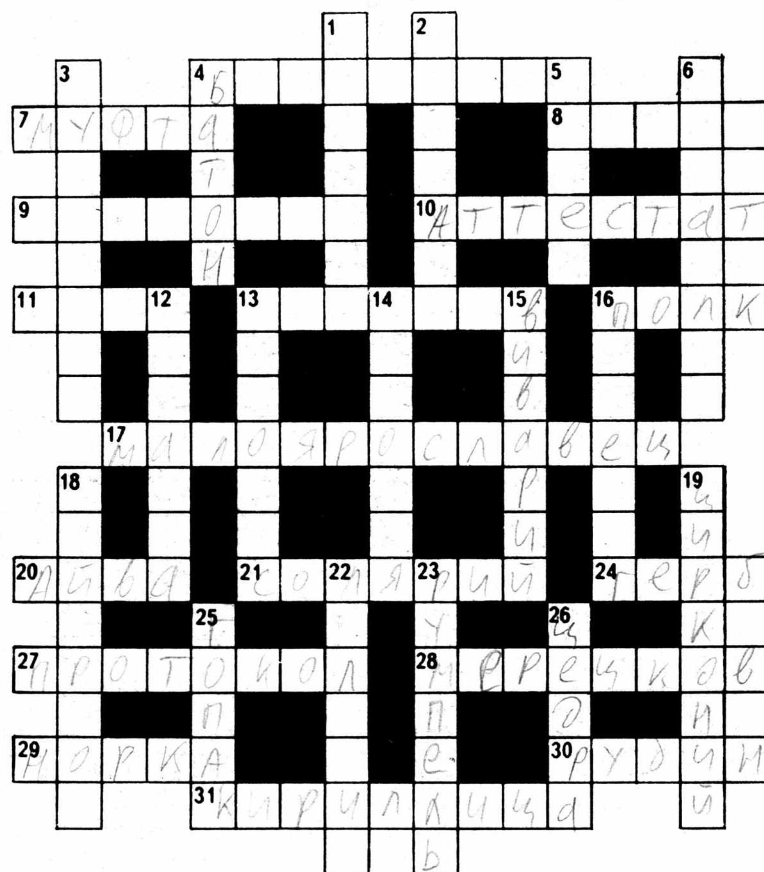
В Монмеди, погляди,
Полосатый кот
По стене, погляди,
Напрямик идет.

Хоть стена и низка,
Да трава густа:
Кот не видит щенка,
А щенок — кота.

Разошлись, погляди,
И щенок, и кот...
Ничего в Монмеди
Не произойдет!

Перевод М. ЯСНОВА

Рисовал Валерий ДМИТРЮК

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 4. Итальянский композитор и виолончелист XVIII—XIX веков. 7. Устройство для соединения валов, труб, канатов. 8. Пресноводная рыба семейства тресковых. 9. Персидский и таджикский поэт. 10. Документ об окончании учебного заведения. 11. Южное созвездие. 13. Музыковед, композитор, академик, народный артист СССР. 16. Воинская часть. 17. Город в Калужской области. 20. Южное плодовое дерево. 21. Площадка для принятия воздушных ванн. 24. Отличительный знак государства, города. 27. Запись происходившего на собрании, заседании. 28. Маршал Советского Союза, командующий фронтом в Великую Отечественную войну. 29. Хищный зверек семейства куньих. 30. Драгоценный камень. 31. Азбука старославянского языка.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Белорусский издатель и просветитель XVI века. 2. Река на Южном Урале. 3. Опера В. Беллини. 4. Белый хлеб продолговатой формы. 5. Озеро в Казахстане. 6. Певец, бас, народный артист СССР, выступавший в Большом театре. 12. Город в США. 13. Птица отряда журавлеобразных. 14. Предварительное развешивание товара в определенных дозах и упаковка. 15. Помещение для содержания лабораторных животных. 16. Рассказ А. П. Чехова. 18. Норвежский этнограф и археолог. 19. Химический элемент, металл. 22. Описания боевого подвига при представлении к награде. 23. Рычаг на руле судна. 25. Украинский народный танец. 26. Наружный слой кожуры цитрусовых.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 11

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 1. Пятигорск. 6. Пастер. 7. Полька. 9. Тезис. 10. Лоцман. 11. Минута. 12. Репин. 14. Дилемма. 16. Антонов. 18. Миранда. 19. Алаколь. 20. Неман. 21. Элерон. 23. Иволга. 25. Скотт. 27. Апсида. 28. Италия. 29. Скальпель.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Патна. 2. Торт. 3. Грузоподъемность. 4. Репс. 5. Колли. 6. «Провинциалка». 8. Антропология. 12. Радиан. 13. Нарзан. 15. Манн. 17. Тана. 22. Оникс. 24. Вуаль. 25. Сава. 26. Тире.

PALMIRA

«ПАЛЬМИРА»
пересечение торговых путей Востока и Запада.

«ПАЛЬМИРА»
советско-канадская торговая фирма.

«ПАЛЬМИРА»
оптовые поставки за рубли продукции ведущих фирм Японии, США, Канады, Западной Европы.

«ПАЛЬМИРА»
возможность заказать и приобрести за рубли:
— телефонные аппараты и другие средства связи,
— оргтехнику,
— аудиомагнитофоны,
— бытовые электротовары.

«Пальмира» позаботится о лучшем для Вас!

Адрес: 119021, Москва, а/я 556
Телефоны: 176-16-82, 905-42-07, 401-63-17
Телекс: 411700 PTB SU
Телефакс: (095) 135 06 40.

ПАЛЬМИРА

ЭКАРТ
1 руб. Индекс 70663